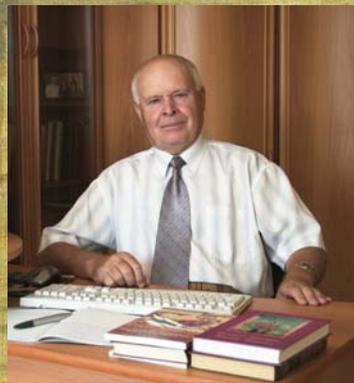

М.Н. Федченко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА (1945-1991 гг.)

Монография

ФЕДЧЕНКО Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета. Родился в 1945 году. Окончил среднюю школу с золотой медалью и Уральский государственный университет. Исследует историю советского общества.

Курганский
государственный
университет

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

43-38-36

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. Н. ФЕДЧЕНКО

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
(1945 – 1991 гг.)**

МОНОГРАФИЯ

Курган 2009

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 63 - 75
Ф 35

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук, профессор В. П. Могутнов;
доктор исторических наук, профессор Л. Ю. Зайцева.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Ф 35 Федченко М. Н. Повседневная жизнь советского человека (1945 – 1991 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с.

В монографии на основе научной литературы, архивных источников, письменных и устных воспоминаний современников освещается повседневная жизнь простых советских людей после окончания Великой Отечественной войны и до распада СССР. Главное внимание уделяется проблемам рабочих, крестьян, рядовых служащих. Книга рассчитана на тех, кто интересуется историей нашего недавнего прошлого.

Табл. - 58, библиограф. – 226 назв.

ISBN 978 - 5-86328-986-1

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 63 – 75

© Курганский
государственный
университет, 2009
© Федченко М. Н., 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование повседневной жизни широких масс населения является актуальной проблемой исторической науки. Эта актуальность всегда осознавалась представителями демократической российской интеллигенции. Известный историк XIX века Н. И. Костомаров писал: «Я читал много всякого рода исторических книг, вдумывался в науку и пришел к такому вопросу: отчего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик, земледелец-труженик, как будто не существует для истории; отчего история не говорит нам ничего о его быте, о его духовной жизни, о его чувствованиях, способе его радостей и печалей?»¹.

Советская историческая наука уделяла вопросам быта, обыденного сознания широких народных масс СССР очень мало внимания. Лишь в многотомных изданиях по истории рабочего класса и крестьянства, вышедших уже в перестроечные 1980-е годы, имеются разделы об уровне жизни рядовых тружеников индустрии и сельского хозяйства, весьма осторожно говорится о трудностях и нерешенных проблемах в социальной сфере². Правда, попытки освещения материально-бытового положения советских трудящихся предпринимались и ранее. В частности, в работах уральских историков содержатся сведения об уровне обеспеченности рабочих промышленности, особенно металлургов, а также колхозников питанием, предметами домашнего обихода, жильем³. Бытовые трудности объяснялись тогда в основном тяжелыми последствиями войны.

В 1960 – 1970-е годы материально-бытовое положение основной массы населения СССР по сравнению с первым послевоенным десятилетием и довоенным периодом значительно улучшилось. Это благоприятно сказалось и на массовых настроениях людей. Успехи нашей страны в социальной сфере, оптимистическую атмосферу духовной жизни пытались показать советские экономисты, социологи, философы. Назовем некоторые из их работ⁴. В них замалчиваются негативные явления повседневной жизни основной массы населения или, в лучшем случае, смягчается их оценка. Уровень жизни простого рабочего весьма трудно представить по широко освещаемому тогда «среднестатистическому» показателю «рабочие и служащие». Ведь к служащим относился не только простой учитель, но и министр, генерал, директор завода.

В перестроечные годы и в постсоветское время внимание обществоведов, в том числе и историков, к повседневной жизни советских людей значительно возросло. Для научных работ этого периода характерно более критическое отношение к советской действительности, стремление показать историю народа «изнутри», на уровне повседневности и обыденного сознания нашего рядового соотечественника. В монографиях и статьях Ю.В. Аксютин, О.М. Вербицкой, М.Р. Зезиной, В.Ф. Зимы, Е.Ю. Зубковой, Г.В. Костырчен-

ко, В.П. Мотревича, А.В. Пыжикова и других авторов поднимаются проблемы общественных настроений в СССР, связи политики с повседневной жизнью народа, голода 1946 -1947 гг., уровня жизни сельского населения⁵. Представляет интерес книга С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация», значительная часть которой посвящена повседневной жизни людей. Правда, в ней речь идет в основном о московской интеллигенции⁶. Информацию о повседневной жизни советского человека можно также получить из экономической и социологической научной литературы перестроечного и постсоветского периодов⁷.

В данной монографии на основе научной литературы, архивных источников, письменных и устных воспоминаний современников сделана попытка освещения повседневной жизни простых советских людей после окончания Великой Отечественной войны и до распада СССР. Значительное место уделяется Уралу и Украине, так как автор лучше знает жизнь населения этих регионов бывшего СССР. В исследуемый период автор жил, учился и работал в крестьянской, рабочей, армейской, научно-педагогической среде. Все это оказало определенное влияние на содержание книги. Возможно, что некоторые ее сюжеты не лишены элементов субъективизма. Это неизбежно тогда, когда автор является современником освещаемых событий. Ведь жизнь каждого человека уникальна и неповторима.

Дискуссионным является вопрос о достоверности данных советской государственной статистики. Некоторые исследователи считают эти данные ложными. Они пытаются приводить свои данные, но при этом не приводят убедительных доказательств о «ложности» официальной государственной статистики СССР и о правдивости «своей» статистики. Нам представляется, что данные, содержащиеся в официальных сборниках ЦСУ СССР, хотя и не совсем точные, но в основном верно отражают тенденции, происходившие в экономике страны. Некоторое несоответствие данных статистики и реальной ситуации в стране было вызвано не столько «ложностью» этой статистики, сколько деяниями теневой экономики, которая пышным цветом стала расцветать в последние годы существования СССР, особенно в период горбачевской перестройки. Действительно, в магазинах почему-то полки «вдруг» оказались пустыми. Куда «вдруг» все исчезло? Ведь продукцию предприятия продолжали выпускать. Помнится, что во время горбачевской перестройки я предлагал одному высокопоставленному чиновнику закрыть торговые базы и направлять предметы народного потребления прямо с производящих их предприятий в магазины, где были пустые прилавки. Ничего он не смог ответить на это предложение. Дефицит товаров во многом был создан высшей партийно-государственной номенклатурой, которая пошла на сотрудничество с воротилами теневой экономики. Это сотрудничество имело место и раньше, но в период правления М. С. Горбачева для него объективно были созданы более благоприятные условия.

Примечания

1. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. – М.: Книга, 1989. – С. 228 – 229.
2. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4. – М.: Наука, 1987; Т. 5. – М.: Наука, 1988; История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4. – М.: Наука, 1988.
3. Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937 – 1975). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981; Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946 – 1950). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979; Она же. Колхозы Урала в 50-е годы. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981; Она же. Колхозы Урала. 1959 – 1965 гг. – Свердловск: УрО АН СССР, 1987.
4. Агабабян Э. М. Экономический анализ сферы услуг. – М., 1968; Он же. Производство и потребление услуг в десятой пятилетке. – М., 1977; Барановская П. В., Воложанин В. С. Оплата труда, реальные доходы, материальное стимулирование. – Свердловск, 1972; Бекетов В. П. Экономика и человек. – М., 1984; Бюджет времени: Вопросы изучения и использования. – Новосибирск, 1977; Думнов Д. И. Бюджет времени населения. – М., 1984; Игнатов И. Д. Развитие торговли в СССР после окончания Великой Отечественной войны. – М., 1961; Классы, социальные слои и группы в СССР – М., 1968; Клопов Э. В. Рабочий класс СССР: (тенденции развития в 60 – 70-е годы). – М.: Мысль, 1965; Коган Л. Н. Молодой рабочий: вчера и сегодня. – Свердловск, 1976; Матюха И. Я. Статистика жизненного уровня населения. – М.: Статистика, 1973; Москвин В. И., Игнатов И. Д. Развитие советской торговли в текущей пятилетке (1966 – 1970). – М., 1967; Полторыгин В. К. Развитие материально-технической базы непроизводственной сферы. – М., 1983; Рабочий класс СССР. 1951 – 1965 гг. – М.: Наука, 1969; Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг. – М.: Наука, 1979; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. – М.: Политиздат, 1976; Сулов И. Ф. Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. – М.: Мысль, 1973; Щербак Ф. Н. Моральные стимулы в труде. – Л., 1973.
5. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 – 1964 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004; Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. – М.: Наука, 1992; Зезина М. Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели». Проблема свободы творчества // Вестник МГУ. Сер. 8. История. - 1992. - № 6; Она же. Шоковая терапия: от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. - 1995. - № 2; Зима В. Ф. Голод в СССР 1946 – 1947 годов: происхождение и последствия. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999; Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. – М.: Международные отношения, 1994; Мотревич В. П. Материальное благосостояние колхозников Урала в 50-е – первой половине 60-х гг. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990; Пыжиков А. В. Проблема культа личности в годы хрущевской «оттепели» // Вопросы истории. - 2003. - № 4; Он же. Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. - 2003. - № 6; Он же. XX съезд и общественное мнение // Свободная мысль. - 2000. - № 8.
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
7. Вальной Д. В. Экономика в человеческом измерении. Очерки размышления. – М.: По-

литиздат, 1988; Васин С. А., Лиходей В. Г. Мера всех вещей: Размышления политэкономов. – Киев: Политиздат Украины, 1990; Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале вопросов общественного мнения. – М., 2001; Закономерности развития непроизводственной сферы и повышение жизненного уровня. – Киев: Наукова думка, 1989; Кацва А. М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. – М.; СПб.: Летний сад, 2002; Комаров В. Е., Улановская В. Д. Эффективность и интенсификация непроизводственной сферы. – М., 1987; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Советская деревня: труд, быт, досуг. – М.: Россельхозиздат, 1986; Разуваева Н. Н. Социально-политическое положение рабочих СССР во второй половине 80-х – начале 90-х годов. – М.: Изд-во МГУ, 1992; Симуш П. И. Облик хозяина земли. Новейшие и традиционные черты. – М.: Мысль, 1987; Уровень жизни населения Уральского федерального округа: проблемы оценки и анализа: Аналитическая работа. – Курган: Изд-во ККГС, 2004; Ходош Ю. Р. Культура потребления. – М., 1987; Шохин А. Н. Социальные проблемы перестройки. – М.: Экономика, 1989.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1953)

После окончания Великой Отечественной войны перед нашей страной встали невиданно сложные задачи. Надо было ликвидировать тяжелейшие последствия опустошительной войны, накормить, одеть и дать кров миллионам людей, перевести экономику на мирные рельсы, найти ресурсы для дальнейшего экономического и культурного строительства, обеспечить обороноспособность СССР. И ничего нельзя было отложить на завтра. Война уничтожила третью часть богатств страны и свыше 27 млн наших соотечественников.

В то же время победа в войне привела к росту самосознания народа, к пониманию того, что он заслуживает лучшей жизни. Критическая мысль «простонародья» пробивалась отдельными травинками сквозь бетон тоталитарной системы в письмах и обыденных разговорах между родными и близкими, жалобах граждан в руководящие органы, в отдельных произведениях литературы и искусства, научных дискуссиях, «острых» вопросах многочисленным лекторам и агитаторам.

Бывший работник ЦК ВЛКСМ Л. Карпинский вспоминал о том, что в молодых людях послевоенных 1940-х годов чувствовалось настроение «активного, злого неприятия того бедственного состояния, в котором находился народ. Многих просто давила нищета, трагедийность жизни своих семей, отсутствие жилья, еды, заработков, и, конечно, та ложь, которая их окружала»¹. Бывший фронтовик В. В. Цаплин, демобилизованный в 1946 году, в своем дневнике писал: «У меня (да, очевидно, и у многих других) наблюдалось двойственное отношение к действительности. Ее критика и неприятие переплетались с признанием фатальной неизбежности того, что отрицалось. Диктатура с характерными для нее условиями жизни не отвергалась, а признавалась как что-то неотвратимое. Мы только что прошли войну, в которой отстояли нашу советскую диктатуру, мы видели ее недостатки, мы критиковали их, но отвергать то, за что погибли миллионы солдат, мы не могли. Эти две психологические реальности плохо уживались друг с другом и нередко приводили меня в стрессовое состояние»².

Первые два года моей жизни совпали с голодом 1946 – 1947 годов. Особенно пострадали от него сельские дети. Очень многие, родившиеся в 1945 году, из-за голода не дожили и до двухлетнего возраста. В 1946 – 1947 годах голод свирепствовал на огромной территории СССР – в большинстве областей Украины, Черноземной полосы России, Средней и Нижней Волги, Южного Урала, Западной Сибири, в ряде районов Белоруссии и Молдавии, захватил многие области Нечерноземья, затронул Москву, Ленинград, Минск, Киев, Кишинев, Свердловск, Новосибирск. Осенью 1946 года были сняты с карточ-

ного снабжения хлебом 28 млн рабочих и членов их семей, живших в сельской местности (работники лесной промышленности, железнодорожники, мелкие служащие). В городах и рабочих поселках значительно урезали нормы выдачи хлеба, а хлебных карточек лишались дети старше 12 лет, не посещавшие школу (в том числе из-за отсутствия одежды и обуви), неработающие «трудоспособные», в том числе больные и инвалиды третьей группы³.

Население проявляло недовольство. В письме М. Васильевой из села Звериноголовского Курганской области говорилось: «Ты знаешь, что у нас здесь делается? Паяк всем отказали, дают хлеб только партактиву, а я вот работаю, а мне хлеба нет. И знаешь, Мария, хлеба нигде не купишь, шныряют мильгошки, да и где вывернешься, уже один пуд стоит 400 рублей. Знаешь, весь народ ревет, а особенно дети, знаешь, у нас в конторе только слезы. Ты только подумай: мужей побили, а детей решили заморить с голоду»⁴.

Настроениям населения в связи с голодом 1946 – 1947 годов посвящена большая группа документов Управления МГБ СССР по Курганской области. Среди них выделяются «спецсообщения»: «О настроениях в связи с повышением пайковых цен на продукты питания» (сентябрь 1946 г.); «О политических настроениях населения области в связи со снижением норм выдачи хлеба и снятия со снабжения отдельных групп населения» (октябрь 1946 г.); «О настроениях в г. Шадринске в связи с ограничением хлебного пайка» (январь 1947 г.); «О нездоровых политических настроениях и высказываниях на почве продовольственных трудностей» (октябрь 1947 г.) и др. Житель Кургана И. Сковорода говорил: «Правительство довело, что колхозникидохнут с голоду, а сейчас хотят, чтобы и рабочие ходили голодные и оборванные». 8 июня 1947 года в почтовых ящиках села Мехонского (Курганская область) была обнаружена листовка, в которой говорилось: «Советская власть заморила нас. Народ начинает опухать»⁵.

Подготовка и проведение выборов в Верховный Совет РСФСР (конец 1946 – начало 1947 г.) совпали по времени с пиком голода во многих регионах страны. Поэтому прослеживается резкое усиление негативного отношения части населения к этой политической кампании. Один из рабочих Макушинского зерносовхоза Курганской области говорил: «Вряд ли в эти выборы все будут голосовать за коммунистов. Я вот не голосовал за них, и голосовать не думаю, всех рабочих лишили пайка». Из надписей на избирательных бюллетенях: «Хлеба нет, такой власти не надо», «Голодом не голосую», «Я сейчас ем траву, и голосовать буду против». 8 февраля 1947 года в почтовых ящиках жителей города Шадринска Курганской области была обнаружена листовка следующего содержания: «Не выбирайте кандидатов в Верховный Совет РСФСР. Бойкотируйте выборы, скажите о себе, подайте голос своей защиты. Посмотрите на свою жизнь. Вашей зарплаты не хватит выкупить даже хлеб. О продуктах, промтоварах и ситце, о мыле, о платье забыли. Если кандидат не пройдет, это заставит только пошевелиться Сталина, только тогда он поймет, что

мы голы и голодны»⁶. В городе Кургане появилась листовка со словами: «Товарищи рабочие! Относитесь халатно к государственной собственности. Делайте расхищение для прокормления своих детей и самих себя. Наши правители жиреют за наши несчастные крохи хлеба и не обращают на голод внимания, как будто этого не видят. Им не жалко рабочей бедноты, потому что они живут без нужды»⁷.

Горожане были недовольны сокращением продовольственного пайка, выдаваемого по карточкам, дороговизной продуктов, запрещением свободной торговли хлебом, лишением их права пользования участками колхозной земли. И. Минеев (г. Курган): «Повышение цен на хлеб увеличилось в три раза. Государство покупает хлеб у колхозников по 6 рублей за центнер, а продает рабочим по 3 рубля 20 копеек за килограмм. Это явная спекуляция и второй налог на рабочих». Е. Жарова (г. Курган): «Наступает здесь жизнь трудная, так как сначала хлеб один килограмм стоил рубль, а теперь 3 рубля 20 копеек, и раньше хлеба получали по 500 грамм, а сейчас уже по 250 грамм и на базаре цены на хлеб очень поднялись». В одном из писем говорилось: «Жизнь в городе Шадринске становится все хуже, хлеб по карточкам дня по три не выдают. Народ озлоблен, зарплату задерживают месяца по два»⁸.

Крестьяне проявляли недовольство тем, что почти весь урожай, выращенный ими в колхозах, изымался «для государственных нужд». Некоторые из них реагировали на это своеобразно. Осенью 1946 года колхозница сельхозартели «Культура» Мокроусовского района Курганской области Е. Кабакова говорила своим подругам: «Пусть пропадет весь хлеб на полях и возьмется прахом. Все равно колхозникам не достанется. Картофель копать не будем, пусть останется под снег, потом себе выкопаем». Тракторист В. Волков (колхоз «Урал» Ольховского района Курганской области, 1947 г.): «Нужно так работать, чтобы затянуть обмолот, так как пока мы молотим, то и хлеб едим, а кончим молотить, хлеб весь увезут государству». К. Сидоренко (колхоз имени Кирова Белозерского района Курганской области): «Дураки мы, колхозники, что работаем день и ночь без отдыха. Сколько в колхозе не работай, хлеба не получишь, коммунисты весь хлеб из колхоза заберут»⁹.

Точных данных о количестве умерших от голода 1946 – 1947 годов нет. Врачей заставляли маскировать истинную причину смертности диагнозами желудочно-кишечных заболеваний. В секретной переписке властей часто упоминалась «дистрофия», то есть истощение. Лишь по косвенным показателям можно предположить, что количество смертных случаев на почве голода было немалым. В материалах Курганского облздравотдела отмечалось, что весной 1947 года в ряде районов допустили употребление в пищу продуктов из перезимовавшего под снегом зерна, в результате чего многие заболели септической ангиной. В правительственной телеграмме (очевидно, что такая телеграмма была направлена во многие области) говорилось о высокой детской смертности в Курганской области. Среди детей в возрасте до одного года она состав-

ляла на 100 родившихся: в 1945 г. – 7,7 %, 1946 – 9,0 %, в 1947 г. – 18,4 %¹⁰. По данным В. Ф. Зимы, в целом по СССР в 1947 году по сравнению с 1946 детская смертность увеличилась на 81 процент. Особенно много детей болело кишечными заболеваниями, в том числе дифтерией и токсической диспепсией. Наблюдался рост заболеваний туберкулезом и рахитом¹¹. В январе 1952 года секретарь Курганского обкома партии Г. А. Денисов писал одному из руководителей СССР Г. М. Маленкову о том, что в области «крайне много больных туберкулезом». В областном центре на одного жителя приходилось лишь 3,5 м² жилья, отсутствовала канализация, а водопроводом была обеспечена незначительная часть горожан. На 100 тыс. жителей имелись ветхие бани, рассчитанные на 190 мест¹².

В 1947 году в РСФСР умерло 1462,4 тыс. человек, то есть на 402,8 тыс. больше, чем в 1946 году. Из общего числа умерших 461 тыс. человек (31 процент) составляли дети до четырехлетнего возраста, а из них 73 процента в возрасте до одного года. Много умирало людей старше 60 лет (278,4 тыс. чел.). В сельской местности число умерших было на 188 тыс. человек больше, чем в городских поселениях, причем чаще умирали мужчины¹³. В феврале – марте 1947 года начальник Управления МГБ СССР по Курганской области К. Тимошенко сообщал в обком партии о массовых заболеваниях дистрофией «в связи с продовольственными затруднениями на почве истощения» в Альменевском, Галкинском, Косулинском, Сафакулевском, Щучанском и других районах. Так, на территории пяти сельсоветов Альменевского района было учтено 218 опухших от голода, крайне истощенных и больных дистрофией, в том числе 148 детей. Большинство заболевших от недоедания являлось членами семей фронтовиков, погибших на войне. К. Тимошенко считал, что «существенных мер по оказанию помощи населению, заболевшему от истощения, со стороны местных партийных и советских органов не оказывается»¹⁴.

Голод 1946 – 1947 годов спровоцировал огромную волну преступлений. Чтобы спасти колхозников-односельчан от голода, многие председатели колхозов вынуждены были ловчить, изворачиваться, обманывать вышестоящее начальство. Это часто квалифицировалось как разбазаривание, а иногда и как воровство государственного хлеба. В колхозе имени Чапаева Варгашинского района Курганской области в середине июля 1946 года по указанию председателя колхоза Нестерова срезали 379 кг ржаных колосьев и разделили между колхозниками. Нестеров был привлечен к уголовной ответственности за то, что сделал это до выполнения плана хлебозаготовок. А всего по Курганской области в 1946 и первой половине 1947 года отдали под суд (в основном за невыполнение планов хлебозаготовок) 278 председателей колхозов¹⁵. Во втором полугодии 1946 года в РСФСР за невыполнение планов хлебозаготовок было привлечено к уголовной ответственности более 5500 председателей колхозов. Значительное число осужденных пострадали невинно, что выяснилось юристами и властями уже в 1947 году¹⁶

В 1946 – 1947 годах ужесточился контроль за хранением хлеба, особенно на глубинных пунктах, где много влажного зерна портилось, скрывалось от властей в «отходах», не учитывалось в документах. За хищение зерна была приговорена к расстрелу заведующая глубинным зерновым пунктом в Половинском районе Курганской области Шахирова. В колхозе «Большевик» Частоозерского района этой же области из 3710 ц намолоченного зерна списали в отходы и на влажность 1251 ц, причем «на усушку» - 632 ц¹⁷. Председатель колхоза «Пятилетка» Ронгинского района Марийской АССР Воронцов при обмолоте якобы в целях последующего хищения приказал оставлять в соломе зерно, а две тысячи недомолоченных снопов раздал колхозникам по трудодням. Воронцов был осужден на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества¹⁸.

Прокурор Курганской области М. Ковешников, выполняя указания правительства и ЦК ВКП(б), предлагал чаще применять к расхитителям хлеба «закон о пяти колосках» от 7 августа 1932 года, предусматривавший смертную казнь или лишение свободы на срок не ниже 10 лет. По данным председателя Курганского областного суда А. Калмыкова, за четвертый квартал 1946 года областным судом (без районных) было осуждено за расхищение зерна 83 чел., из них приговорено к расстрелу трое, к 10 и более годам лишения свободы – 55. Во втором полугодии 1947 года за хищение зерна осудили 1,4 тыс. жителей Курганской области. Так, Н. Конев за кражу 10 кг зерна был приговорен к восьми годам лишения свободы, Н. Сидорова за срезанные на колхозном поле колосья – к семи годам¹⁹.

Подавляющее большинство осужденных за кражу зерна составляли действительно голодные люди, в том числе женщины и дети. Они вынуждены были красть хлеб, чтобы выжить. Но были и крупные хищения зерна в целях спекуляции и наживы. В ночь на 5 октября 1946 года в колхозе имени Шевченко Машевского района Полтавской области четверо преступников, вооруженных автоматами, подъехали на грузовой автомашине к зерноскладу и приказали сторожевой охране лечь лицом к земле. Они насыпали в кузов автомашины 1,8 т пшеницы и скрылись. Преступники не были обнаружены²⁰.

Иногда отдельные лица, недовольные властями и жизнью, брались за оружие. В одном из сел Далматовского района Курганской области в председателя колхоза была брошена граната, в другом – стреляли в сельских активистов. Во время хлебозаготовок 1947 года имели место убийства председателей колхозов в Пензенской и других областях²¹.

М. И. Евдокимова, трудившаяся в первые послевоенные годы в колхозе «Заветы Ильича» Сергачского района Горьковской области, вспоминала: «Кончилась война, а в наши семьи еще больше пришла нищета. Люди обессилели от работы, голода, холода. Не было сил вести борьбу со вшами, клопами, тараканами. Утюги грелись древесными углями, а дров-то и в помине не было. После зимы ходили в поле, собирали оставшуюся гнилую картошку, свеклу,

лебеду, клевер, толкли картофельную ботву. Все это ели. Молоко, мясо, яйца, шерсть сдавали государству»²².

К началу 1950-х годов основная масса советских крестьян уже не голодала, но структура их питания была весьма далека от рациональных норм. Об этом говорят данные табл. 1.

Таблица 1

**Потребление продуктов питания
на душу колхозного населения СССР (за год)²³**

Продукты питания	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Зерновые, кг	123,10	32,11	125,33	140,97	146,71	161,64
Картофель, кг	300,20	09,83	311,62	320,01	327,77	284,04
Овощи, кг	52,70	48,50	57,94	61,10	54,22	47,16
Мясо и сало, кг	8,97	11,88	10,49	10,45	12,90	15,10
Яйца, шт.	27,38	24,74	24,87	26,52	31,35	39,61
Молоко и молочные продукты, кг	174,82	56,64	165,95	170,31	168,56	160,90

Следует заметить, что эти среднестатистические показатели не дают полного представления о питании крестьян различных регионов страны. Например, в засушливом и голодном 1946 году на душу населения в колхозах Украины приходилось лишь 34 кг зерна. В 1950 году на душу колхозного населения СССР приходилось лишь 3,61 кг пшеничного хлеба, 1,76 кг сахара и 0,87 кг рыбы²⁴.

Из данных табл. 1 видно, что в первые послевоенные годы сельское население питалось в основном хлебом и картофелем. Люди потребляли хлеба примерно в 1,5 раза, а картофеля в три раза больше, чем было предусмотрено рациональными нормами питания. Зато было хроническое недоедание по таким высококалорийным и качественным продуктам, как мясо, молоко и яйца. Крестьянин потреблял мяса в 8, молока – в 3, яиц – в 10 раз меньше, чем требовалось. Эти данные в основном подтверждаются воспоминаниями людей, живших в тот период. Например, в повседневной жизни украинского крестьянина пища была очень простая: борщ, различные супы, каша, вареная тыква с пшеном, компот из яблок или груш у тех, кто имел на приусадебном участке сад. В выходные и праздничные дни пекли пироги с картошкой, яблоками, варили вареники с картошкой, вишней, реже – с творогом. Часто на столе появлялся вареный или жареный картофель с солеными огурцами и капустой. Иногда на свином сале или подсолнечном масле жарили яичницу. Мяса потребляли мало. В лучшем случае семья из 4 – 6 человек съедала за год одну свинью, которую резали в начале зимы. К лету мяса обычно уже не было, а сала оставалось немного. В первые послевоенные годы в крестьянских хозяйствах имелось очень мало коров. Держали в основном коз. Это было связано с обязательными по-

ставками молока государству. Кроме того, до массового выращивания кукурузы для кормления колхозного скота (вторая половина 50-х гг.) почти все сенокосные угодья, где я жил (Украина), принадлежали колхозам. Проблема кормов для личного скота крестьян стояла весьма остро.

Колхозники, работавшие в поле, брали еду с собой. Обычно она состояла из хлеба, кусочка сала, вареных или жареных яиц, пол-литровой бутылки молока, огурцов, помидоров, вареного картофеля. Правда, сало и молоко было далеко не у всех. Механизаторов неплохо кормили на полевом стане горячей пищей. Иногда работающим в поле родителям горячую пищу приносили из дома их дети. Фруктов не хватало. Лишь в немногих подсобных хозяйствах имелись яблоны и груши, так как за них надо было платить государству дополнительный налог.

Конечно, структура питания населения разных регионов страны существенно отличалась от сельской местности Полтавской области, о которой я здесь вспоминаю. Так, если в нашем селе во многих крестьянских дворах имелись свиньи, но мало было коров, то в среднем по СССР в 1946 г. не имели свиней 85,3 процента крестьянских дворов, коров – 40, овец – 59,3 процента. В Свердловской области не имели коров 23,8 процента дворов, овец – 41, а свиней – 91 процент²⁵. На 1 января 1950 года не имели никакого скота 15,2 процента индивидуальных крестьянских хозяйств СССР, коров – 47,1, овец и коз – 61, свиней – 76,4 процента. В 1950 году в личных подсобных хозяйствах было получено вдвое больше мяса, чем в 1945, молока – почти в 1,4 раза. Здесь производилась значительная часть мяса (48 процентов) и молока (50 процентов)²⁶. Разница в структуре питания населения была обусловлена природно-климатическими условиями регионов и традициями местного населения. Так, в 1945 году потребление колхозниками Свердловской области на душу населения составляло (в килограммах): зерновых – 121,4, картофеля – 416,1, овощей – 91,4, мяса и сала – 9,7, молочных продуктов – 221,4; яиц – 30,8 шт. Большой редкостью для крестьян здесь являлись фрукты. Их приходилось на душу населения немногим более одного килограмма в год²⁷. Правда, в лесных районах Урала и других регионов крестьяне собирали много грибов и дикорастущих ягод (смородину, малину, вишню, клюкву и др.), которые государственной статистикой не учитывались и данные об этом не публиковались. Сравнивая данные о питании колхозников Среднего Урала со среднестатистическими данными по стране в целом, можно говорить о том, что уральские крестьяне питались в 1945 году несколько лучше, чем жители других регионов, но эта разница не была столь существенной.

Несколько лучше сельских жителей питались рабочие. Во-первых, в 1945 – 1947 годах они в отличие от колхозников получали продукты по карточкам. Во-вторых, рабочие и служащие, имевшие приусадебные участки, были освобождены от натуральных продовольственных налогов. К концу 1940-х годов в Свердловской области до четырех пятых горожан имели свои огороды, а в ра-

бочих поселках огороды были практически у всех. Тогда же вокруг Свердловска заложили свыше 100 коллективных садов горожан²⁸. В 1945 году потребление продуктов питания на одного члена рабочей семьи Свердловской области составляло (в килограммах): хлеба – 222,1, картофеля – 244,1, капусты – 38,5, овощей – 25,2, фруктов и ягод – 2,0, молока – 77,4, масла животного – 0,7, мяса – 11,6, сала – 2,7, сельди – 1,2, другой рыбы и рыбных консервов – 4,0, масла растительного – 2,8, сахара – 2,4, конфет, варенья и меда – 0,7²⁹.

В 1953 году в семьях промышленных рабочих СССР потреблялось в среднем на одного семьянина (в килограммах): хлебопродуктов – 165,0, мяса – 38,0, масла животного – 4,7, молока и молочных продуктов – 88,0, рыбы и рыбопродуктов – 10,0, сахара – 20,5, кондитерских изделий – 9,5³⁰. Эти данные свидетельствуют об улучшении питания рабочих в 1945 – 1953 гг. В то же время отставание в потреблении некоторых ценных продуктов от рациональных норм оставалось весьма значительным: по мясу – более чем вдвое, молоку и молочным продуктам – примерно в пять раз, рыбе и рыбопродуктам – почти в два раза. На питание у рабочих уходило до половины заработка, что свидетельствует о невысоком жизненном уровне этой категории населения³¹.

В первые послевоенные годы приусадебные участки многих колхозников Полтавской области были большими – по 0,4 – 0,5 га. Примерно половина участка засеивалась рожью, репе – пшеницей. Это давало возможность крестьянам иметь хлеб нового урожая уже в августе и дожить до колхозного хлеба, который выдавался на трудодни лишь поздней осенью. Часть зерна подсобного хозяйства съедала домашняя птица. Длинная ржаная солома шла на кровлю изб. Ведь лишь в конце 1950-х годов стали появляться дома колхозников, крытые шифером или оцинкованным металлом из купленных в магазине корыт. В 1950 году на душу колхозного населения СССР с участка ЛПХ собрано 31,2 кг зерна и 170 кг определено по трудодням. Кроме того, с ЛПХ было получено 88,4 процента картофеля, 85,3 мяса, 95,6 процента яиц³². Далеко не вся эта продукция потреблялась колхозной семьей. Значительная ее часть отчуждалась по государственным поставкам, продавалась через кооперацию и рынок. В первые послевоенные годы колхозный двор сдавал государству 40 – 60 кг мяса, 120 – 280 л молока, 30 – 150 шт. яиц в год. Даже по данным официальной статистики, в 1950 году из 21,7 кг мяса, полученного в ЛПХ колхозника на одного члена семьи, почти 5 кг отчуждалось. В среднем на душу колхозного населения сельскохозяйственный налог вырос в 1945 – 1950 годах почти вдвое. В экономически слабых колхозах различные налоги на их членов нередко превышали денежные доходы от общественного хозяйства и покрывались за счет продажи продуктов, полученных в личном хозяйстве³³.

В среднем по СССР в первые послевоенные годы картофель занимал примерно 60, а зерновые культуры – 30 процентов площадей приусадебных участков колхозников. Структура посевов на Среднем Урале имела свои особенности. Главная из них – большой удельный вес картофеля и овощей, посевы кото-

рых составляли 96 – 98 процентов посевной площади на приусадебных участках. В 1945 году 85,8 процента площади приусадебных участков колхозников Свердловской области было занято картофелем, 11,6 - овощами, лишь 1,4 процента - зерновыми культурами. Кое-где в небольшом количестве начали распространяться плодово-ягодные насаждения (земляника, малина, смородина, клубника, яблоны)³⁴.

Несмотря на то, что индивидуальные хозяйства по производству продуктов питания основывались исключительно на ручном труде, а их размеры были несопоставимы с колхозными и совхозными массивами, в личных подсобных хозяйствах производилась весьма значительная часть продукции сельского хозяйства, особенно животноводческой. Об этом говорят данные табл. 2.

Таблица 2

**Удельный вес индивидуальных хозяйств Курганской области
в валовой продукции сельского хозяйства и производства
животноводческой продукции, %³⁵**

С.– х. продукция	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Вся продукция с/х	28,9	29,9	28,7	23,5	20,4	13,3
Продукция земледелия	10,3	10,1	10,4	8,1	6,4	4,5
Продукция животноводства	62,8	65,1	65,3	58,2	54,1	50,7
Мясо	42,2	56,8	57,3	67,9	60,8	54,0
Молоко	74,4	75,7	75,4	73,3	69,5	65,4
Яйца	87,0	87,4	88,9	90,7	88,2	85,9
Шерсть	40,0	40,1	40,5	38,0	28,9	16,4

Данные табл. 2 говорят о том, что в индивидуальных хозяйствах Курганской области производилось больше мяса, молока и яиц, чем в других категориях хозяйств (колхозы, совхозы, подсобные хозяйства предприятий и учреждений).

В первые послевоенные годы в зерновом хозяйстве сосуществовали два уровня производства, которые существенно отличались друг от друга. На совхозных и колхозных полях вспашка производилась тракторами «ХТЗ», «Универсал», «СХТЗ-НАТИ», зерновые убирали комбайновыми агрегатами, состоявшими из трактора и прицепного комбайна «С – 6» или «РСМ – 8». Позднее появились самоходные комбайны. Часть хлебов скашивалась жатками, а затем пропускаясь через молотилки, веялки, зерносортировки. В личном подсобном хозяйстве колхозника технология земледельческих работ почти не отличалась от периода XIX века. Землю пахали конным плугом. Лошадей и плуг

брали «напрокат» в колхозе. Часть приусадебного участка вскапывали лопатой вручную. Сеяли зерновые культуры путем разбрасывания семян рукой из мешка, ведра или лукошка. Косили косами. Молотили хлеба цепами, очищали зерно при помощи ветра. Картофель, сахарная свекла, другие овощи выращивались в колхозах, совхозах и в личных хозяйствах в основном вручную. Появившиеся несколько позднее свекло- и картофелеуборочные комбайны были очень ненадежными в эксплуатации, часто выходили из строя и стояли без дела.

Конечно, сельчане питались не только тем, что производили сами. Иногда в наше село привозили из райцентра печеный хлеб. За ним всегда выстраивались огромные очереди. Не было случая, чтобы всем стоявшим в них этого хлеба хватило, хотя его и продавали не более одной буханки в руки. Часто приходилось стоять в очередях за килькой, бычками и другой рыбной продукцией. Зато никогда не было очередей за вином и водкой. Покупать в магазине спиртные напитки могли позволить себе лишь люди, имевшие деньги – сельская интеллигенция, работники сельпо, местное начальство. Колхозники довольствовались самогоном. И позднее, когда жизнь сельчан немного улучшилась, спиртное в магазине брали редко, считая подобные покупки расточительными. К тому же самогон продавался нелегально в два – три раза дешевле, чем «казенная» водка, а по крепости нередко превосходил водку, купленную в магазине.

Самогоноварение властями пресекалось, но в определенных пределах. Сельская власть закрывала глаза на изготовление самогона, предназначенного для свадеб, проводов в армию, собственного потребления и угощения односельчан, в том числе и начальства. Наказывали лишь тех, кто систематически торговал этой продукцией. Сырьем для изготовления самогона была на Украине в основном сахарная свекла, которая выращивалась на огромных колхозных и совхозных плантациях. Эта культура очень трудоемкая в выращивании. Ее посевы требовали постоянного и тщательного ухода, в том числе прополки, борьбы с вредителями, особенно жуком-долгоносиком. Весной и летом на сбор этого жука выходили всей школой. Копка, очистка, погрузка свеклы производились в основном женщинами вручную. Они трудились в поле дотемна, а затем, нагрузившись ворованной свеклой, в крошечной осенней темноте пробирались пешком домой, боясь встретиться с колхозным или сельсоветским начальством.

Самогонные аппараты были не у всех. За их «аренду» расплачивались самогоном. Сельское начальство самогоноварением не занималось. Для него самогон варили рядовые колхозники, пользовавшиеся у местных властей особым доверием. Иногда районное начальство организовывало кампании борьбы с самогонщиками. Чтобы не подводить деревенскую власть, к сельсовету приносили с десятков самогонных аппаратов (конечно же, самых плохих), которые здесь же уничтожались. На этом чаще всего борьба с самогоноварением и заканчивалась. В сельмаги привозили в бочках разливное пиво, к которому пристрастились многие мужики. На рекламу «Пейте советское шампанское!» ни-

кто из сельчан не реагировал. Это вино называли в деревне «кислятиной» или «казенным квасом».

Люди послевоенной советской деревни были очень бедно одеты. Значительная часть мужчин ходила в поношенном военном обмундировании, заплатанном в некоторых местах. Особенно ценились гимнастерки, брюки-галифе, шинели из так называемой «комсоставской» ткани. Но наиболее распространенным видом одежды являлись телогрейки, называемые «фуфайками». Из обуви очень распространенными были резиновые сапоги. Предел мечтаний молодого парня - пальто из драпа, шерстяной костюм, хромовые сапоги. Признаком достатка считались наручные часы и велосипед. На все наше село имелся один старенький трофейный немецкий мотоцикл. В начале 1950-х годов юноши и девушки из более зажиточных семей стали приобретать зимние суконные полупальто с овчинным воротником (так называемые «москвички») и хромовые сапоги. Почти все деревенские женщины носили головные платки, мужчины – шапки-ушанки, кепки, фуражки. Верхняя одежда либо покупалась в магазине, либо ее шили из покупной ткани у местного портного-частника на швейной машинке «Зингер». Такие портные были почти в каждой деревне. Детям одежду часто перешивали из одежды взрослых.

Деревенским школьницам стали шить школьную форму - коричневое платье и черный или белый фартук. Сельские мальчишки о школьной форме не могли мечтать. В деревню она почему-то не поступала, а шитье таковой в условиях села являлось затруднительным. Нужны были фуражка, по форме напоминающая военную, ремень с бляхой, на которой изображены развернутая книга и буква «Ш», светло-голубая ткань хорошего качества для костюма. В деревне постоянно остро стояла проблема детской обуви. В магазин ее почти не завозили, а деревенские сапожники не брались за изготовление таковой из-за трудоемкости и невозможности многих односельчан хорошо заплатить за выполненную работу. Поэтому летом сельские мальчишки первых послевоенных лет ходили босиком, а в холодное время года обували резиновые или кирзовые сапоги, валенки, предназначенные для взрослых. Однажды на уроке физкультуры в нашем третьем классе (1954 год) я заметил, что лишь один мальчик – сын заведующего колхозной свинофермой, был в кожаных сапогах, а остальные – в резиновых. Даже участники школьной художественной самодеятельности выступали тогда на сцене сельского клуба в родительских резиновых сапогах. Мне запомнилась поговорка, которую произносили тогда односельчане: «Спасибо Сталину-грузину за то, что он обул нас всех в резину». В зимнее время года значительная часть обуви (валенки, тряпичные «бурки») была самодельной, то есть изготовлялась кустарным способом.

Местное начальство и сельская интеллигенция отличались одеждой и обувью от колхозников. Они одевались по-городскому. Женщины носили платья и блузки из шелка и штапеля, юбки из шерсти, покупные туфли, пальто. Мужчины одевались в шерстяные костюмы, пальто, зимние полупальто-«москвички»,

носили хромовые сапоги и белые (так называемые «фетровые») валенки. Часто на хромовые сапоги обували резиновые калоши с красной байковой подкладкой.

В первые послевоенные годы в крестьянских семьях нижнее нательное, а также постельное белье еще было в основном домотканым. Его шили из хорошо отбеленного холста, сырьем для которого в наших краях являлась конопля. Она выращивалась в колхозах, совхозах и в личных крестьянских хозяйствах. Тогда ни у кого даже в мыслях не было использовать эту культуру как наркотическое средство. То же самое относилось и к маку, который сеяла каждая хозяйка для добавки созревших зерен в стряпню. Конечно же, люди и тогда знали об особых свойствах этих растений. Помню, что мать не разрешала нам играть в конопле в прятки. Объясняла просто: «Голова будет болеть». Нам, мальчишкам, особенно нравился процесс замачивания конопля в водоемах, от которого «дурела» рыба, в том числе и очень крупная. В таком состоянии ее можно было ловить даже руками. Мы помогали своим матерям отбеливать холсты, замачивая их в корыте, а затем расстилая на траве, где они из серых становились от лучей солнца белыми. Из домотканого холста шили не только нательное и постельное белье. Книжки и тетради младшие школьники носили в холщовых сумках, перекинутых через плечо. Из самодельного холста шили скатерти, салфетки, полотенца с красивыми вышивками, которыми не только вытирали лицо, но и украшали иконы, картины, портреты, фотографии, часы-ходики, зеркала, висевшие на стенах крестьянских домов.

Советская деревня очень плохо снабжалась одеждой и обувью. В 1945 году в Свердловской области еще выпускались лапти (127 680 пар). В первые послевоенные годы колхозниками этой области в среднем за год приобретались один метр ткани и одна пара кожаной обуви на двух человек. В 1946 – 1947 годах покупку одной какой-либо единицы готовой одежды в год могли себе позволить 8 – 13 человек из 100 колхозников РСФСР, купить готовое платье или брюки могли 24 – 29 человек, кожаную обувь – 11 – 22 человека, белье – 4 – 5 человек³⁶. Конечно, в первые послевоенные годы снабжение населения СССР одеждой и обувью улучшалось, но это улучшение происходило не так быстро. По данным официальной государственной статистики, в 1945 году в стране было произведено 1617 млн метров хлопчатобумажных тканей, в 1950 г. – 3899 млн метров, в 1953 г. – 5285 млн метров. Шерстяных тканей наша страна произвела: в 1945 году – 53,6 млн метров, в 1950 г. – 155,2 млн метров, в 1953 г. – 208,7 млн метров. Если в 1945 году в СССР было сделано 63,1 млн пар кожаной обуви, в 1950 г. – 203,0 млн пар, то в 1953 г. – 238,1 млн пар³⁷. За первое послевоенное пятилетие потребление колхозниками СССР тканей увеличилось в 7,7, обуви – в два раза³⁸. В начале 1950-х годов был превышен довоенный уровень обеспечения населения одеждой и обувью в семьях рабочих. Однако в первые пять – семь послевоенных лет из фабричных тканей больше всего покупалось хлопчатобумажных, то есть более дешевых³⁹.

По данным Чрезвычайной государственной комиссии СССР о злодеяни-

ях немецко-фашистских захватчиков, на территории Советского Союза, подвергавшейся вражеской оккупации, проживало до войны 88 миллионов человек. Около 25 миллионов из них лишились крова⁴⁰. В первое послевоенное пятилетие в городах и сельской местности СССР было построено и восстановлено 102,8 млн кв. м жилой площади. Весь городской жилищный фонд в 1950 году составил 513 млн кв. м (в 1940 г. – 421 млн кв. м)⁴¹. За годы четвертой пятилетки (1946 – 1950) в сельской местности было восстановлено и построено вновь 2698 тыс. жилых домов⁴². Но нужда в жилищах оставалась очень острой, а многие жилые помещения далеко не соответствовали самым минимальным санитарным нормам. В лучшем случае рабочей семье предоставлялась в многоквартирном доме одна комната в коммунальной квартире, имевшей длинный коридор, общую кухню и санузел. Многие рабочие семьи проживали в бараках, землянках, банях, гаражах и даже овощехранилищах. По данным официальной государственной статистики, в 1950 году на каждого городского жителя СССР приходилось в среднем примерно по 7,0 кв. м общей жилой площади⁴³. Однако жилищные условия рабочих семей были намного хуже, чем условия семей высокопоставленных городских жителей.

В первые послевоенные годы большинство сельских украинских изб (хат) почти ничем не отличалось от жилищ гоголевских времен. Стены многих изб были построены из очень тонких жердей, а часто просто из плетня и обмазывались глиной. Внутри и снаружи их белили мелом. В зимнее время стены плотно обкладывались сухими сосновыми иголками. Большинство изб покрывалось соломой. Почти во всех хатах полы были глиняными. Летом их покрывали зелеными листьями камыша, зимой – соломой. Почти каждую неделю, а также после дождя хозяйкам приходилось проводить внутреннюю и наружную побелку стен. Жилища большинства сельских семей состояли из жилой комнаты и кухни. В кухне стояли самодельные стол и скамья, висели самодельные полки и шкафчики для посуды. В одном из углов стояли ухваты, кочерга и другие предметы для работы у печи. Печь занимала не менее одной трети площади всей избы. Топили ее в основном сосновыми иголками, сухими ветками, а иногда дровами и торфом. В жилой комнате имелись самодельные стол, скамейки, табуретки, сундук. Местом для постели во многих семьях был настил (нары) из хорошо отшлифованных досок на высоте около одного метра от пола. Днем в углу этого настила лежала аккуратно сложенная в кучу постель. На ночь она расстилалась по всей площади настила. Зимой старики и маленькие дети спали на печке. Летом юноши и девушки ночевали в сараях или амбарах. Младенцев укладывали в специальные зыбки, подвешенные к потолку. В семьях сельской интеллигенции и начальства вместо деревянного настила стояли металлические или самодельные деревянные кровати, а вместо сундуков – шкафы для одежды. Имелись этажерки для книг. Вместо табуреток у некоторых появлялись покупные стулья. Верхняя повседневная одежда простых крестьян висела на самодельных вешалках или просто на гвоздях.

На Урале, где климат более суровый, чем на Украине, жилища простых сельчан отличались от украинских хат. Большинство домов здесь были деревянными, рублеными из толстых бревен, между которыми для утепления помещались пакля или мох. Большинство домов строились пятистенными, то есть состояли из двух помещений – горницы и кухни. Но встречались и так называемые «крестовые» дома из четырех комнат. Все уральские дома имели деревянный пол, под которым помещался погребок для овощей – голбец. Мебель в первые послевоенные годы была у простых уральцев-сельчан самодельной.

За годы войны жилой фонд уральской деревни сильно обветшал и требовал серьезного ремонта. Многие деревенские деревянные дома были построены еще в XIX – начале XX века. Отсутствие строительных материалов, транспорта, строителей, нормальных дорог, общее обнищание деревни не позволяли развертывать строительство в необходимых масштабах. В Лопатинском, Половинском, Лебяжьеvском и других районах Курганской области часть семей проживали в 1950-е годы в землянках. В 1950 году первый секретарь Курганского обкома ВКП (б) Г. А. Денисов делился своими впечатлениями: «Бросается в глаза в некоторых районах то, что отдельные деревни запущены, отдельные дома колхозников без крыш». Требовали срочного ремонта 60 процентов жилищ колхозников в южных районах Челябинской области⁴⁴.

Урал в годы войны не подвергался в ходе боевых действий разрушениям. Однако сюда было переселено значительное количество людей из западных регионов страны, что обострило жилищную проблему. В 1945 году на одном из уральских военных заводов удалось переселить из палаток и землянок в жилые дома большинство рабочих, однако более трети рабочих по-прежнему находились в очень тяжелых жилищных условиях, в том числе почти 900 человек оставалось в землянках⁴⁵. В 1946 году средняя жилплощадь на одного жителя городов и рабочих поселков Челябинской области составляла 4,8 кв. м, Оренбургской – 4,3 кв. м. На одного работника черной металлургии Урала приходилось 4,2 – 4,7 кв. м, а в бараках – 3,7 – 4,2 кв. м жилья. Плотность заселения в домах металлургов Свердловской области составляла в 1950 году 5,5 кв. м на человека. Еще хуже обстояло дело с жильем там, где не было мощных промышленных предприятий. В 1946 году на одного жителя г. Шадринска Курганской области приходилось 2,5 кв. м жилплощади, в 1955 г. – 3,8, в 1960 г. – 4,1 кв. м. В 1958 году на душу населения Курганской области приходилось всего лишь 4,5 кв. м жилья, а в городах и рабочих поселках – еще меньше⁴⁶.

Значительную часть городов и рабочих поселков Урала представляли бараки. В 1946 году этот вид жилья составлял в Челябинской области одну треть жилищного фонда, а на Магнитогорском металлургическом комбинате – 43,8 процента. В 1945 году лишь 16,7 процента городского жилья Челябинской области было оборудовано водопроводом, 15,6 - канализацией, 14,5 - центральным отоплением, Оренбургской области - 22,8, 10,0, 11,7 соответственно, Курганской – 1,6, 0,6, 0 процентов⁴⁷. Основу жилищного фонда мно-

гих городов и рабочих поселков Урала составляли деревянные дома без всяких удобств, а также построенные в войну жилые помещения упрощенного типа – бараки, казармы, полуземлянки, землянки. До 1950-х годов государственное строительство жилья на Урале почти не велось, а новых, сравнительно нормальных для жизни жилых помещений было мало.

Тяжелая ситуация из-за нехватки жилья и еды продолжалась в г. Магнитогорске до начала 1950-х годов. В июне 1945 года около 20 тыс. рабочих Магнитогорского металлургического комбината спали на двухэтажных нарах в общежитиях, не было ничего необычного, если рабочий, его жена, двое взрослых сыновей и пожилая мать рабочего жили вместе в одной комнате. Многие дома в Магнитогорске нуждались в срочном капитальном ремонте. От нехватки жилья страдали не только простые рабочие, но и инженерно-технические работники и передовики производства. Один стахановец жаловался, что отношения между рабочими и руководителями предприятия стали хуже из-за отсутствия помощи стахановцам, много лет жившим в полуразрушенном здании. В 1947 году значительное количество высококвалифицированных рабочих Магнитогорского комбината размещалось в полуразвалившихся бараках или во времянках. В 1949 году Магнитогорский горсовет получил 531 письмо с жалобами от рабочих. Из них 213 (43 процента) жаловались на плохие жилищные условия. У рабочих Магнитогорска, занятых в легкой промышленности, зарплата в большинстве случаев была настолько низкой, что едва позволяла не умереть от голода. В 1947 году рабочий, член партии, не ходил на работу две недели. Он жаловался, что за предыдущие годы его семья голодала из-за отсутствия овощей, поэтому его жена решила пойти работать в колхоз, где давали хлеб и овощи, а он оставался дома и присматривал за детьми. Некоторые рабочие даже покончили с собой. Один из них оставил посмертную записку: «Жизнь слишком тяжела; я не вижу в ней ничего хорошего»⁴⁸.

В трудных жилищно-бытовых условиях находилась молодежь, проживавшая в рабочих общежитиях. Эта категория юношей и девушек была лишена повседневной материальной поддержки и воспитательного воздействия со стороны семьи. В первые послевоенные годы в СССР действовали Санитарные правила устройства, оборудования и содержания общежитий. Эти правила предусматривали минимальную норму площади спальных комнат (4,5 кв. м на человека); наибольшую вместимость каждой комнаты (шесть человек); нормы площади подсобных помещений и оборудования в них; среднюю температуру в помещениях в отопительный сезон (не ниже 18⁰С). Оборудование спальных комнат должно было состоять из металлических коек, стульев и табуреток, прикроватных столиков, шкафов для одежды и др. Определялась периодичность уборки помещений⁴⁹. Однако большинство молодежных общежитий первых послевоенных лет далеко не соответствовало установленным санитарным нормам.

Жилищно-бытовые условия в общежитиях зависели от многих факторов

– ведомственной принадлежности предприятия и его финансовых возможностей, отношения руководства завода, фабрики, стройки к бытовым условиям молодежи, настойчивости со стороны общественных организаций. В первые послевоенные годы под общежития были заняты амбары, склады, гаражи, землянки, клубные залы, красные уголки. Нередко в таких «хоромах» на одного жильца приходилось по 1,5 – 2,0 кв. м жилплощади, устанавливались двухъярусные нары, имелась лишь одна смена постельного белья, часто изношенного на 70 – 80 процентов. В 1946 году на одном из военных заводов Урала карточная система централизованного снабжения недодавала молодым рабочим промтовары и продовольствие, положенные по норме, часто не доходила до них и продукция заводского подсобного хозяйства⁵⁰.

Одно из общежитий курганского завода «Уралсельмаш» находилось в холодном неприиспособленном помещении, оборудованном двухъярусными нарами. Отопление было печным, водопровод отсутствовал. На площади 85 кв.м проживало 70 человек. В одном из общежитий шадринского завода «Полиграфмаш» (Курганская область) в комнате размером 12 кв. м проживало шестеро подростков, но здесь имелось лишь четыре деревянных топчана. Верхней одежды, кроме спецовок, жильцы не имели. Один раз в сутки они питались в заводской столовой (обед), а на завтрак и ужин варили картофель, купленный на рынке. Под женское общежитие этого предприятия был приспособлен гараж. Стены и потолок внутри помещения обили фанерой и побелили, но из-за сырости побелка отпадала. Металлических коек не было, у всех – деревянные топчаны. Отсутствовали тумбочки, кухонные столы, посуда, прачечная, шкафы для одежды. В 1946 году в двенадцати общежитиях Шадринского автоагрегатного завода проживал каждый пятый его работник. На одного жильца приходилось 3,2 кв.м жилья. Это ниже минимальной санитарной нормы (4,5 кв. м), но больше средней жилплощади на одного жителя г. Шадринска (2,5 кв. м). Смена постельного белья производилась трижды в месяц, но оно было ветхим, не хватало 500 комплектов. Существовала двухъярусная система коек и нар. К середине 1950-х годов положение с общежитиями этого завода ухудшилось. На одного жильца стало приходиться лишь по 2,5 кв. м жилья, тогда как в среднем по городу Шадринску – 3,8 кв. м⁵¹. Новые общежития завод строил, но численность нуждающихся в жилье заводчан росла быстрее.

Местные власти стремились улучшить быт молодежи, но это происходило весьма медленно. В 1946 году бюро Курганского обкома ВКП(б) обязало руководителей треста «Кургангражданстрой» оборудовать необходимым инвентарем и обеспечить топливом общежития молодых строителей. Было решено: в декадный срок выдать молодым рабочим дополнительно по одной паре нагельного белья, за счет подсобного хозяйства треста организовать дополнительное питание. Местная промышленность изготовила для молодежи треста 300 пар кожаной обуви и 150 теплых фуфаяк. Руководители области обратились с просьбой в Наркомаг гражданского строительства России о выделении об-

щежитиям треста во втором квартале 1946 г. 5 тыс. метров тканей и 300 одеял⁵².

В рабочих общежитиях Свердловской области система двухъярусных нар и коек была ликвидирована в основном уже в 1946 году. Активное участие в улучшении быта молодежи принимал комсомол. Зимой 1946 года в общежитиях завода им. М. И. Калинина (г. Свердловск) было холодно, ветер дул в щели стен, печи дымили и не давали тепла, а в оконных рамах вместо стекла торчала фанера. Весной 1947 года комитет ВЛКСМ завода создал несколько молодежных бригад, которые определили объем ремонтных работ в общежитиях и потребность в строительных материалах. Результаты проверки были направлены директору предприятия и опубликованы в заводской газете. Директор издал приказ о начале ремонта общежитий, к которому привлекли самих жильцов. Комитет ВЛКСМ взял под свой контроль поступление и использование строительных материалов. За лето все общежития завода были отремонтированы, утеплены, снабжены топливом. ЦК ВЛКСМ одобрил работу молодежи этого предприятия и объявил с 1 октября по 1 ноября 1947 года всесоюзный месячник подготовки молодежных общежитий к зиме⁵³.

Бездушное отношение к условиям труда и быта рабочих со стороны хозяйственных руководителей наблюдалось обычно в тех отраслях, где много было так называемых «спецпоселенцев» - в горнорудной, угольной, лесной, металлургической промышленности, на стройках. В тресте «Кизелшахтстрой» Пермской области нередко имели место неправильное начисление зарплаты, грубость администрации, неудовлетворительное состояние общежитий. Многие выпускники школ ФЗО использовались на подсобных тяжелых и грязных работах. В 1948 году накануне приезда в г. Кизел министра строительства топливных предприятий А. Задемидко в общежитиях треста был наведен порядок. Однако уже на второй день после его отъезда кубовую в общежитии вновь закрыли на замок, прачечная прекратила прием белья в стирку, в общежития перестали завозить топливо, а выпускники школ ФЗО по-прежнему стали использоваться не по специальности. Только после вмешательства газеты «Комсомольская правда» министр освободил от руководящих должностей некоторых работников треста, виновных в серьезных нарушениях трудового законодательства. Однако такие меры принимались редко. В 1948 году ЦК ВЛКСМ отмечал неудовлетворительное состояние быта молодых рабочих в трестах «Орскметаллургстрой», «Челябинскметаллургстрой», «Свердловскпромстрой». Были случаи, когда неудовлетворительные жилищно-бытовые условия молодых рабочих приводили к забастовкам. 27 марта 1949 года прекратили работу юноши и девушки свердловской фабрики «Уралобувь». Здесь общежития располагались в складских помещениях, не имели самого элементарного для нормальной жизни. Молодым рабочим несвоевременно выдавалась зарплата, их обсчитывали мастера и бухгалтерия. Забастовка завершилась частичным удовлетворением требований юношей и девушек⁵⁴.

В 1950 году в адрес секретарей ЦК ВЛКСМ поступила докладная запи-

ска работника ЦК комсомола Бойцовой, в которой были изложены вопиющие факты дискриминации спецпоселенческой молодежи. На Златоустовском машиностроительном заводе (Челябинская область) стало правилом переводить эту категорию молодых рабочих на те участки, где были плохие условия труда и низкая зарплата. Причем руководство завода считало такое явление вполне нормальным. В адрес молодых рабочих из спецпоселенческих семей, которые в годы войны были еще детьми, часто слышались такие выражения, как «изменники», «предатели», «фашисты», «они должны работать лучше нас, чтобы искупить свою вину». В общежитиях г. Копейска наблюдались случаи искусственного отделения молодежи из спецпоселенцев от остальной молодежи, притеснения юношей и девушек из местного населения за дружбу и нормальные человеческие отношения с «нерусской» молодежью. Среди молодых рабочих г. Копейска частыми были пьянки и драки. В 1953 году газета «Комсомолец Удмуртии» отмечала, что в общежитиях трестов «Удмуртстрой» и «Ижстрой» месяцами не менялось постельное белье, отсутствовала воспитательная работа, а молодежь в свободное время нередко затевала пьянки и азартные карточные игры⁵⁵.

В г. Свердловске комсомольские работники, выбрав одно – два общежития, несколько налаживали там нормальную жизнь, называя их образцовыми, показывая разным комиссиям, а об остальных общежитиях забывали. Так, неплохие бытовые условия были созданы в некоторых общежитиях Верх-Исетского металлургического завода. На остальных предприятиях города эти условия существенно отличались от образцово – показательных. В общежитиях треста «Новострой» было холодно и грязно, а в одном из них на 80 человек имелось всего лишь три умывальника. На Уралхиммашзаводе встречались случаи поселения в одной комнате общежития нескольких семей молодоженов и холостых рабочих⁵⁶.

В работе среди жильцов общежитий было много заорганизованности, формализма, случаев идеологического и морально-психологического прессинга. Формы и средства воспитательной работы зачастую оставались однообразными (лекции, доклады). В 1953 году пленум Свердловского обкома ВЛКСМ поставил задачу, чтобы в каждой комнате общежитий имелся агитатор, а главным в проведении молодежных вечеров объявил их «идейную направленность». В докладе секретаря обкома комсомола Ю. Нарбутовских отмечалось, что в убранстве комнат девушек много мещанства: «Стены завешены базарными коврами, расписанными в духе мещанских картин, которыми в старое время буржуазные идеологи отравляли и уводили сознание трудящихся от насущных вопросов современности. В одном из женских общежитий треста «Тагилстрой» большинство комнат оклеено открытками с изображением целующихся пар, над которыми воркуют голубки-ангелы»⁵⁷.

Быт людей, особенно в осеннее - зимний период, очень зависел от освещения домов. В первые послевоенные годы большинство деревенских домов

освещалось либо керосиновыми лампами, либо просто фитилем, вставленным в 250-граммовую бутылочку с керосином. На Украине такие устройства-коптилки назывались каганцами. Иногда вместо бутылочки использовались гильзы от артиллерийских снарядов, расплюснутые сверху. Даже к концу четвертой пятилетки (1950 г.) в среднем по СССР было электрифицировано лишь 15 процентов колхозов и 10 процентов домов колхозников⁵⁸. В годы войны и в первые месяцы после ее окончания лучше обстояло дело электрификации села в промышленно развитых областях страны, где крупные промышленные предприятия имели подсобные хозяйства по производству продуктов питания в сельской местности. Так, к началу 1950 года было электрифицировано 86,8 процента колхозов Свердловской, 30 - Челябинской и 28,7 процента Пермской областей⁵⁹.

Там, где промышленность развивалась слабее, электроосвещением было обеспечено очень мало сельских населенных пунктов. К 1950 году в Оренбургской области электрифицировали лишь 11,1 процента колхозов, а в Курганской – 8,9 процента⁶⁰. Желание сельских жителей иметь электрическое освещение было огромным. Методом народной стройки почти в каждом селе возводились небольшие гидро- и тепловые электростанции, линии электропередач. Однако народного энтузиазма не хватало. Сельская электрификация часто осуществлялась без проектов, составленных специалистами, то есть «на глазок». В результате, многие сельские гидроэлектростанции часто страдали от нехватки воды летом или весенних паводков, а тепловые испытывали нужду в топливе. Электрическое освещение подавалось в дома сельчан с перебоями. Правда, в первые послевоенные годы нехватку электроэнергии ощущали не только сельские жители, но и многие горожане, особенно в небольших и средних городах.

В нашем селе электричество появилось где-то в начале 1950-х годов. Помню день, когда электромонтеры тянули провода в наш дом. Генератор нашей сельской электростанции приводился в движение локомотивом (паровым двигателем), работавшим на местном торфе. Позднее его заменили дизельным двигателем. К государственной энергосистеме колхоз подключили лишь после 1965 года. Свет включали с началом темноты и выключали в 12 часов ночи, предупредив об этом людей троекратным миганием лампочки. Были попытки освещать даже центральные улицы села. Однако часто хулиганствующие подростки почему-то разбивали электрические лампочки уличного освещения камнями.

Важной приметой повседневной послевоенной жизни было радио. В 1950 году на 178,5 млн жителей СССР приходилось 11 млн радиоточек⁶¹. К началу 1951 года была радиофицирована только одна третья часть населенных пунктов Курганской области. На каждые 100 жителей здесь имелось лишь три радиоточки, вместо 15, как того требовало правительство СССР⁶². Радиофикация сельской местности весьма существенно отставала от городов. Первую ра-

диопередачу я услышал еще в дошкольном возрасте через наушники детекторного приемника нашего соседа-радиолюбителя. Затем в конторе колхоза слушал радиоприемник «Родина», по которому мужики пытались «поймать» «Голос Америки». Вскоре отец купил небольшой радиоприемник «Искра» на батареях, так как электричество в деревне подавалось с перебоями. В соседнем селе уже было проводное радиовещание. На столбе висел громкоговоритель, который не работал лишь с 12 часов ночи до шести часов утра.

Радиопередачи первых послевоенных лет были перегружены политической, экономической и международной тематикой. Для сельской молодежи радио являлось одним из немногих средств знакомства с новыми песнями. Эти песни запоминали и разучивали на слух, их потом пели на клубной самодеятельной сцене, в поле, вечерами на сельских улицах. Это были песни о минувшей войне, молодежи, любви, Родине, партии, Ленине и Сталине, о рабочих и колхозниках, а также народные. Часть полюбившихся молодежи песен звучала в кино. Несколько позднее популярным стал среди юношей и девушек сборник «Песни радио и кино». Футбольные болельщики собирались у громкоговорителя, когда вел свои репортажи об играх Вадим Синявский.

Вечерний досуг юноши и девушки проводили в сельских клубах или в клубах и домах культуры промышленных предприятий городов. В обычные дни там проходили танцы (в городах – платные, в сельской местности – бесплатные), демонстрировались кинофильмы. В праздничные дни (1 Мая, 7 Ноября) в клубах и домах культуры читались лекции и доклады, организовывались концерты художественной самодеятельности, ставились любительские спектакли.

В период отсутствия в провинции телевидения единственным «зрительным окном» в большой мир настоящего и минувшего родной страны и зарубежья являлся киноэкран. Формирование кинорепертуара зависело от идеологических установок правящей партии, состояния фильмофонда, финансовых проблем. Многие отечественные кинофильмы были посвящены недавно минувшей войне, проблемам послевоенного восстановления страны: «Секретарь райкома», «Она защищает Родину», «Два бойца», «Сын полка», «Подвиг разведчика», «Молодая гвардия», «Зоя», «Сельская учительница», «Кубанские казаки», «Кавалер Золотой Звезды», «Возвращение Василия Бортникова», «Большая жизнь». В первые послевоенные годы воспитание людей в необходимой системе направлении осуществлялось и на кинообразе И.В. Сталина. Значительная часть провинциалов представляла вождя страны таким, каким он был показан киноактером М. Геловани, - молчаливым, но мудрым, гениальным, умеющим все предвидеть («Великое зарево», «Клятва», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й»). Культ личности Сталина существовал реально, оказывая огромное влияние на бытие народа. С.Г. Кара-Мурза вспоминает: «На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит. Мы были уверены и об этом не думали. Но, не думая, и мы в массе своей

Сталина любили»⁶³. Культ личности Сталина – это один из стереотипов массового сознания того времени.

В первые послевоенные годы сельская местность страны обслуживалась в основном кинопередвижками. Эти передвижные установки состояли из небольшой походной электростанции, проекционной и звуковой аппаратуры. «Кочевали» эти кинопередвижки по селам и деревням на деревенских телегах, очень редко на автомашинах. Когда приезжала в село единственная в районе специализированная автомашина с надписью «Кино», у местного населения было предпраздничное настроение. Через громкоговоритель звучали любимые песни. Кино любили взрослые и дети.

Нехватка во многих населенных пунктах электроэнергии, отсутствие помещений для демонстрации фильмов (иногда экран вывешивали на наружной стене какого-либо здания), надежного транспорта для кинопередвижек, запасных частей для проекционной и звуковой аппаратуры и передвижных электростанций, бензина, фильмофонда, бездорожье – все это сдерживало продвижение киноискусства в деревню.

И все же киносетель стремительно развивалась. В 1945 году на Урале работало 1407 киноустановок, а в 1950 г. – 4054. В Удмуртии в 1946 – 1950 годах количество киноустановок более чем удвоилось, а в сельской местности увеличилось на 65 процентов. В 1950-е годы киносетель этой республики выросла втрое. Однако жители 1200 населенных пунктов были лишены возможности смотреть кино. В первом послевоенном пятилетии количество киноустановок в Курганской области возросло с 81 до 320, кинотехника обновилась на 85 процентов, фильмофонд увеличился втрое. Однако большинство передвижек давало не более 12 – 13 сеансов в месяц при плане 20 – 25. В 1949 году в 159 населенных пунктах области кинофильмы не демонстрировались ни разу. Примерно таким же оставалось положение и в середине 1950-х годов. В 1953 году из 6600 населенных пунктов Пермской области регулярным кинообслуживанием было охвачено 3219, а в Коми-Пермяцком национальном округе и в 1950-е годы еще имелись деревни, где кино не видели вообще. Ограниченным и изношенным оставался фильмофонд. Обычно в Курганскую область поступало 7 – 12 фильмокопий одной кинокартины. Это означало, что при самых благоприятных условиях население успевало просмотреть данный фильм в течение полутора лет. Среди кинокартин, которые пользовались в 1946 – 1947 годах популярностью, но отсутствовали в области или же имелись в одной изношенной фильмокопии, следует назвать: «Чапаев», «Цирк», «Трактористы», «Два бойца», «Парень из нашего города», «Дети капитана Гранта», киносерию о Максиме⁶⁴.

В первые послевоенные годы демонстрировались и импортные кинофильмы, в том числе трофейные. Партийные органы критиковали конторы кинопроката «за чрезмерное увлечение заграничной кинопродукцией», хотя заграничные фильмы давали, как правило, хороший кассовый сбор, который по-

ступал в бюджет местной власти. Так, в 1947 году в Курганской области пятью копиями кинокартины «Ленин в Октябре» было обслужено 20 тыс. зрителей, а двумя копиями заграничного фильма «Где моя дочь?» - 31 тыс. Отдельные пропагандистские советские кинокартины демонстрировались при полупустых залах. В 1950 году в селе Лопатки (райцентр Курганской области) фильм «В.И. Ленин» за два дня его показа посетило 12 взрослых зрителей, в селе Альменево (райцентр той же области) этот же фильм за два дня также посмотрело 12 человек, в совхозе имени 8 Марта Мишкинского района – семь человек. Однако подавляющее большинство советских художественных кинокартин демонстрировалось в переполненных залах. В 1946 году в Курганской области кинофильмы посмотрело 2,6 млн зрителей, а в 1952 году – 6,4 млн⁶⁵.

В первые послевоенные годы в советской деревне еще сохранялись многие культурно-бытовые традиции, уходившие своими корнями в дореволюционный период. Они проявлялись в обрядах крещения младенцев, свадьбах, престольных праздниках, похоронных ритуалах. В послевоенные 1940-е годы в Российской Федерации примерно одну треть всех родившихся младенцев крестили, а одну треть умерших отпевали в церкви. В европейской части России эти показатели во многих областях составляли от 40 до 60 процентов, а на Украине – еще выше. Действующие храмы были переполнены верующими. За время Великого поста 1946 года в главном соборе Ленинграда причастились 400 тысяч человек⁶⁶. Престольные праздники посвящались тому или иному святому, в честь которого был сооружен местный сельский храм. В очередное село к его жителям съезжались родственники и друзья из других сел и деревень в качестве гостей. После богослужения в храме престольные праздники отмечались многолюдным застольем с выпивкой, песнями, беседами родных и близких людей. Пели в основном народные и советские лирические песни. Очень много исполнялось песен о недавно минувшей войне. В раннем детстве мне особенно запомнилась песня «Ленинградская застольная».

Существенную роль в жизни деревни играли так называемые «помочи». Их устраивал хозяин, чтобы в течение одного – двух дней выполнить большой объем работы силами многих односельчан, например, заготовка и вывозка строительного леса, сена, строительство дома. Это был коллективный, бесплатный труд у одного хозяина, который обязательно завершался обильным, вкусным ужином и обильной выпивкой, песнями и плясками. На Украине сельские дома, которые имели относительно тонкие деревянные стены, обмазывали изнутри и снаружи глиной в течение одного дня. Для этого устраивалась «помощь». Женщины месили ногами глину, мужчины носили ее в дом и вместе с женщинами обмазывали и штукатурили стены. По окончании работы был обычай «купать» хозяев в глиняном растворе. «Купание» сопровождалось шутками, смехом. Затем начиналось застолье, которое заканчивалось песнями и плясками.

Одной из излюбленных форм развлечения и отдыха сельской молодежи

были вечерки, которые устраивались в одном из домов в зимние вечера. На будних вечерах обычно присутствовали одни девушки, которые занимались рукоделием, пели песни, беседовали, шутили, гадали. На праздничных вечерах появлялись парни. Праздничные вечерки сопровождалась играми, танцами, легкой выпивкой. Иногда они заканчивались драками между парнями с разных улиц. В доме, где организовывались вечерки, отдельные пары оставались ночевать. Чаще всего они вскоре женились. Вечерки были весьма распространенным явлением повседневной жизни молодежи в российских, украинских и других селах и деревнях страны.

Замужние женщины зимними вечерами занимались прядением и ткачеством, вышиванием, а в праздники ходили друг к другу на «посиделки», вели разговоры на бытовые темы, сплетничали о своих односельчанах. Мужчины собирались вечерами в одном из домов, играли в карты, беседовали о минувшей войне, о политике, хозяйственных делах, иногда пили самогон или брагу.

Уникальный этнографический материал о быте горнозаводских семей Урала собран сотрудниками Челябинского областного краеведческого музея. В первые послевоенные годы среди горнозаводского населения Урала преобладала так называемая малая семья, состоящая из двух поколений (супруги и их неженатые, незамужние дети) либо из трех (супруги, их женатый сын с детьми или супруги с детьми и одним женатым сыном). Ведущей тенденцией в семейных отношениях было дробление семейств, стремление молодежи к отсоединению от отцовской семьи. Жители села Тюлюк Катав-Ивановского района Челябинской области признавались в 1952 году в том, что большие семьи стали делиться после запрета властями держать больше одной коровы на семью. Именно это распоряжение советского руководства явилось одной из причин разрушения большой семьи. Длительное бытование больших семей в горнозаводских населенных пунктах Урала объясняется значительной прослойкой старообрядцев среди населения, отличавшихся известным консерватизмом. Горнозаводская семья Урала была несколько больше обычной городской семьи. Детей в ней редко было меньше четырех человек. В отличие от крестьянской семьи, семейный уклад горнозаводского населения характеризовался более высоким авторитетом женщины-матери. Муж и дети отдавали ей весь свой заработок. Мать делала все закупки для дома. Наиболее существенные финансово-хозяйственные дела совершались по взаимному совету супругов.

В первые послевоенные годы в горнозаводских семьях Урала детей продолжали крестить. В уходе за ребенком преобладали деревенские способы и приемы. Ребенок спал в люльке, подвешенной на металлической пружине к крюку потолочины. Люлька делалась из точеных палок, скрепленных в виде рамы, с дном из ткани. На дно клали какую-нибудь ветошь, под голову – подушечку, одеяльце делалось из лоскутков, пеленки и распашонки – из старья, применялись и свивальники. До восьми – девяти месяцев, а то и до года, женщины кормили детей только грудным молоком. Затем приучали к общему сто-

лу. За детьми младшего возраста присматривали бабушка, мать или дети старшего возраста. Для детей родители сооружали ледяные горки, делали салазки, самодельные карусели. У большинства детей покупных игрушек не было, в основном они играли самодельными (тряпичные самодельные куклы и т. п.). К домашнему труду детей привлекали с самого раннего возраста. После окончания семилетки учиться продолжали немногие. Большинство сразу же поступали на заводы, фабрики, в колхозы.

В 16 – 20 лет девушка становилась невестой. В холодное время года девушки собирались на вечерки, ходили в клуб, в кино и просто гулять по улице. В Катав-Ивановском районе Челябинской области и в ряде других местностях Урала бытовал специфический девичий обычай – «спать» с парнями. Несколько девушек снимали на ночь у какой-нибудь одинокой женщины дом и приглашали такое же количество парней вместе «спать». Стелили на полу. Ложились в одежду. Ночью вели разговоры, шутили. Если парень не понравился, то девушка больше его «спать» не приглашала.

Среди девушек практически всех регионов страны принято было вести альбомы, в которые записывались популярные песни, частушки, стихи. В послевоенные годы многие девушки увлекались вышиванием салфеток, занавесок, полотенец, скатертей, делились друг с другом рисунками для вышивок. В сельской местности осуждались девушки, которые носили брюки. Впрочем, в первые послевоенные годы деревенские девушки брюк практически не носили.

Одним из способов времяпровождения рабочей молодежи городов в выходные дни было катание на лодках с гармошкой по заводскому пруду. В иные дни количество лодок доходило до 30 – 40 штук. В первые послевоенные годы неженатых парней и мужчин было мало, особенно в деревнях. Одни не вернулись с войны, другие уехали в города «на производство» или учиться в ремесленных училищах и школах ФЗО. Некоторые бывшие фронтовики за два – три послевоенных года сменили по две – три жены ⁶⁷.

Местная власть вмешивалась в жизнь крестьян в основном посредством выкачивания из них налогов. Через рассельного мужики периодически вызывались в сельсовет, где им напоминали о налогах, недоимках, нередко угрожали. Накануне выборов в органы власти среди населения активизировалась агитационно-пропагандистская работа. Повсеместно ставилась задача, чтобы проголосовало как можно раньше наибольшее количество избирателей. С шести часов утра комсомольцы кричали под окнами у людей: «Голосовать!» Добивались почти 100-процентного участия избирателей в голосовании. Тех, кто голосовать отказывался, преследовали по месту работы. Бывший работник ЦК ВЛКСМ Л. Карпинский вспоминал: «Мы, агитаторы, даже состязались между собой, чьи раньше выйдут голосовать, совсем не задумываясь, зачем и кому все это нужно, но зато чувствуя себя какой-то вроде бы особой когортой, которая лучше других понимает, что нужно людям, и поэтому должна их подогнать – сагитировать» ⁶⁸. Предвыборные кампании весьма активно вторгались

в повседневную жизнь людей. В сельской местности избирательные участки были разбиты на так называемые «десятидворки» во главе с учителями и другими активистами из руководящего состава села, колхоза. Старались доходить до каждого избирателя. Выборы в Советы превращались в праздничные шоу. На избирательных участках играла музыка, работали буфеты, избиратели старались одеться по-праздничному. Люди не выбирали власть, а голосовали за одного кандидата, утвержденного в райкоме (горкоме) или обкоме правящей партии. Критические замечания, в том числе и справедливые, в адрес кандидата в депутаты Советов рассматривались властями как антисоветская агитация. В 1947 году бюро Курганского обкома ВКП (б) рекомендовало кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР молодую женщину-врача из сельской местности. Ее односельчане высказали в адрес этого кандидата ряд серьезных критических замечаний. Вместо того, чтобы прислушаться к людям и проверить справедливость критики, бюро обкома партии приняло постановление «об антисоветской вылазке против кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР». Прошло время, все то негативное, о чем говорили избиратели в адрес кандидата в депутаты, подтвердилось. Зачастую кандидатами в депутаты Советов подбирались не самые достойные, а те, кто подходил под анкетные данные спущенной сверху разрядки. В 1947 году партийные руководители Курганской области выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР молодую телятницу Л. Против этой кандидатуры выступил один из ее односельчан: «Навыбираем таких как Л. в правительство и будем опять сидеть без хлеба, и так эта жизнь всем надоела, зачем выбирать таких неграмотных людей. Какой от нее толк, когда она неграмотная. Поедет она в Москву, будет только слушать, что скажут другие и ходить в правительственную столовую, побывает во МХАТе, будет получать правительственную зарплату, вот и вся ее работа как депутата. Ну к чему мы выбираем эту телятницу, какой из нее руководитель, ведь она неразвитая девчонка, забитая колхозница». Став депутатом, Л. отказалась работать телятницей, ссылаясь на болезнь: «Хватит, ползала по колена в грязи, теперь и я хорошо поживу». Под нажимом местного начальства она все же согласилась трудиться в колхозе⁶⁹.

Власть мы чувствовали и на колхозном поле, где на уже убранных участках собирали колоски. Некоторые мальчишки срезали колосья и на необработанных участках. Увидев сторожа – объездчика, который обычно разъезжал верхом на коне, мы убежали от него куда глаза глядят. Однажды пьяный председатель сельсовета поймал двух «парикмахеров», которые срезали колосья ржи размахивая пистолетом и угрожая расстрелом, заставил их копать яму. Конечно, он их лишь припугнул, но мальчишки плакали и умоляли оставить их живыми. Этот председатель любил, вытащив пистолет, лазить по чердакам крестьянских изб, искать самогон, шкуры от зарезанных домашних свиней, которые надо было сдавать государству. Он был советским героем двух войн – Гражданской и Великой Отечественной, имел много орденов и медалей, но яв-

лялся неуравновешенным человеком, часто находился в нетрезвом состоянии. «Арестую, отдам под суд, посажу!», - эти слова он говорил односельчанам довольно часто.

На каждом шагу давали о себе знать следы недавно минувшей войны. В лесу можно было увидеть заросшие травой ряды фронтовых окопов, кое-где валялись ржавые или позеленевшие снаряды, патроны. Иногда оставшиеся от войны боеприпасы взрывались, гибли люди и домашний скот. Виднелись заросшие травой пепелища, а многие семьи проживали в землянках. У многих детей отцы погибли на фронте, у других являлись инвалидами. Часто по селам ходили увечные мужчины с гармошками и просили милостыню.

Примерно каждый третий – четвертый демобилизованный фронтовик являлся инвалидом. У них возникали проблемы с трудоустройством. Нищенство калек на базарах, вокзалах, в поездах стало характерной приметой послевоенного времени. Инвалиды обязаны были ежегодно проходить медицинское переосвидетельствование для подтверждения инвалидности, в том числе и те, кто потерял на фронте ногу, руку, зрение. Некоторые из инвалидов войны, чтобы устроиться на работу, наоборот, скрывали свою инвалидность. Немногим удавалось лечиться в госпиталях.

Бывшие фронтовики, проживавшие в городах, общались чаще всего после войны в различных закусочных и пивных (в народе их называли «голубыми дунами»). Именно там они могли выговориться, отмякнуть душой, именно там царила фронтовая ностальгия. И чем тяжелее и обыденнее становился послевоенный быт, тем острее и очевиднее отпечатывались в сознании фронтовиков ценности войны, когда человек был «до необходимости необходим»⁷⁰.

В отличие от 1960 – 1970-х годов и последующих десятилетий, в первые послевоенные годы государство весьма слабо заботилось о фронтовиках и инвалидах. Очень многие бывшие фронтовики умерли от ран и болезней, полученных на войне, так и не дождавшись ощутимых для них различных льгот. Проблемы, с которыми сталкивались инвалиды войны, видны из частного письма, направленного в 1947 году из Прорывинского сельсовета Звериноголовского района Курганской области: «Жизнь нерадостная, все только с себя продаем. Купишь пуд хлеба крадучись, вольной торговли нет. Как только заметили хлеб где, так накрывают и отбирают. В общем, свое здоровье оставили на фронте, а ничего не завоевали хорошего. Инвалидность снимают, но у меня не сняли, дали еще на год, а у многих сняли. Мне давали направление на курорт в феврале месяце, но до сих пор не был я на курорте. Путевки приходят для инвалидов, а используются не инвалидами, то есть причандалами, которые всю войну заворачивали здесь делами. Мясопоставки просят, налог просят и хлеба покупать не на что. Хлеб дорогой, а монатки нипочем. Каждый тащит, умирать не хочется»⁷¹.

О следах минувшей войны напоминали многие могилы фронтовиков и моих односельчан на сельском кладбище. На некоторых из них вместо крестов стояли небольшие деревянные усеченные пирамидки с красными звездочками.

Такие пирамидки ставились на могилах красноармейцев, местных коммунистов и комсомольцев. Весной мама водила меня на кладбище и показывала могилки двух моих старших братьев, которые, простудившись в погребках и окопах, где прятались от пуль и бомбежек, умерли в двухлетнем возрасте. На кладбище мне запомнился большой деревянный крест на могиле моего деда по матери. В 1943 году его забили насмерть полицаи за то, что его дочь (моя тетка) была связана с партизанами, но немецкие власти ее не могли найти. В центре села находилась братская могила, в которой было похоронено более 100 советских воинов. На ней сначала стояла небольшая усеченная деревянная пирамида с красной звездочкой. Позднее пирамиду выложили из кирпича, а рядом поставили памятник. Здесь в дни советских праздников проводились митинги, а в первые послевоенные месяцы и богослужения. В 1960-е годы сюда стали приезжать родственники погребенных воинов. Встречи с ними оставили самые теплые воспоминания у моих односельчан.

В первые послевоенные годы власти терпимо относились к Русской православной церкви. Храмы были переполнены верующими, в том числе и молодежью. В нашем селе действовал небольшой деревянный храм. Его закрыли лишь в начале 1960-х годов во время хрущевских гонений на религию и церковь. Детей дошкольного возраста, а кое-кого и в младших классах водили в церковь мамы и бабушки. Дети исповедовались и причащались. Из религиозных праздников больше всего запомнилась Пасха. Было уже тепло, распускались почки на деревьях, прилетали птицы. К Чистому четвергу в домах было чисто, уютно, празднично. Накануне праздника хозяйки пекли вкусные белоснежные куличи, жарили мясо, красили яйца. С субботы на воскресенье мама и бабушка находились в церкви на всенощной службе, откуда приходили рано утром. Семья разговлялась освященными в церкви продуктами. Затем дети шли гулять, играли в разные игры, веселились. Отец в церковь не ходил, Богу не молился, но никогда не проявлял неуважения к религии и церкви.

Среди советского населения была и особая категория простых людей – так называемые репатрианты и спецпоселенцы. Их повседневная жизнь существенно отличалась от жизни остальных граждан. Репатрианты – это те лица, которые во время войны оказались в немецком плену или были принудительно отправлены оккупационными властями на работу в Германию. После их освобождения Красной Армией и войсками наших союзников эти люди возвращались на родину. На 1 января 1953 года в СССР возвратилось около 5,5 млн советских граждан. Однако только 15 – 20 процентов из них получили разрешение возвратиться домой к своим семьям. Остальные, как в чем-то провинившиеся перед советскими властями, так и подозреваемые в виновности, осуждались на различные сроки заключения в лагерях, принудительные работы по восстановлению разрушенных войной районов, ссылку в Сибирь и на Север⁷². Репатрианты, которые возвращались к своим семьям, обычно вели замкнутый образ жизни, были молчаливыми. Они ничего не рассказывали о своем пребы-

вании в плену или на принудительных работах в Германии. Некоторые женщины прибыли из-за границы с маленькими детьми. Этих детей потом их сверстники называли немцами.

Спецпоселенцы – это люди, которых советская власть считала нелояльными к ее режиму, а поэтому принудительно переселила в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, на Урал, Север и Дальний Восток. До августа 1941 года на спецпоселении находились в основном только «бывшие кулаки», переселенные в период сплошной коллективизации. В 1941 – 1948 годах на спецпоселение было вывезено еще более 3,2 млн чел. По документальным данным отдела спецпоселений МВД СССР, на октябрь 1946 года числилось около 2,5 млн спецпоселенцев, в том числе свыше 655,6 тыс. мужчин, более 829 тыс. женщин и 979 тыс. детей (в возрасте до 16 лет). 890,7 тыс. из них находилось в Казахстане, свыше 300 тыс. – в Средней Азии, около 442,5 тыс. – в Западной Сибири, более 300 тыс. – на Урале, 112,3 тыс. – в Красноярском крае. Большинство среди спецпоселенцев составляли лица немецкой национальности – 895,6 тыс. чел., «бывшие кулаки» - 577,1 тыс., чеченцы и ингуши – 400,4 тыс., крымские татары, болгары и греки – 193,9 тыс. Среди спецпоселенцев много было калмыков, турок, курдов, карачаевцев, балкарцев, жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, власовцев и других ⁷³.

В 1950 году насчитывалось около 1,5 млн трудоспособных спецпоселенцев. Свыше 700,7 тыс. из них трудились в сельском хозяйстве, около 160,8 тыс. – в угольной, 128,5 тыс. – в лесной и бумажной промышленности, свыше 118 тыс. – на стройках и предприятиях добывающих отраслей промышленности, находившихся в ведении МВД. Остальные работали на металлургических и машиностроительных заводах, в пищевой, местной, рыбной и других отраслях промышленности ⁷⁴.

Правовое положение спецпоселенцев определялось постановлением Совнаркома СССР от 8 января 1945 года, согласно которому эти люди пользовались «всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим постановлением». Спецпоселенцы не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке ⁷⁵.

Фактически это постановление не выполнялось. Спецпоселенцы находились в дискриминационном положении по сравнению с местным населением в вопросах организации и оплаты труда, быта, получения образования. Так, в 1952 году даже по официальным документальным данным 20 процентов детей школьного возраста из семей спецпоселенцев не посещали школу из-за отсутствия зимней одежды и обуви, а также в связи с тяжелым материальным положением родителей, отсутствием школ в ряде мест или их отдаленности от мест проживания ⁷⁶. Правда, из-за бедности школу не посещали и многие дети обычных граждан.

Повседневную жизнь спецпоселенцев можно проследить на примере де-

портированных в Курганскую область молдаван. 6 апреля 1949 года Совет Министров СССР принял постановление о выселении из Молдавии в восточные районы страны лиц и членов их семей, которые не внушали советским властям политического доверия. Операция под кодовым названием «Юг» началась в два часа ночи 6 июля 1949 года. К домам людей, заочно и втайне приговоренных к вечной ссылке, подъезжали грузовые автомашины с вооруженными офицерами и солдатами войск МГБ/МВД и местными советскими активистами. Разбуженным семьям зачитывали текст на русском и молдавском языках об их выселении и отвозили затем к месту посадки в железнодорожные вагоны. К 20 часам 7 июля 1949 года в 30 эшелонов поместили 11293 семьи в составе 35050 чел., в том числе 9745 мужчин, 13924 женщины и 11381 ребенка в возрасте до 15 лет. На 1 января 1953 года на Урале, в Сибири, Казахстане и Средней Азии числилось 34954 чел., депортированных из Молдавии, в том числе 13447 чел. (38,5 процента) в Курганской области⁷⁷.

подавляющее большинство спецпоселенцев-молдаван, депортированных в Курганскую область, трудились в сельском хозяйстве и на стройках на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах. Условия их труда и быта были невыносимыми. В январе 1950 года начальник Управления МВД СССР по Курганской области полковник Павлов докладывал секретарю обкома партии Лобанову о том, что «во многих районах области молдаване оказались в крайне затруднительном продовольственном положении». В колхозе «Красный флот» Косулинского района все три семьи спецпоселенцев совсем не имели продуктов питания. Семьи Анны Бачу, имевшей троих детей в возрасте от 7 до 12 лет, и Марии Недели, матери четырех малолетних детей, опухли от голода; они ели труп павшего теленка. Шестеро детей Марии Мерженяу в возрасте от 6 до 12 лет питались исключительно за счет милостыни, подаваемой местными жителями. Аналогичные случаи были во многих районах области⁷⁸.

С 25 декабря 1949 по 25 января 1950 года органами МГБ по Курганской области было зарегистрировано 243 случая высказываний спецпоселенцев из Молдавии на тяжесть материально – бытовых условий жизни и нечуткое отношение к ним со стороны местных властей. В письме из Падеринского сельсовета Далматовского района говорилось: «Уже три месяца как нам не дают ни одной крошки муки из колхоза, и нам даже не дадут до нового урожая. Нужно работать, и тогда нам дадут. Мы говорим, что умираем с голода, а председатель колхоза и милиционер нас утешают и говорят: “Продайте то, что имеете и кушайте, так как мы не имеем откуда вам давать, все отдаем государству”. Что слышно в отношении войны? Только в этом наше спасение, чтобы мы радовались раньше времени смерти. Вижу, что начинают молдаване умирать с голода, и мы также находимся на этой дороге...». В другом письме спецпоселенца к родным было написано: «Мы работаем в колхозе шесть месяцев, но летом нам давали по 500 грамм хлеба, потом 300 грамм, а сейчас не дают ничего. Мы очень несчастные, как сюда привезены пожизненно, а мы надеемся, что

кое-что будет, мы возвратимся в наши места. Если мы не выходим на работу – приходит старший лейтенант и вытаскивает нас силой. Они говорят, что мы плохие, нам совершенно не верят, что мы голодные, обращаются с нами как с пленными...». Из письма, отправленного из колхоза «Заря» Ольховского района: «Вечером, когда приходим с работы, идем в очередь за хлебом. Местные нас выбрасывают из очереди, ругают молдаванами, а когда приходим домой, то дети плачут и замерзают и голодными ложатся спать». В письме из совхоза «Строитель» Альменевского района говорилось: «У нас здесь большие морозы, но на это не обращают внимания, на то, что мы не можем их выдержать; гонят на работу, да и сами не можем сидеть, потому что надо зарабатывать на кусок хлеба детям и спасти их от голода и холода. Но дети больше 300 грамм в день не кушают, а то живут на одной картошке, да и та скоро кончится. Когда мы сюда приехали, нам дали по три сотки под картошку на душу и сказали: “Вот вам помощь”. Но теперь за эту картошку и за материал, который мы взяли на землянки, с нас высчитывают по 520 рублей, заработанных за два месяца. Приходится жить тяжело, невыносимо, только жалко детей, что страдают безвинно. Не на кого детей оставить, надоело мне жить на белом свете...»⁷⁹.

У большинства людей, депортированных из Молдавии, не было теплой одежды и обуви. Из-за этого многие взрослые не могли в зимнее время выходить на работу, а их дети – посещать школу. В Чашинском и ряде других районов таковых среди спецпоселенцев насчитывалось до 50 процентов. Массовыми были случаи обморожения. Супруги Митницкие обморозили конечности рук и ног, но продолжали работать в колхозе им. Калинина Половинского района, чтобы получать продовольственный паек и прокормить своих детей. Спецпоселенец Ф. В. Морей, в семье которого имелось трое трудоспособных людей, зимой работал в колхозе «Красный Октябрь» Половинского района один. Остальные, не имея теплой одежды и обуви, сидели дома. Сам хозяин обморозил руки и ноги, но продолжал ходить на работу, чтобы получать на трудодни муку⁸⁰.

Невыносимые условия труда и быта вызывали недовольство людей. Один из спецпоселенцев говорил: «Мы здесь живем и работаем как рабы в Египте. Нам здесь никто не верит, гонят нас каждый день на работу. Больше работаем даром, чем за плату». Очень многие депортированные спецпоселенцы надеялись на возвращение в Молдавию только в случае войны между СССР и США, в которой, по их мнению, «победит Америка». Колхозник Г. А. Острофец (Давыдовский сельсовет Глядянского района) говорил: «Скоро придут американцы. Я имею двух братьев в Румынии. Один из них капитан, второй – лейтенант. С приходом американцев я вернусь в Молдавию, и мне будет возвращено 60 га земли, 10 лошадей и 10 коров»⁸¹.

Многие спецпоселенцы находили утешение в религии. Большинство среди иеговистов Курганской области составляли лица, депортированные сюда из Молдавии. Свой протест против властей они часто выражали в религиозных

формах: отказывались работать по воскресеньям и в праздничные дни, не ставили свои подписи в регистрационных листах комендантов поселений, не являлись в комендатуры по вызовам, не хотели брать государственные кредиты на строительство и ремонт жилья. Иеговистский актив вплоть до конца 1980-х годов очень часто подвергался арестам, на длительные сроки заключался в тюрьмы и лагеря. Их судили обычно «за антисоветскую деятельность», которая действительно имела место у части проповедников («слуг») иеговистских объединений⁸².

Во второй половине 1950-х годов были сняты многие ограничения для спецпоселенцев, но без реабилитации, компенсации за конфискованное имущество и без права свободного возвращения на свою родину. К 1963 году власти разрешили возвратиться в Молдавию лишь каждой пятой семье из депортированных в 1949 году. Лишь в 1989 году все депортированные из Молдавии лица были реабилитированы, им компенсировали материальный ущерб, предоставили различные льготы⁸³.

Таким образом, в первые послевоенные годы нашим соотечественникам ценой перенапряжения физических и моральных сил пришлось поднимать страну из руин и пепла. В 1946 – 1947 годах многим людям пришлось бороться в связи с голодом за элементарное выживание. Особенно тяжелым было материально-бытовое положение сельских жителей. Именно во многом за счет их почти бесплатного труда в колхозах, а также личного подсобного хозяйства, удавалось кормить страну и снабжать отечественную промышленность сырьем. В первые послевоенные годы повседневная жизнь советских людей постепенно улучшалась, но это происходило крайне медленно. Политическая жизнь страны протекала в условиях апогея сталинизма и была откровенно недемократической.

Примечания

1. Комсомольская жизнь. - 1989. - № 8. - С. 2.
2. Отечественные архивы. - 1998. - № 3. - С. 31 – 32.
3. Отечественная история. - 1993. - № 1. - С. 35.
4. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее – ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 4. Д. 60. Л. 63.
5. Там же. Оп. 4. Д. 60. Л. 49, 53; Оп. 5. Д. 85. Л. 248 – 249.
6. Там же. Оп. 5. Д. 85. Л. 4, 6, 228, 229.
7. Там же. Оп. 4. Д. 60. Л. 37, 41; Оп. 5. Д. 85. Л. 11, 36, 190.
8. Там же.
9. Там же. Оп. 4. Д. 60. Л. 49; Оп. 5. Д. 85. Л. 84, 85, 132, 167.
10. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. Р – 1232. Оп. 1. Д. 83. Л. 47; Д. 84. Л. 80; Д. 86. Л. 1.
11. Отечественная история. - 1993.- № 1. - С. 42; ГАКО. Ф. Р – 1232. Оп. 1. Д. 86. Л. 1; Оп. 2. Д. 92. Л. 2, 3.
12. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 10. Д. 100. Л. 1, 19.
13. Отечественная история. - 1993. - № 1. - С. 42.

14. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 85. Л. 59 – 65.
5. Отечественная история. - 1995. - № 5. - С. 48; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 83. Л. 239.
16. Отечественная история. - 1995. - № 5. - С. 48, 49.
17. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 7. Л. 94; Красный Курган. - 1946. - 11 декабря; 1947. - 1 августа, 11 ноября.
18. Отечественная история. - 1995. - № 5. - С. 48.
19. Красный Курган. - 1946. - 9 октября, 11 декабря; 1947. - 1, 6 августа, 11 ноября; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 1. Л. 30, 31; Д. 7. Л. 89, 94.
20. Отечественная история. - 1995. - № 5. - С. 49.
21. Там же. С. 50.
22. Отечественная история. - 1993. - № 1. - С. 39.
23. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 182.
24. Там же.
25. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 53.
26. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 113, 114.
27. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 63.
28. История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10 – 11 кл. общеобразовательных учреждений. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2004. - С. 408 – 409.
29. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 100.
30. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 248 – 250.
31. Там же.
32. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 177.
33. Там же.
34. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 55, 56..
35. Мотревич В. П. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941 – 1960 гг.). – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. - С. 26 – 50; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941 – 1950 гг.). – Екатеринбург: Наука, 1993. - С. 182 – 187, 189 – 216.
36. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 65, 66; Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 157 – 158.
37. СССР в цифрах в 1959 году. – М.: Госстатиздат, 1960. - С. 75 – 82; Народное хозяйство СССР в 1958 году. – М.: Госстатиздат, 1959. - С. 158, 159, 164 – 169.
38. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 183.
39. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 253.
40. Известия. - 1945. - 13 сентября.
41. История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в двенадцати томах. Серия вторая. Том XI. – М.: Наука, 1980. - С. 219.
42. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 187.
43. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 258.
44. Земля Курганская. Прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. – Курган: КГПИ, 1992. - С. 70.
45. Свободная мысль. - 1998. - № 5. - С. 87.
46. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 38, 39, 91, 93; Земля Курганская... С. 69.
47. Там же.
48. Индустриализация в СССР: уроки истории (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода): Материалы международной научной конференции. – Челябинск:

- ЧГПУ, 2003. - С. 131, 132.
49. Материально – бытовое положение трудящихся Урала... С. 106, 107.
50. Свободная мысль. - 1998. - № 5. - С. 87, 88.
51. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 34. Л. 40; Оп. 39. Д. 11. Л. 12, 13; Государственный архив города Шадринска Курганской области (далее – ГАШ). Ф. 472. Оп. 10. Д. 30 м. Л. 81; Д. 30 п. Л. 67; Д. 30 т. Л. 70, 71; Д. 50. Л. 64.
52. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 13. Л. 17 – 21.
53. Комсомольская правда. - 1947. - 13, 19 сентября.
54. Комсомольская правда. - 1948. - 2, 28 апреля, 8 июня, 29 декабря; Вопросы истории. - 1998. - № 6. - С. 135 – 137.
55. Позывные истории. Вып. 9. – М.: Молодая гвардия, 1990. - С. 62 – 65; Комсомолец Удмуртии. - 1953. - 31 мая.
56. Комсомольская правда. - 1953. - 3 февраля; На смену! - 1953. - 2 декабря.
57. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 10. Д. 389. Л. 16 – 30; Оп. 14. Д. 98. Л. 54.
58. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 336.
59. Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы... С. 66, 67.
60. Там же.
61. История СССР с древнейших времен... С. 236; Население СССР: Справочник. – М.: Политиздат, 1983. - С. 8.
62. Красный Курган. - 1951. - 17 февраля.
63. Кара – Мурза С. Г. Советская цивилизация... С. 30.
64. Культурное строительство РСФСР: Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1958. - С. 72, 73, 104, 105, 122, 123, 144, 145, 150, 151, 154, 155, 174, 175; Государственный архив новейшей истории и общественно – политических движений Пермской области (далее – ГАНИОПДПО). Ф. 1458. Оп. 1. Д. 733. Л. 132; Оп. 2. Д. 178. Л. 9; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 41. Д. 3. Л. 36; Ф. 92. Оп. 3. Д. 777. Л. 41; Д. 1511. Л. 1, 2, 3; Д. 2499. Л. 38; Оп. 63. Д. 40. Л. 144; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 3. Л. 117; Оп. 5. Д. 19. Л. 94, 124 – 126; Оп. 7. Д. 14. Л. 144; Оп. 86. Д. 1. Л. 52; Ф. 1200. Оп. 5. Д. 516. Л. 102; Удмуртская правда. - 1949. - 21 июня, 25 октября.
65. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 2. Д. 3. Л. 117; Оп. 6. Д. 2. Л. 18; Оп. 7. Д. 14. Л. 144; Оп. 5. Д. 19. Л. 94, 124 – 126.
66. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. - С. 275.
67. Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы Второй региональной научно – практической конференции. – Челябинск: ООО «Рифей», 2004. - С. 206 – 210.
68. Комсомольская жизнь. - 1989. - № 8. - С. 2.
69. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 85. Л. 38, 39, 69, 70, 71.
70. Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 29 – 34.
71. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 85. Л. 203, 204.
72. Геллер М., Некрич А. История России. 1917 – 1985: В 4 т. Т. 2. Кн. 2. - М.: МИК, Агар, 1996. - С. 7, 8.
73. История СССР. - 1991. - № 1. - С. 157; 1992. - № 1. - С. 142.
74. История СССР. - 1992. - № 1. - С. 137.
75. Там же. С. 125, 126.

76. Там же. С. 141.
77. Отечественная история. - 1996. - № 2.- С. 72, 75, 76.
78. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 8. Д. 61. Л. 5, 6.
79. Там же. Л. 10, 11, 17.
80. Там же. Л. 6, 7.
81. Там же. Л. 11, 27.
82. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 8. Д. 61. Л. 3; ГАКО. Ф. Р – 1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 – 5; Д. 30. Л. 3 – 5; Д. 37. Л. 47 – 48, 50, 52 – 55; Д. 44. Л. 31; Д. 92. Л. 34 – 39, 138, 140.
83. Отечественная история. - 1996. - № 2. - С. 78, 79; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 13. Д. 103. Л. 85, 86.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН И НАДЕЖД (1953 – 1964 гг.)

5 марта 1953 года умер И. В. Сталин. Я учился тогда в первом классе. Заплаканная учительница сказала: «Дети, идите домой. Уроков не будет. Умер Сталин». Возле сельсовета и конторы колхоза вывесили большие цветные портреты вождя, украшенные венками из зеленых сосновых веток, красных и черных лент, а также государственные траурные флаги. Люди были встревожены. Многим тогда казалось, что только Сталин способен предотвратить новую войну. В те дни мало говорили о внутренних проблемах. Всех заботило одно – посмеют ли Америка и Англия в связи со смертью Сталина затеять против нас войну? Простые люди боялись того, что жизнь без Сталина может ухудшиться, а ее ухудшение или улучшение они всегда увязывали с возможностью или невозможностью войны. Советский человек первых послевоенных лет мыслил одновременно категориями войны и категориями мира. Психология комбатанта глубоко проникла в души людей, особенно бывших фронтовиков. Но в то же время подавляющее большинство простых советских людей хотело мира, а не войны. Люди говорили тогда: «Можно любые трудности преодолеть, лишь бы не было войны». Не помню ни одного человека из родных и близких, кто бы радовался смерти Сталина. Жили мы тогда трудно, часто были недовольны теми или иными действиями местных властей, но не связывали это с именем Сталина. Случилось так, что сталинские репрессии не затронули моих самых близких родственников. Возможно, что кто-то из людей втайне и радовался этой смерти, но открыто об этом тогда не говорили. Повсеместно продолжали висеть портреты Сталина, в школе и клубе по-прежнему о нем читали стихи, пели песни. Так было до 1956 года.

О том, что после смерти Сталина наметились тенденции в улучшении жизни простых людей, особенно крестьян, я впервые услышал от своих односельчан, которые негативно отнеслись к снятию в 1955 году с поста главы советского правительства Г. М. Маленкова. Курс на удовлетворение материально – бытовых нужд населения, производство предметов народного потребления, наведение порядка в торговле, существенное ослабление налогового прессинга на крестьян простые люди первоначально связывали с именем Г. М. Маленкова, а не Н. С. Хрущева. Некоторые смельчаки даже прямо говорили о том, что Маленкова сняли якобы за то, что он пытался улучшить жизнь крестьян. Большинство же считало, что в Кремле просто идет борьба за власть.

После XX съезда КПСС, на котором был подвергнут критике «культ личности Сталина», народ находился в психологическом шоке. Ведь культ личности этого человека не являлся простым возвеличиванием советской пропагандой, миллионы людей связывали это имя с победой в недавно минувшей вой-

не и не знали о масштабах и тяжести преступлений своего вождя. О содержании доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» широкие массы населения СССР знали. Его зачитывали на партийных и комсомольских собраниях, кое-где его читали и среди профсоюзного актива. Правда, иногда доклад читали в сокращенном виде. Содержание этого документа в основном было известно даже нам – 12-13-летним подросткам. Я, например, узнал о нем от студентов, которые приезжали из Харькова в наше село на каникулы к родителям, обсуждали между собой этот доклад, а мы, подростки, невольно слышали их беседы. Утверждение о том, что массы не знали о содержании доклада до 1989 года, когда он впервые был опубликован в советской печати, – миф зарубежной и нашей перестроечной и постсоветской пропаганды.

Ответы на все вопросы о Сталине мы надеялись получить у нашей учительницы. Но она ответила кратко: «У всех в жизни бывают ошибки. Были они и у Сталина». Большинство населения либо молчало, либо говорило о докладе Н. С. Хрущева: «После этого доклада не знаешь, кому верить»; «Много лгут». Уже в 1990-е годы Р. А. Иванченко, которая работала в 1956 году в г. Орске Оренбургской области, вспоминала: «Обвинениям в адрес Сталина и верили и не верили. За налоги ругали, но дисциплину он держал хорошо. А был бы предателем, всю Россию отдал бы немцам в войну»¹.

Основная масса партийных функционеров вскоре поняла, что антисталинское выступление Н. С. Хрущева бросает тень на правящую партию, ее руководство и общественный строй нашей страны в целом. Летом 1956 года вышло постановление ЦК КПСС о культе личности Сталина, которое, как казалось тогда многим, расставило точки над «i». Суть этого постановления состояла в том, что основы советского социалистического строя остались неизменными, а нарушения сводились лишь к личным ошибкам Сталина. Как теперь известно, многие интеллектуалы с этим не соглашались, а за свои «подлинные марксистско-ленинские убеждения» вскоре были приговорены судами к длительным срокам заключения в лагерях и тюрьмах. Основную массу простых людей заботила не столько борьба в верхах власти, сколько повседневные бытовые проблемы.

Повседневная бытовая жизнь простых людей постепенно, хотя и медленно, улучшалась. Были перемены к лучшему и в настроении населения. Действительно, в середине 1950-х годов (особенно после XX съезда КПСС) «над страной пронесся ветер перемен, народ воспрянул, ожил, стал смелее и увереннее»². Люди почувствовали, что всему, что связано с удовлетворением потребностей человека, стало больше уделяться внимания.

В деревне уже никто не голодал. Ее население стало лучше питаться. Если в 1950 году на душу колхозного населения СССР потреблялось мяса и мясных продуктов примерно по 15 кг, то в 1960 г. – по 30 кг, а в 1965 г. – по 33 кг. В 1950 году каждый член колхозной семьи потреблял в среднем 160 кг

молока и молочных продуктов, в 1960 г. – 228 , а в 1965 г. – 234 кг. В 1965 году по сравнению с 1950 годом колхозники стали потреблять в среднем на одного человека больше: яиц - втрое (с 40 до 123 штук), рыбы – более чем в семь раз (с 0,87 до 7,1 кг), сахара – более чем в 16 раз (с 1,76 до 26,5 кг). Немного уменьшилось потребление хлеба и картофеля ³. Это свидетельствует об улучшении структуры питания колхозников.

Лучше стали питаться промышленные рабочие. Если в 1953 году в обследованных семьях промышленных рабочих потреблялось в среднем 165 кг хлебопродуктов, в 1955 г. – 173 кг, то в 1959 г. – только 139,7 кг на члена рабочей семьи. Зато повысилась доля потребления других продуктов: мяса - с 38 до 54 кг (в 1,4 раза); масла животного – с 4,7 до 6,4 кг (в 1,4 раза); молока и молочных продуктов – с 88 до 154 кг (в 1,7 раза). Потребление рыбы и рыбных продуктов увеличилось с 10 кг в 1953 году до 12,4 кг в 1960 году, то есть на 24 процента, сахара – с 20,5 до 23,5 кг (на 15 процентов), а кондитерских изделий – с 9,5 до 12,8 кг (на 34 процента) ⁴.

Несмотря на некоторое улучшение, к началу 1960-х годов питание большинства советских людей основывалось главным образом на обильном потреблении хлеба, круп и картофеля. Уровень потребления этих продуктов далеко превосходил научно обоснованные рациональные нормы. Напротив, такие ценные продукты, как мясо, животное масло, яйца, овощи, фрукты и ягоды все еще играли лишь вспомогательную роль. Их потребление в то время составляло от одной пятой до половины необходимой величины. Об этом свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3

Данные потребления продуктов питания населением СССР в 1960 году (кг на душу населения) ⁵

Продукты питания	Рациональные физиологические нормы потребления	Минимальные физиологические нормы потребления	Потребление в СССР
Хлебные продукты	115	146	164
Картофель	110	124	143
Овощи и бахчевые	130	91	70
Мясные продукты	82	31	40
Молочные продукты	405	211	240
Яйца (штук)	292	183	118
Рыбные продукты	18,2	13,5	9,9
Сахар	40	20	28

Из вышеприведенных данных видно, что в 1960 году в СССР на душу населения потреблялось хлебопродуктов и картофеля значительно больше рациональных физиологических норм. Потребление овощей, бахчевых, рыбных

продуктов и яиц было ниже даже минимальных норм. Мясных и молочных продуктов граждане СССР потребляли примерно вдвое меньше, чем предусматривалось рациональными физиологическими нормами, хотя минимальные нормы и были достигнуты.

Различные категории населения отличались по уровню потребления отдельных продуктов питания, о чем свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

**Сравнительные данные потребления продуктов питания
различных категорий населения РСФСР в 1959 году
(кг на одну душу в год) ⁶**

Продукты питания	Колхозники	Рабочие совхозов	Рабочие промышленности	ИТР и служащие
Хлебные продукты	188,9	139,3	134,5	122,8
Картофель	188,3	137,1	121,7	114,0
Овощи и бахчевые	78,2	71,3	73,0	75,0
Мясные продукты	33,3	32,0	51,8	55,9
Молочные продукты	287,1	300,3	296,7	346,3
Яйца (штук)	174	169	133	159
Рыбные продукты	5,6	6,0	13,2	14,0
Сахар	13,8	14,5	23,8	24,1

Из табл. 4 видно, что из всех категорий населения РСФСР лучше питались в 1959 году ИТР и служащие. По потреблению на душу населения мяса, молока, рыбы и сахара они значительно опережали колхозников и рабочих совхозов. По этим же продуктам, а также по потреблению яиц они питались лучше рабочих промышленности, правда, здесь разрыв был меньший по сравнению с сельскими жителями. Следует заметить, что такое различие произошло не за счет всех ИТР и служащих, а за счет руководителей разного ранга с высокими денежными доходами.

Некоторое улучшение питания населения было в значительной мере связано с успешным развитием сельского хозяйства СССР в 1954 – 1958 годах в целом, с резким уменьшением налогов с индивидуальных приусадебных участков. Уже с 1 июля 1953 года сельскохозяйственный налог с этих участков уменьшился вдвое. Нормы поставок мяса государству снижались с 44 до 30 кг, молока – с 223 до 110 л с коровы, яиц – на 28 процентов. Специалисты сельского хозяйства, сельские учителя, медицинские работники, инвалиды и пенсионеры полностью освобождались от обязательных поставок государству продукции животноводства. С 1 января 1958 года были полностью отменены обязательные поставки государству всех сельскохозяйственных продуктов с индивидуальных хозяйств колхозников. В 1958 году семья колхозника РСФСР по-

лучала от личного подсобного хозяйства для своего потребления почти все молоко, 87,1 процента картофеля, 82,3 овощей, 99,5 процента мяса ⁷. Таким образом, почти все продукты питания, за исключением хлеба, сахара и рыбы, колхозная семья производила в личном подсобном хозяйстве.

Лучше снабжалось продуктами питания население крупных городов. В средних и небольших городах рабочие и рядовые служащие гораздо меньше потребляли ценных продуктов. В начале 1960-х годов хлеб в столовых городов лежал на столах «бесплатно». Однако уже в 1963 – 1964 годах появились значительные перебои с хлебом. Это было связано с засухой 1963 года, а также с тем, что очень значительные посевные площади страны заняли не пшеницей и рожью, а кукурузой. Появился даже кукурузный хлеб, который значительно уступал по вкусовым качествам не только пшеничному, но и ржаному. Чтобы купить одну – две буханки хлеба, приходилось либо часами стоять в очередях, либо объехать на велосипеде полрайона, особенно райцентр и рабочие поселки, где снабжение магазинов хлебом было немного лучшим, чем в колхозных селах. Местные власти пустили слух о том, что якобы сельские жители покупают хлеб на корм скоту. Кое-где милиция отбирала хлеб у иногородних сельских жителей, которым удалось купить более одной – двух буханок хлеба.

У большинства рабочих промышленности на питание по-прежнему уходило до 40 процентов семейного бюджета, что соответствовало стандартам потребления малообеспеченных слоев населения. За десять лет правления Н.С. Хрущева структура питания рабочих г. Перми улучшилась: потребление мяса выросло на 70, масла – на 34, рыбы – на 29 процентов. Однако потребление жиров и белков животного происхождения все же оставалось гораздо ниже рациональной физиологической нормы (66 и 54 процента соответственно). Даже хлеба и картофеля здесь люди ели меньше, чем нужно ⁸.

В ноябре 1956 года учительница М. Николаева писала Н.С. Хрущеву: «Неблагополучно у нас в стране. Товарищи, много думаете о себе и мало думаете о людях, о простых людях. Наши люди еще не видели хорошей жизни, хотя уже 39 лет Октября и 11 лет после войны. Мы сердечно рады тем изменениям, которые произошли после марта 1953 года. Но пока все мы живем только для будущего, но не для себя. Всем должно быть понятно, что одним энтузиазмом не проживешь. Улучшение материальной жизни нашего народа совершенно необходимо. Решение этого вопроса нельзя откладывать. Товарищи! Люди живут плохо, и состояние умов не в нашу пользу. С продовольствием по всей стране очень туго. Фактически нормально питаться можно только в Москве. Во многих городах в магазинах преобладают крабы и зеленый горошек. В деревне почти не едят сахара. Главное то, что положение с питанием от года к году не улучшается. Мы, Россия, везем мясо из Новой Зеландии! Посмотрите на колхозные дворы, на дворы отдельных колхозников – разорение. Отдельные успехи не меняют картины. Когда это было в истории, чтобы человек бежал от земли! А деревня наша обезлюдела.

Наш народ радуется тем цифрам о ходе уборки урожая, которые публикуются в печати. Но ценой каких усилий мы добиваемся этих успехов! Эти достижения не вытекают из колхозной организации производства. Товарищ Хрущев! Вы смелый человек, возьмите на себя еще раз смелость, скажите прямо, что 26-летний опыт показал, что колхозы себя не оправдали, нужна иная форма организации сельского хозяйства. Необходима материальная заинтересованность каждого участника сельхозартели, да такая заинтересованность, чтобы выгоды от новой формы хозяйствования сказались в первый же год.

Какие это будут формы, Вам виднее, только мне хочется сказать: “Пусть Маленкова осудили за его доклад в августе 1953 года, но газету с этим докладом в деревне зачитывали до дыр, и простой бедняк-крестьянин говорил, что вот этот за нас”. И еще одно: как ведут себя наши руководители в быту, не похожи ли в этом отношении некоторые из них на буржуазных правителей?». О важности поднятых в письме проблем говорит то, что оно было разослано по поручению Н.С. Хрущева членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС для ознакомления⁹.

Структура питания советского человека существенно отличалась от структуры питания населения крупных западных держав, о чем свидетельствуют данные табл. 5.

Таблица 5

Сравнительные данные потребления продуктов питания населением различных стран (кг на душу населения в год)¹⁰

Продукты питания	СССР, 1960 г.	США, 1958 г.	Великобритания, 1958 г.	Франция, 1958 г.
Хлебные продукты	164	76	89	113
Картофель	143	45	96	112
Овощи, бахчевые	70	124*	59	123
Мясные продукты	40	95	73	71
Молочные продукты	240	317	358	298
Яйца (штук)	118	339	238	181
Рыбные продукты	9,9	11,0	13,0	12,0
Сахар	28	44	49	29

Примечание: * 1957 г.

Таким образом, в СССР на душу населения потреблялось значительно больше хлеба и картофеля, чем в других развитых странах. По потреблению мяса мы отставали почти вдвое, молока – в 1,2 – 1,4 раза, яиц – в 1,5 – 2,9 раза. Правда, рациональные физиологические нормы потребления молока и молочных продуктов еще не были достигнуты в 1958 году во Франции, Великобритании и США, мясных продуктов и яиц – во Франции и Великобритании, рыбных продуктов – во всех четырех странах, показанных в табл. 5. По потребле-

нию хлеба и картофеля отставали от рациональных норм США и Великобритании. Конечно, на эти показатели влияли не только нехватка или избыток отдельных видов продуктов, но и местные национальные традиции, природно-климатические условия обитания людей.

В 1950 – 1960-е годы уровень жизни подавляющего большинства рабочих и служащих СССР оставался низким. Их среднемесячная денежная заработная плата составляла в 1945 году 43,4 руб., в 1950 г. – 63,9, в 1955 г. – 71,5, в 1960 г. – 80,1 руб. Пенсионеры труда по старости получали в октябре 1956 года в среднем по 22,4 , а в начале 1959 г. – по 47,3 руб. в месяц¹¹. В первое послевоенное десятилетие уровень зарплаты был намного ниже, чем необходимо для обеспечения нормального материального достатка. Примерное представление о низшей границе материального достатка дает так называемый бюджет минимума материальной обеспеченности семьи, разработанный в 1960-е годы Научно-исследовательским институтом труда. Для семьи из двух взрослых и двух детей при бесплатном медицинском обслуживании и образовании, дешевом жилье и низких ценах на предметы первой необходимости такой минимум мог быть достигнут в 1960-е годы в том случае, если на каждого члена семьи тратилось из семейного бюджета не менее 50 – 55 рублей в месяц. В 1940 – 1950-е годы большинство советских людей не имело возможности тратить такие суммы. Среднемесячная заработная плата примерно в 60 рублей (в новых деньгах выпуска 1961 г.), характерная для начала 1950-х годов, означала, что семья из четырех человек с двумя работниками получала в среднем лишь половину необходимой суммы. К концу 1950-х годов заработная плата рабочих и служащих существенно увеличилась и превысила 80 рублей в месяц, но она все еще давала семье из четырех человек при двух иждивенцах лишь около 80 процентов необходимых минимальных средств для жизни. Поэтому многие рабочие и служащие имели индивидуальные огороды и другое подсобное хозяйство.

Рациональный же уровень потребления материальных благ мог быть достигнут, если семья располагала средствами из расчета примерно 150 – 200 рублей в месяц на человека. Для этого надо было, чтобы каждый работник в семье, имеющий даже одного иждивенца, получал 300 – 400 рублей в месяц. В 1965 году только у четырех процентов населения СССР доход на одного члена семьи превышал 100 рублей в месяц. Остальные имели намного меньшие доходы¹².

Во второй половине 1950-х годов Госпланом СССР был определен примерный норматив гардероба одежды, а также обуви для «среднестатистического» советского человека. По этим нормативам годовая потребность одного человека в тканях составляла 58 метров (при стандартной ширине отреза 1,4 метра). Причем 64 процента этого количества тканей должны были быть хлопчатобумажными, 18 - шелковыми, 18 - шерстяными и льняными. Это количество материи рассчитывали не только на пошив одежды, но и белья, постельных принадлежностей, штор, занавесок и других необходимых в быту пред-

метов. Годовая норма обуви на одного человека составляла 3,3 пары, чулочно-носочных изделий – девять пар, верхнего трикотажа – 1,65 единиц. Следует заметить, что в нормы обуви включалось все – от домашних тапочек до сапог. В 1960-е годы СССР по разным причинам еще не мог развивать производство предметов народного потребления в достаточном количестве. В 1953 году наша страна производила от уровня США хлопчатобумажных тканей – 37, кожаной обуви – 38 процентов. В 1960 г. эти показатели возросли до 48 и 58 процентов соответственно ¹³.

При росте общего объема продажи непродовольственных товаров народного потребления в 1958 году по сравнению с 1950 в 2,6 раза продажа шелковых тканей увеличилась в 4,5, одежды – в 2,8, трикотажных изделий – в 3,5, кожаной обуви – в 2,8 раза. В 1958 году покупка промышленными рабочими СССР шелковых тканей возросла по сравнению с 1953 на 50,0 процентов, обуви - на 7,0, шерстяных тканей - на 2,0 процента. Денежные расходы в семьях рабочих на покупку одежды возросли на 28, трикотажных изделий – на 65 процентов. За этот же период приобретение тканей на одного члена семьи колхозника увеличилось на 19 процентов, в том числе шерстяных - на 64 процента, шелковых – в 6,3 раза, обуви – на 40 процентов, в том числе кожаной на 68 процентов. Следует отметить, что в исследуемый период очень велик был удельный вес самодельной, кустарной одежды и обуви. Из обуви особенно много изготавливалось кустарным способом валенок. В 1946 – 1947 годах на одного крестьянина в колхозах РСФСР приобреталось 1,0 – 1,5 м тканей, в 1950 г. – 6,0 м и в 1960 г. – 9,5 м. В 1947 году на каждого члена колхозной семьи приобреталось 1,1 пары обуви, а в конце 1950-х - примерно 1,7 пары ¹⁴.

Несмотря на то, что советские люди стали лучше одеваться, больше приобретать обуви, официальные статистические данные свидетельствуют о том, что приобретенные вновь товары вряд ли позволяли приблизиться к плановым нормам потребления. Об этом свидетельствуют данные табл. 6.

Таблица 6

Приобретение и покупка непродовольственных промтоваров колхозниками Оренбургской области (на душу населения в год) ¹⁵

Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носки, пар	Мыло, кг
1953	10,9	1,2	1,1	1,8
1954	15,5	1,5	1,4	2,5
1955	12,5	1,3	1,5	2,5
1956	11,5	1,3	1,6	2,6
1957	12,9	1,6	1,9	3,0
1958	12,4	1,6	2,0	3,4
1959	13,0	1,8	2,1	3,4
1960	13,6	1,9	2,3	3,8

Несколько лучше снабжались непродовольственными промтоварами колхозники Свердловской области, так как многие из них проживали вблизи крупных городов и имели больше возможностей для покупки промтоваров. Об этом свидетельствуют данные табл. 7.

Таблица 7

Приобретение и покупка непродовольственных промтоваров колхозниками Свердловской области (на душу населения в год) ¹⁶

Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носки, пар	Мыло, кг
1953	12,8	1,6	1,5	1,9
1954	16,5	1,9	н/св.	2,4
1955	15,3	1,9	н/св.	2,4
1956	12,5	1,9	2,2	2,7
1957	13,3	1,8	2,3	3,0
1958	12,7	2,0	2,4	3,3
1959	12,8	2,0	2,5	3,3
1960	11,8	2,2	2,6	3,3

По мнению В. Н. Мамяченкова, потребление основных непродовольственных товаров колхозниками Оренбургской и Свердловской областей в 1950-е годы далеко не соответствовало плановым рациональным нормам:

Таблица 8

Потребление непродовольственных товаров колхозниками Оренбургской и Свердловской областей (на душу в год) ¹⁷

Области	Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носки, пар
Оренбургская	1950	6,2	0,8	0,4
	1955	12,5	1,3	1,5
	1960	13,6	1,9	2,3
Свердловская	1950	7,5	1,1	0,7
	1955	15,3	1,9	2,2
	1960	11,8	2,2	2,6
Рациональные нормы		58,0	3,3	9,0

Сопоставляя данные табл. 6, 7, 8, предполагаем, что данные табл. 8 о потреблении тканей очень занижены. Ведь помимо приобретенных тканей в том или ином году люди пользовались одеждой, постельными принадлежностями и другими предметами, сшитыми из тканей, которые у них были ранее. Т. к. тканями можно пользоваться не один – два года, а более продолжительный

срок. Важно все же то, что в 1950-е годы снабжение населения одеждой и обувью улучшалось, хотя спрос на эти товары, особенно высококачественные и умеренные по цене, еще далеко не удовлетворялся.

Во второй половине 1950-х - первой половине 1960-х годов в быт советских людей входит все больше дорогих предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования. Если в 1951 году в обследованных социологами 100 рабочих семьях Москвы, Горького и Иваново еще не было холодильников, стиральных машин и телевизоров, то спустя десять лет в этих семьях имелось уже 10 холодильников, 15 стиральных машин, 42 телевизора¹⁸.

В 1960 году население СССР приобрело 4 млн радиоприемников, 1,5 млн телевизоров, около 1 млн стиральных машин и 0,5 млн холодильников. В 1965 году советскими людьми было куплено 5 млн радиоприемников, 3,3 млн телевизоров, 3 млн стиральных машин и 1,5 млн холодильников¹⁹. Рост обеспеченности населения СССР культурно-бытовыми и хозяйственными предметами длительного пользования показан в табл. 9.

Таблица 9

Обеспеченность населения СССР товарами длительного пользования (в штуках на 1 тыс. чел.)²⁰

Наименование предметов	1960 г.	1965 г.
Радиоприемники и радиолы	129	165
Телевизоры	22	68
Швейные машины	107	144
Стиральные машины	13	59
Холодильники	10	29
Пылесосы	8	18

Из данных табл. 9 видно, что в первой половине 1960-х годов обеспеченность населения СССР предметами культурно-бытового и хозяйственного назначения возросла: телевизорами – более чем втрое, стиральными машинами – в 4,5 раза, холодильниками – в 2,9, пылесосами – более чем в два раза. Однако показатели табл. 10 свидетельствуют, что спрос на эту бытовую технику далеко не удовлетворялся.

Из табл. 10 видно, что наиболее остро люди ощущали дефицит холодильников, стиральных машин и телевизоров. Без этих предметов в быту уже трудно было обойтись. Если нехватку радиоприемников можно как-то компенсировать проводной радиотрансляционной сетью, обойтись без магнитофона и пылесоса, то остальные указанные в таблице предметы крайне необходимы в быту, но спрос на них удовлетворялся очень плохо: по телевизорам – на 19, холодильникам – на 10, стиральным машинам – на 26 процентов.

Таблица 10

Степень соответствия обеспеченности населения СССР товарами культурно-бытового и хозяйственного назначения рациональным нормам в 1965 г. (в расчете на 100 семей)²¹

Вид товара	Рациональная норма обеспеченности, штук	Обеспеченность населения, штук	% обеспеченности к рациональной норме
Радиоприемные устройства	148	59	40
Телевизоры	125	24	19
Магнитофоны	40	2	5
Холодильники	110	11	10
Стиральные машины	82	21	26
Швейные машины	82	52	63
Пылесосы	58	7	12

Повседневная жизнь людей всецело зависела от их жилищных условий. В первой половине 1950-х годов большинство рабочих, крестьян и рядовых служащих еще проживали в жилищах, которые по площади и благоустройству не отвечали даже элементарным санитарным условиям. Практически все жилье в сельской местности и более 40 % жилищного фонда городов и рабочих поселков страны было неблагоустроенным. В городах средняя обеспеченность жилплощадью едва превышала 5 квадратных метров на человека, что составляло лишь немногим более половины принятой тогда в СССР санитарной нормы в 9 квадратных метров.

Многие семьи и в 1950-е годы продолжали жить в ветхих деревянных домах и бараках, временках и даже землянках. В г. Кургане до начала 1970-х годов имелся целый барачно-земляночный поселок Копай. В сельской местности было относительно удовлетворено своими жилищными условиями менее одной четвертой жителей. На первых порах на новостройках страны и целинных землях люди жили в брезентовых палатках, тесных вагончиках, глиняных мазанках, землянках. В государственных многоквартирных домах крупных городов главным типом жилища была коммунальная квартира, в которой проживало несколько семей. Она имела длинный коридор, общий для всех семей, общий санузел и одну на всех кухню. Семья простого горожанина обычно занимала в такой квартире одну комнату.

Руководство страны понимало остроту жилищной проблемы и стремились к ее разрешению. На строительство жилья выделялись государственные средства, на весьма льготных условиях для населения поощрялась деятельность жилищно-строительных кооперативов: 15 – 30 процентов стоимости квартиры одновременно при начале строительства с 15-летней рассрочкой при 0,5 процента годовых за ссуду. Оказывалась помощь строительными материалами индивидуальным застройщикам за счет их личных средств.

31 июля 1957 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором признавалось, что «проблема жилья все еще продолжает оставаться одной из самых острых», а «население многих городов, рабочих поселков и сел испытывает нужду в благоустроенных жилищах». Обеспеченность населения жилищами признана неудовлетворительной. Ставилась задача: в 10 – 12 лет ликвидировать недостаток в жилищах для трудящихся. Было решено установить объем государственного жилищного строительства на 1956 – 1960 годы по вводу в эксплуатацию жилых домов в размере 215 млн кв. м общей площади против 205 млн кв. м, предусмотренных директивами XX съезда КПСС. На 1956 – 1960 годы увеличивался объем жилищного строительства в городах, поселках городского типа, МТС, совхозах и леспромхозах за счет средств населения и с помощью государственного кредита с 84 млн кв. м общей площади, намеченных ранее, до 113 млн кв. м. Было решено расширить объем строительства жилых домов в колхозах силами колхозников и сельской интеллигенции с 2,3 млн домов в 1951 – 1955 годах до 4 млн домов в 1956 – 1960 годах. Большие надежды возлагались на индустриальные методы жилищного строительства, обеспечивающие высокие темпы строительных работ. Ставилась задача: широко развить производство железобетонных деталей зданий, стеновых панелей, панелей перекрытий, расширить применение крупных стеновых блоков, крупноразмерных перегородок, щитовых дверей, спаренных оконных переплетов и других конструкций и деталей ²².

Со второй половины 1950-х годов темпы жилищного строительства в стране удвоились (табл. 11).

Таблица 11

Жилищное строительство в СССР
(введено в действие общей площади, млн кв. м) ²³

Годы	Всего построено жилищ	Государственными и кооперативными организациями	Рабочими и служащими за свой счет	Колхозами, колхозниками и сельской интеллигенцией
1946 – 1950	200,9	72,4	44,7	83,8
1951 – 1955	240,5	113,0	65,1	62,4
1956 – 1960	474,1	224,0	113,8	136,3
1961 – 1965	490,6	300,4	94,0	96,2

В 1950 году городской жилищный фонд страны составлял 513 млн кв. метров, в 1955 г. – 640 млн кв. метров, в 1960 г. – 958 млн кв. метров, в 1964 г. – 1182 млн кв. метров ²⁴.

За 1950 – 1960 годы на каждого городского жителя СССР количество общей жилой площади возросло по данным официальной государственной ста-

тистики с 7,0 кв. м до 8,8 кв. м. Однако метраж площади, приходившейся на одного человека, был в городах СССР различным. На Украине он вырос за 1952 - 1962 годы с 7,7 до 10,5 кв. м, в РСФСР – с 6,9 до 9,3 кв. м. В Москве в 1959 году на одного жителя приходилось в среднем 6,1 кв. м, а в Ленинграде и ряде других городов – еще меньше²⁵. На 1 января 1960 года в Кургане и Шадринске на человека было лишь по 4,1 кв. м жилья, а в Кургане, Лопатинском, Половинском и Лебяжьевском районах имелись семьи, проживавшие в землянках²⁶.

Несмотря на то, что к началу 1960-х годов средняя жилплощадь на одного жителя СССР приближалась к минимальным санитарным нормам, очень значительная часть простых советских людей (рабочих и рядовых служащих) не могла улучшить свои жилищные условия. В первую очередь отдельные благоустроенные квартиры получали начальники различных уровней, их родственники, друзья, любовницы, взятодатели. Квартирами распоряжались руководители предприятий и учреждений, которые на вполне законном основании могли предоставить, а могли и не предоставить квартиру семье своего работника. Одни и те же люди могли за короткое время улучшить свои жилищные условия два – три раза, а другие десятилетиями стояли в квартирной очереди. Большинство руководителей профсоюзных организаций предприятий и учреждений не являлись защитниками интересов рядовых работников. Они являлись ближайшими помощниками директоров предприятий и учреждений по работе с кадрами, были ширмой для прикрытия незаконного распределения так называемых общественных фондов потребления и, прежде всего, жилья. Впрочем, жилищное законодательство оставалось тогда настолько «размытым», что им можно было манипулировать как угодно. Всякая критика действий начальства стоила квартирному очереднику довольно дорого. В лучшем случае его очередь постоянно отодвигалась, в худшем – работника, критикующего начальство, и вовсе лишали права на получение жилплощади. Разумеется, что всегда подыскивался подходящий предлог²⁷.

В социальной сфере советского общества не было более явной несправедливости, чем та, которая происходила при распределении жилья. Квартирной очередности лишались нарушители общественного порядка, трудовой дисциплины. Однако можно было стоять десятилетиями в квартирной очереди и честному, добросовестному, скромному работнику, не являвшемуся угодником и подхалимом у начальства. Официально это чаще всего называлось «неучастием в общественной жизни коллектива».

В 1959 году в СССР водопровод имели 76 процентов всех городов, а канализацию – 41 процент. В домах государственного жилищного фонда водопровод имели 56 процентов всех квартир, канализацию – 53, ванну и душ – 30, центральное отопление – 44 процента²⁸. В 1958 году газ для бытовых нужд имелся лишь в одном из десяти городских жилищ страны. В 1959 году в СССР насчитывалось 1679 городов. В 1960 году лишь 235 из них имели газоснабжение, а 260 – теплофикационные сети²⁹.

Часть городского населения вместо русской печи стала пользоваться более компактной плитой, отапливаемой дровами и углем, керогазом, электрическими и газовыми плитами. Постепенно исчезает мебель кустарного производства, появляются покупные металлические кровати, а также столы, стулья, платяные шкафы фабричного производства. За 1953 – 1958 годы в семьях промышленных рабочих покупка товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования увеличилась: мебели и хозяйственных вещей – на 61 процент, культтоваров – более чем в два раза. В 1958 году потребительская кооперация продала сельским жителям СССР мебели в шесть раз больше, чем в 1950, швейных машин – в семь, металлической посуды – в два раза. Денежные расходы колхозников на покупку культтоваров (книги, радиотовары, музыкальные инструменты) увеличились за 1953 – 1958 годы в 10,5 раза³⁰.

В июле 1956 года был принят Закон СССР о государственных пенсиях. Вплоть до середины 1950-х годов система пенсионного обеспечения престарелых граждан не получила широкого развития. Размеры большинства пенсий в конце 1940-х – начале 1950-х годов не превышали 10 – 20 рублей в месяц (в новых деньгах выпуска 1961 года). Законом 1956 года о пенсиях значительно расширился круг лиц, имевших право на пенсию, а сами пенсии значительно увеличивались. Сумма пенсий для рабочих и служащих по старости колебалась между 30 и 120 рублями. Возрастной ценз для получения пенсии был установлен: для мужчин – 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин – 55 лет при стаже работы в 20 лет.

Различные пенсионные льготы получали лица, трудившиеся на работах с вредными условиями труда, многодетные матери, имевшие большой непрерывный стаж работы. Верхушка партийно-советской номенклатуры получала персональные повышенные пенсии по старости. Средние размеры пенсий по старости возросли в два раза, минимальные – в четыре – шесть раз. В полтора раза повысились пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца. Пенсии по старости назначались для имевших месячный заработок до 35 рублей включительно в размере 100 процентов к этому заработку, а для имевших заработок от 100 рублей и выше – в размере 50 процентов к заработку. Между этими крайними группами пенсионеров существовала процентная шкала соответствия размеров пенсий к среднемесячным заработкам. В 1959 году пенсия была источником средств существования для каждого семнадцатого жителя страны. Это означало, что в СССР насчитывалось около 12 млн пенсионеров. Однако доля пенсионеров из рабочих и гражданских служащих по старости составляла в общем количестве пенсионеров примерно лишь 15 процентов³¹.

В июле 1964 года было установлено государственное пенсионное обеспечение для колхозников. Пенсии по старости получали мужчины в возрасте от 65 лет и женщины от 60 лет, но лишь в том случае, если они продолжали жить в колхозах. До этого пенсии отдельным колхозникам выплачивали лишь неко-

торые колхозы, причем такая выплата являлась необязательной. В 1964 году был создан единый централизованный фонд пенсионного обеспечения колхозников. Источниками его являлись как отчисления колхозов от валового дохода, так и средства государственного бюджета. Колхозы отчисляли в пенсионный фонд 4 – 5 процентов средств от валового дохода. В 1965 году пенсионеры и инвалиды составляли примерно одну треть от общей численности членов колхозов. Размеры пенсий у них были небольшими. В 1965 году минимальная пенсия колхозника по старости составляла 12 рублей в месяц, а среднемесячная была в два – три раза ниже, чем у рабочих и служащих³².

Многое делалось для укрепления здоровья людей. За 1950-е годы число больничных учреждений в СССР увеличилось на 42 процента, больничных коек – более чем на 50 процентов. Количество врачей выросло почти наполовину, среднего медицинского персонала – более чем на 70 процентов. В 1960 году на каждые 10 тысяч жителей приходилось 20 врачей против 14,6 в 1950. В конце 1950-х годов в СССР функционировало свыше 12 тысяч сельских участковых больниц – в два раза больше, чем в начале десятилетия. Кроме того, в это же время было создано свыше 12 тысяч фельдшерско-акушерских пунктов³³.

Совершенствовалась система охраны материнства и детства. 23 ноября 1955 года было отменено запрещение абортов, в результате чего резко сократились заболеваемость и смертность женщин от внебольничных, так называемых «криминальных» абортов. Гибель женщин при родах стала чрезвычайно редким явлением (0,07 на 1000 родов). С 26 марта 1956 года дополнительный оплачиваемый отпуск женщинам (работницам и служащим) в связи с родами был увеличен с 70 до 112 календарных дней. Для колхозниц установили отпуск не менее 56 дней³⁴.

В 1950-е годы в стране резко снизилась заболеваемость дифтерией, малярией, полиомиелитом, туберкулезом и другими заболеваниями. Улучшение материального положения населения и успехи советской медицины способствовали тому, что в 1950-х годах смертность на каждую тысячу человек сократилась с 9,7 до 7,2, естественный прирост населения увеличился с 17 до 18,1. Снижение смертности обусловило дальнейший рост средней продолжительности жизни населения в СССР: в конце 1950-х годов она составляла 68 лет, увеличившись за десятилетие почти на полтора года. СССР стал одной из стран мира с самой высокой продолжительностью жизни, с самой низкой смертностью³⁵.

Успехи и недостатки советского здравоохранения можно видеть на примере периферийной Курганской области. К середине 1950-х годов состояние медицинского обслуживания населения даже официально оценивалось руководством области как неудовлетворительное. За период существования этой области (с 1943 по 1955 год) в Кургане было построено единственное медицинское учреждение – родильный дом на 50 мест. Хронически не хватало врачей. Поло-

жение со здравоохранением в Курганской области улучшалось, но крайне медленно. В 1956 – 1957 годах было открыто 50 новых медицинских учреждений. Несколько снизилась заболеваемость. В практику лечебно-профилактической работы все больше стали внедряться новые, более современные методы диагностики и лечения. Бюджет здравоохранения области вырос с 83 млн руб. в 1955 году до 114 млн руб. в 1958. В 1958 году в лечебных учреждениях области насчитывалось 5925 коек, что составляло на 1000 жителей: в городах – 10,2 койки, в сельской местности – 3,2.

Однако система здравоохранения развивалась неадекватно росту населения. С 1950 по 1958 год население области увеличилось на 95,5 тыс. человек, а количество больничных коек – лишь на 585. Из 134 имевшихся в области больниц только 22 были размещены в специально выстроенных для этой цели зданиях, а остальные располагались в тесных, не соответствовавших санитарным нормам помещениях. Скученность больных в палатах – обычное явление того времени. Сельские фельдшерско-акушерские пункты размещались в большинстве случаев в крестьянских неблагоустроенных избах. Больные люди часто ожидали приема у врача или фельдшера не в помещении больницы или фельдшерского пункта, а на улице. В Сафакулевском, Альменевском, Лопатинском и других районах области прием больных проводился даже на квартирах фельдшеров. Из-за недостатка койко-мест в областной больнице в 1957 году было отказано в госпитализации 24,3 процентам больных, прошедшим через приемный покой. Несмотря на некоторое снижение уровня смертности и ряда заболеваний, состояние здравоохранения продолжало оставаться в Курганской области и к концу 1950-х годов неудовлетворительным. В частности, не были изжиты такие заболевания, как трахома и туберкулез, то есть болезни, связанные с низким уровнем жизни населения.

На 1 января 1958 года в области имелось 1187 штатных врачебных должностей, из которых было замещено 943. Фактически работало 652 врача (50,6 процента по отношению к штатным должностям). Из-за большого недостатка врачей допускался высокий коэффициент совместительства (1,84), что отрицательно сказывалось на качестве обслуживания пациентов. В Кургане на 301 штатную врачебную должность имелся 131 врач, что составляло 40,3 процента обеспеченности этими кадрами. В сельской местности такая обеспеченность составляла 40,7 процента (на 365 должностей имелось 174 врача). Из 77 сельских участковых больниц 34 не имели врачей. В областном центре не хватало 33 врачей. В 1956 – 1957 годах в область прибыло 239 врачей, а убыло 171. Основная причина текучести врачебных кадров – отсутствие жилья ³⁶.

За десять лет (1958 – 1967) ассигнования на здравоохранение увеличились в Курганской области в два раза, а расходы на оказание медицинской помощи на душу населения возросли с 11 руб. в 1958 году до 26,2 руб. в 1967. В 1959 – 1965 годах было построено 17 больниц, в число которых входило новое здание областной больницы в г. Кургане. За 1959 – 1967 годы органы здраво-

охранения области получили 160 зданий. По сравнению с 1959 годом обеспеченность больничными койками увеличилась в расчете на 10 тысяч жителей с 54,4 до 89,2 в 1967 году. Значительно расширилась сеть лабораторий, физиотерапевтических, рентгеновских и других кабинетов. Обеспеченность врачебными кадрами (вместе с зубными врачами) в расчете на 10 тысяч жителей повысилась с 8,7 в 1958 году до 14,0 в 1967. Помимо врачей, к середине 1960-х годов в области работало 6,9 тыс. лиц среднего медицинского персонала, значимость которого в лечении больных трудно переоценить.

Получили развитие специализированные виды медицинской помощи: нейрохирургической, ревмато-кардиологической, урологической. Снизилась заболеваемость дифтерией, полиомиелитом, бруцеллезом, сыпным тифом, туберкулезом. Значительным достижением являлись разработанные Г. А. Илизаровым оригинальные методы в лечении переломов и ортопедических заболеваний³⁷.

Отрицательное влияние на здоровье населения оказывал экологический кризис. С 1950-х годов правомерно говорить об этом явлении на Урале. Здесь наблюдался катастрофический дефицит водных ресурсов. Магнитогорский, Челябинский, Свердловский, Нижнетагильский, Орско-Халиловский промышленные узлы были расположены на территориях, имеющих менее шести процентов водных ресурсов Уральского региона. Но даже там, где воды был избыток, водное хозяйство приходило в упадок из-за хищнической эксплуатации. На бассейн реки Камы в Пермской области воздействовали 26 крупных промышленных предприятий. Наиболее крупным был Березниковский промышленный узел, предприятия которого сбрасывали в реку ежедневно более 3 тыс. куб. м сточных вод, содержащих мышьяк, серу и другие вредные элементы. Калийные комбинаты добавляли к этому 3 – 4 тыс. т поваренной соли, бумажные – более 100 т древесного волокна, Губахинский комбинат – фенол, содержание которого в десятки раз превышало предельно допустимую концентрацию.

С развитием нефтяной и газовой промышленности, нефтехимии, расходовавшей для своих нужд сотни миллионов тонн воды в год, в сточных водах добавлялись нефть и нефтепродукты, минеральные примеси, фенолы, уксусная кислота. Ассигнования на строительство очистных сооружений выделялись недостаточные, а те, что выделялись, систематически не осваивались. Растущее население городов было лишено возможности использовать имеющиеся водоемы для хозяйственно-питьевых целей из-за их загрязнения, да и очистка канализационных стоков городов осуществлялась крайне неудовлетворительно. К середине 1960-х годов все значительные реки Урала были загрязнены до такой степени, что их воды не могли использоваться даже для технических целей (Кама, Вятка, Чусовая, Урал, Миасс, Тура, Сосьва и др.).

Масштабным было загрязнение воздушного бассейна. Основными загрязнителями атмосферы являлись металлургические, химические предприя-

тия, ТЭЦ. Котельные ТЭЦ выбрасывали в атмосферу сернистый газ, концентрация которого в отдельных районах Урала в 80 раз превышала допустимую и приближалась к смертельным дозам. Котельные ТЭЦ предприятий Свердловска ежесуточно выбрасывали в атмосферу 270 тонн золы. Загазованность воздуха вела к увеличению тяжелых заболеваний, прежде всего онкологических.

Важной составляющей экологического кризиса стала промышленная рубка леса. Чрезмерная рубка лесов влекла за собой увеличение эрозии почвы, обмеление рек, резкое снижение уровня грунтовых вод, ухудшение атмосферы городов и сел. В начале 1960-х годов лесничества Пермской области не проводили посадки молодого леса более чем на 50 процентах площадей лесных вырубок. В Свердловской области леса не восстанавливались более чем на 40 процентах вырубленных лесных площадей³⁸.

Наибольший вред окружающей природной среде был нанесен военным ведомством и заводами оборонных отраслей промышленности. Если деятельность гражданских предприятий как-то контролировалась местными партийными и советскими органами, то военные структуры и оборонные предприятия находились в режимных зонах и никак не контролировались.

4 сентября 1954 года во время учений в Тоцких лагерях (Оренбургская область) была взорвана атомная бомба мощностью 40 килотонн. Ее разрушительные последствия испытали на себе 50 тысяч советских военнослужащих и местное гражданское население. 29 сентября 1957 года на химическом комбинате «Маяк» в закрытом городе Озерске (Челябинская область) произошел взрыв, в результате было выброшено в атмосферу радиоактивное облако с активностью более 20 млн кюри, часть которого двинулась на сопредельные районы Челябинской, Свердловской, Курганской, Тюменской областей. Зараженными оказались более 4 тыс. кв. км, а облучению подверглись более 270 тыс. человек. В ликвидации последствий этой аварии участвовали более 30 тыс. военных строителей³⁹.

Медицинские работники проводили большую работу по ликвидации последствий этой аварии. Так, в зоне радиоактивного заражения местности оказался ряд населенных пунктов Укеянского, Катайского, Далматовского, Шадринского, Каргапольского, Мехонского, Шатровского районов Курганской области. В конце 1950-х – начале 1960-х годов Курганский областной отдел здравоохранения обращал внимание руководителей области и Министерства здравоохранения РСФСР на необходимость обустройства быта населения вышеупомянутых районов, полное проведение заграждений вокруг зараженной местности, переселение людей, организацию охранных мероприятий по рекам Теча и Исеть⁴⁰.

В 1950-е годы большое внимание уделялось развитию общеобразовательной школы. Мир вступил в новый этап научно-технической революции. Советскому обществу нужны были достаточно образованные и технически грамотные работники. Между тем в 1952 году почти 67 процентов рабочих промышлен-

ленности СССР не имели даже семилетнего образования. Несмотря на то, что в начале 1950-х годов в стране было введено всеобщее обязательное семилетнее образование, его уровень, особенно среди людей средних и старших возрастов, повышался медленно. По данным переписи 1959 года, на одну тысячу жителей СССР в возрасте 10 лет и старше 330 человек не имели семилетнего образования. Среди граждан СССР в возрасте от 9 до 49 лет неграмотных оставалось 1,5 процента. Это были в основном лица, которые не могли учиться из-за хронической болезни или физических недостатков. Среди лиц старше 49 лет имелось очень много неграмотных, хотя официально многие из них считались грамотными, прошедшими в 1920-1930-е годы через различные краткосрочные курсы по ликвидации неграмотности. Часть людей, обученная на таких курсах, способна была лишь с трудом написать печатными буквами свою фамилию да сосчитать деньги. Этим обычно их грамотность ограничивалась ⁴¹.

В 1959 году свыше половины рабочих различных отраслей промышленности СССР составляли лица, которые не имели семилетнего образования. Об этом свидетельствуют данные табл. 12.

Таблица 12

Общеобразовательный уровень рабочих СССР по отраслям промышленности в 1959 г., % ⁴²

Отрасль	До 6 кл.	7 – 9 кл.	10 кл.	Ср. специальное	Н/в и высшее
Машиностроение и металлообработка	46,36	39,01	11,52	2,74	0,37
Черная металлургия	52,12	35,45	8,82	3,04	0,57
Угольная	58,77	33,14	6,12	1,76	0,21
Химическая	51,46	35,59	9,56	3,17	0,22
Нефтедобывающая	54,62	32,22	7,52	4,14	1,50
Нефтеперерабатывающая	41,94	37,74	11,77	7,59	0,96
Текстильная	52,18	36,66	8,18	2,07	0,91
Швейная	53,56	43,86	10,01	2,34	0,23
Пищевая	58,53	30,70	7,61	1,72	1,44
Строительных материалов	61,23	30,67	5,93	1,97	0,20
Лесозаготовительная	70,50	25,11	2,89	1,35	0,15

Вышеприведенные данные говорят о том, что в 1959 году в большинстве отраслей промышленности не имели семилетнего образования свыше половины состава рабочих. Наиболее высоким уровень образования был в машиностроении, нефтеперерабатывающей, химической, швейной промышленности, а самым низким – в лесозаготовительной и промышленности строительных материалов. Среди рабочих с высшим и незаконченным высшим образованием преобладали студенты – заочники старших курсов.

Существенно (в 2,5 – 3 раза) по уровню образования отставали от городского населения и от рабочих колхозники. В 1959 году на одну тысячу человек

городского населения высшее и среднее специальное образование имели 99; в сельской местности – 32, общее среднее образование – 74 и 23 соответственно; неполное среднее – 203 и 139 чел. В 1959 году на одну тысячу человек занятых колхозников 9 человек имели высшее и среднее специальное образование, а на одну тысячу рабочих города – 24, среднее общее – 23 и 71 соответственно, неполное среднее – 194 и 329⁴³.

В связи с тем, что с 1949/50 учебного года в школы поступали дети, родившиеся в военные годы, когда рождаемость снизилась, наблюдалось сокращение общего числа учащихся. Однако в старших классах количество школьников было весьма значительным за счет детей, родившихся еще до войны. В сельской школе, где учился я, имелось два девятых и два десятых класса. Зато в младших классах насчитывалось менее двух десятков человек в каждом. В Курганской области довоенный уровень количества школьников был достигнут лишь к середине 1960-х годов. Зато численность старшеклассников увеличилась в послевоенные 1940 – 1950-е годы в два – три раза. Такая тенденция прослеживалась по всей стране⁴⁴.

Школа, где я учился с первого по седьмой класс, располагалась в бывшем помещицком двухэтажном доме – очень красивом памятнике архитектуры, построенном в 1807 году в стиле классицизма. Она славилась своим кабинетом физики, географической площадкой с различными приборами и устройствами, а также вполне приличной физкультурно-спортивной базой. Запомнился учитель математики и физики Григорий Игнатьевич, который обладал удивительной способностью доводить до нас в простой и очень доступной форме самые сложные вопросы. Он не перегружал нас огромной информацией, как нередко бывает сейчас, но основные знания давал так, что они оставались в нашей памяти.

С середины 1950-х годов в новых учебных планах усилился удельный вес предметов физико-математического и естественного циклов. Существенно обновлялось и содержание гуманитарных учебных дисциплин, что было связано с изменением в стране общественно-политической ситуации после смерти И. В. Сталина. Помню, что при чтении стихотворений, в которых упоминалось слово «Сталин», учителя литературы предлагали нам заменять его словом «партия», хотя при этом и нарушалась рифма.

Очень большое внимание уделялось воспитанию детей в духе дружбы народов СССР и стран «народной демократии» (Восточной Европы, Китая, Монголии, Северной Кореи, Северного Вьетнама). Велась переписка со школьниками республик СССР и стран «народной демократии», разучивались песни и танцы разных народов. Учителя истории и литературы постоянно критиковали «украинских буржуазных националистов» как агентов «империалистического Запада», хотя для нас в этой критике было далеко не все понятным. Взрослые говорили о бандеровцах в Западной Украине, но мы, дети, думали тогда, что это слово происходит от слова «банда». В политическое содержание банде-

ровского движения мы в младших и средних классах школы не очень вникали.

В 1950 – 1960-е годы заметным нововведением в учебных планах являлись преподавание ручного труда в первых–четвертых классах, практические занятия в мастерских и на учебно-опытных земельных участках в пятых – седьмых, практикумы по сельскому хозяйству, машиноведению и электротехнике в восьмых – десятых классах. В младших и средних классах мы много времени проводили на пришкольных земельных участках, выращивая цветы и овощи, сажали деревья, собирали семена сосны, клена, дуба и других деревьев для местного лесничества. Часто нас вывозили на колхозные поля собирать жука-долгоносика – вредителя сахарной свеклы. В пятом – седьмом классах мы участвовали в прополке посевов, в уборке урожая картофеля и кукурузы, а зимой учились столярному и слесарному делу в школьной мастерской. Уже в пятом – шестом классе каждый мальчишка знал предназначение столярных и слесарных инструментов и умел ими пользоваться. Девочек учили швейному делу и домоводству. Мне непонятно, почему в последние годы в некоторых классах, особенно так называемого гуманитарного профиля, отменяют уроки труда. Ведь этим дети заранее обрекаются на неприспособленность к домашнему быту. В восьмом – десятом классах мы изучали трактор, учились его вождению, приобретали практические навыки в электротехнике. Позднее все это очень пригодилось мне в жизни.

Конечно, материальная база и кадровое обеспечение школ не были достаточными, чтобы давать учащимся прочные основы общеобразовательных и политехнических знаний, воспитывать у них творческое отношение к труду в промышленности и сельском хозяйстве. Например, в Курганской области в 1955 году из 347 семилетних школ мастерские имелись только в 186, а в 161 школе уроки труда не проводились совсем. К концу 1956/57 учебного года из 99 средних школ кабинеты физики имели 75, химии – 27, биологии – 22, машиноведения – 15⁴⁵. Оборудование многих учебных кабинетов, в том числе и в школе, где учился я, было рассчитано только для демонстрационных опытов и не позволяло организовывать лабораторно-практические занятия.

В 1956/57 учебном году из 99 средних школ Курганской области 76 имели тракторов, 82 – автомобилей, необходимых для изучения основ машиноведения⁴⁶. Моей школе местный колхоз подарил очень старую автомашину Горьковского автозавода, так называемую «полуторку», которая часто выходила из строя. На этой развалюхе пытался ездить директор школы, имевший удостоверение шофера третьего класса. Конечно, такая «материальная база» для изучения основ машиноведения была весьма слабой.

К концу 1950-х годов в трудовую жизнь вступала молодежь, родившаяся в годы войны. Она была малочисленной. Перед страной встала проблема рабочей силы. В этой связи в конце 1958 года был принят Закон об укреплении связи школы с жизнью. Вместо всеобщего обязательного семилетнего образования вводилось восьмилетнее, а вместо десятилетнего среднего – одиннадцатилетнее.

цатилетнее. Ставилась задача, чтобы вся молодежь, с 15-16-летнего возраста включалась в качестве рабочих и колхозников в трудовую деятельность. Если до принятия Закона о школьной реформе учащиеся старших классов и их родители были в основном сориентированы на получение в перспективе высшего образования, то реформа ориентировала многих старшеклассников на рабочие профессии.

Реформой были недовольны почти все слои населения. Высокопоставленные родители в принципе не хотели видеть своих детей рядовыми рабочими или колхозниками. Старшее поколение рабочих и колхозников, которое из-за сложностей жизни не сумело получить высшего образования, добивалось его для своих детей. Многие выпускники средних школ вынуждены были идти на производство, так как высшие учебные заведения не могли принять всех желающих. При поступлении в вузы преимущество отдавалось лицам, имеющим стаж работы. Для молодых производственников в вузах значительно расширялась сеть заочного и вечернего обучения, открывались подготовительные отделения и курсы для подготовки абитуриентов. Эти учебные структуры назывались «рабфаками».

Реформа 1958 года сказалась на судьбе нашей сельской школы и на мне лично. В сентябре 1959 года в нашей средней школе закрыли восьмой класс, в котором я учился. Это закрытие объясняли малочисленностью учеников (около 15 человек) и отсутствием материальной базы для производственного обучения. Школа через два года превратилась из средней в восьмилетнюю. Из села уехали лучшие учителя. Желающим учиться дальше предложили обучение в средней школе соседнего села, расстояние до которого составляло семь километров. Но из всего нашего класса этой возможностью воспользовался один лишь я. Остальные либо вообще прекратили учебу, либо перешли в вечернюю среднюю школу в своем селе, которая продолжала действовать еще два или три года.

Меня без всяких проблем приняли в соседнюю школу большого старинного села, прославившегося во время Полтавской битвы 1709 года. Здесь работал школьный исторический музей, в котором были собраны интересные экспонаты, в том числе холодное и огнестрельное оружие Петровской эпохи. Я стал активистом этого музея. Три года я, как и мои одноклассники из соседних небольших сел и хуторов, жил в школьном интернате под присмотром двух воспитательниц, которые следили за тем, чтобы мы выполняли домашние задания по школьным учебным предметам, а также вели себя достойно, не нарушали дисциплину в школе и общественный порядок вне школы. В интернате нас кормили горячими обедами. Часть продуктов закупала школа на специально выделенные государством для этого небольшие деньги, а мясо и картофель привозили наши родители. Конечно, нашему растущему организму всегда не хватало питания, особенно в конце недели, когда заканчивались домашние съестные припасы, привезенные от родителей. Однако в школьные интернаты попадали не все ученики из отдаленных сел и деревень. В 1961/62 учеб-

ном году 1678 учащихся восьмилетних и средних школ Курганской области проживали на квартирах у частных лиц. Школам области были крайне необходимы помещения для интернатов на 3735 мест⁴⁷.

Запомнились школьные вечера, организуемые для старшеклассников. Они проводились каждую субботу и посвящались определенному школьному предмету – математике, физике, химии, литературе, биологии, географии, истории. Ничего подобного уже не было тогда, когда в городской школе учились мои дети. Предметные вечера для старшеклассников включали в себя занимательные доклады, викторины, демонстрации опытов, кинофильмов, заканчивались концертом художественной самодеятельности и танцами. Интерес к этим школьным предметным вечерам был так велик, что ученики старших классов из других сел и деревень по доброй воле даже не уезжали на выходные дни домой. В нашем селе имелось четыре клуба, где постоянно (почти каждый день) демонстрировались кинофильмы. Редко мы пропускали какой-нибудь киносеанс.

Значительную часть свободного времени мы посвящали футболу, находясь часами на школьном футбольном поле. Из внеклассной работы, которая проводилась с нами, запомнилось участие в концертах художественной самодеятельности и любительских спектаклях. В этих мероприятиях участвовали не только ученики, но и учителя. С концертами и спектаклями мы выезжали на районные смотры, в соседние села.

На рубеже 1950 – 1960-х годов стремительно развивалась сеть вечерних школ рабочей и сельской молодежи, которая получала среднее образование без отрыва от производства. Однако предпринимались попытки включения в учебные планы этих школ наряду с общеобразовательными предметами дисциплин технического профиля по основным рабочим специальностям. Такая практика широкого распространения не получила. В классах вечерних школ рабочей и сельской молодежи зачастую учились люди разных профессий, и разработать оптимальную программу сочетания общеобразовательной и профессиональной учебы было весьма затруднительно. Часть учащихся вечерних школ протестовала против преподавания таких предметов, как «Слесарное дело», «Основы металловедения», «Основы животноводства» и других. Техническое обучение в вечерних школах рабочей и сельской молодежи нередко проводилось в ущерб общеобразовательным предметам (математике, истории, русскому и иностранному языкам), слабое знание которых закрывало выпускникам путь в высшую школу. Между тем большинство учащихся средних школ рабочей и сельской молодежи стремилось после получения среднего образования попасть в вузы. Многие юноши и девушки вынуждены были учиться без отрыва от производства из-за материальной необеспеченности, из-за получения двухгодичного трудового стажа, необходимого при поступлении в вузы.

Недостаточно исследованной остается проблема общественных настроений в стране, связанных с тем, что в начале 1960-х годов правящей парти-

ей был выдвинут лозунг «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Иронические комментарии об этом современных пропагандистов не могут быть приняты всерьез. Сейчас многие признают, что Н.С. Хрущев являлся «коммунистическим романтиком». Но ведь и значительная часть населения нашей страны верила в возможность построения коммунизма. Эта уверенность была основана на целом ряде факторов. Десталинизация, частичная либерализация общества, обновительные тенденции в духовной сфере, огромные успехи СССР в освоении космоса, природных богатств Сибири, целинных земель, улучшение материально-бытовых условий жизни (особенно жилищных) – все это вселяло в наши души оптимизм. Начало 1960-х годов – это развал колониальной системы. Многие освободившиеся от колониального владычества страны становились друзьями СССР, заявляли о своем «некапиталистическом» развитии. Победила революция на Кубе во главе с Фиделем Кастро – любимцем советского народа. В одной из песен того времени были слова: «Сейчас идет полмира с нами, настанет день – весь мир пойдет!»

На многочисленных молодежных диспутах о коммунизме мы пытались представить нашу жизнь через 20 лет. По сегодняшним меркам наши представления о потребностях при коммунизме были тогда весьма непритязательны. Нам казалось, что человеку светлого будущего будет вполне достаточно иметь два – три костюма, две – три пары обуви, квартиру, обставленную не старомодной деревянной, а современной пластмассовой мебелью. Да и одежду мы предпочитали иметь не из натуральных, а из входивших тогда в моду красивых синтетических тканей. О личных автомобилях мы тогда не думали. Нам представлялось тогда, что пользоваться легковыми автомобилями мы будем через специальные прокатные пункты. Мы были убеждены в том, что коммунизм предполагал удовлетворение «разумных» потребностей человека, а не всех его прихотей. Этот строй мы представляли как общество, где все люди будут добросовестно трудиться, а труд станет для человека такой же потребностью, как и другие его жизненно необходимые потребности.

В реальность осуществления программы построения коммунизма, принятой в 1961 году на XXII съезде правящей партии, верили и сам Н.С. Хрущев, и большинство населения страны. Даже в постсоветские 1998 – 1999 годы на вопрос «Как Вы вообще тогда (в 1961 г. – М. Ф.) относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?» свыше половины опрошенных ответили, что они верили в коммунизм. Особый оптимизм внушало тогда массовое жилищное строительство. Сомневались в построении коммунистического общества лишь 2 – 5 процента опрошенных в 1998 и 1999 годах. Многие тогда верили, что жизнь будет лучше, тем более, что она действительно улучшалась, а будет ли она называться «коммунизмом» или нет, об этом мало задумывались. В 1998 и 1999 годах среди всех опрошенных лиц 35 – 37 процентов считали, что они в 1961 году верили и в сроки построения в основном коммунистического общества к 1980 году⁴⁸. Конечно, в 1961 году в ком-

мунизм верило намного больше людей, чем об этом заявляли респонденты в 1998 – 1999 годах.

О том, как оценивала себя в начале 1960-х годов советская молодежь и что думали о ней известные люди страны, говорят материалы социологических исследований того времени. В 1961 году газетой «Комсомольская правда» среди молодежи СССР проводился социологический опрос «Что Вы думаете о своем поколении?»⁴⁹. Используя этот источник, мы учитываем то, что, по словам историка Н. А. Барсукова, 1961-й был годом, когда «коммунистическая эйфория охватила страну». Специалист по проблемам общественного сознания того времени Е. Ю. Зубкова права в том, что в качестве полноценных носителей социальной памяти могут выступать лишь современники тех или иных событий. В то же время обыденная история выступает как массовое историческое сознание и обладает в силу этого особенностями последнего: наличием устойчивых стереотипов, преобладанием эмоционального над аналитическим, тяготением к упрощенным причинно-следственным связям в трактовке событий и явлений⁵⁰.

Состав респондентов вышеуказанного социологического опроса характеризовался следующими показателями: общее количество – 17446 человек в возрасте 18 – 30 лет со всех регионов СССР; рабочих – 5518, ИТР – 797, служащих (учителя, медицинские работники и др.) – 3186, колхозников – 601, деятелей литературы и искусства – 95, представителей остальных социальных категорий молодежи – 7249 человек. У многих респондентов было военное детство, они рано начали трудиться и взрослеть. В социологическом опросе участвовали знатные люди СССР – заместитель директора фабрики М.И. Виноградова, Герои Социалистического Труда А.В. Бородулин и К.П. Орловский, министр обороны СССР Р.Я. Малиновский, ветеран КПСС В.А. Карпинский, поэт М.В. Исаковский, академик С.Г. Струмилин, народный артист СССР А.И. Райкин.

На первый вопрос анкеты «Каково Ваше мнение о сегодняшнем поколении советской молодежи, довольны ли Вы им?» 83,4 процента опрошенных респондентов твердо сказали: современное поколение молодежи нравится, делами молодого поколения довольны. Поэт М.В. Исаковский: «Это вся молодежь здоровая, чистая в своих помыслах и стремлениях, талантливая, одним словом, хорошая или даже отличная». Среди ярких заслуг молодежи 1950-х – начала 1960-х годов были названы ее участие в промышленных новостройках на востоке страны, освоении целинных и залежных земель, движении бригад и ударников коммунистического труда (52,6 процента). 26-летний А. Степанов, еще в отрочестве познавший нелегкий труд, писал: «О нашем поколении и сказки расскажут и песни споют». Не нравилась молодежи начала 1960-х годов 11,1 проценту опрошенных. Большинство из них акцентировало внимание на негативных явлениях в молодежной среде – пьянстве, хулиганстве, тунеядстве и т. п. По мнению Валерия В., одно уже существование отрицательных явле-

ний среди молодежи не позволяет ему целиком быть довольным своим поколением. Социологи отмечали, что позиция недовольства своим поколением была вызвана и какими-то личными неудачами, ошибками, разочарованиями. В период правления Сталина эта неудовлетворенность являлась отпечатком массовых нарушений законности.

85,3 процента опрошенных молодых людей считали, что для их сверстников была свойственна целеустремленность в жизни, а не отсутствие таковой. На вопрос анкеты «Есть ли лично у Вас цель в жизни?» 96,7 процента опрошенных ответили утвердительно. Среди сильнейших черт советской молодежи на первом месте (по данным социологического опроса) стоял патриотизм. Так считал почти каждый третий респондент. Участники социологического опроса назвали такие характерные черты советской молодежи, как воля, мужество, правдивость, стойкость, героизм, стремление к знаниям, трудолюбие, коллективизм, активность, вера в коммунизм, чувство нового, стремление к миру на планете. Оптимистично смотрели в будущее 78,9 процента опрошенных лиц. Остальные не были твердо уверены в осуществлении своих целей (в том числе, например, таких: стать космонавтом, дипломатом). 3,3 процента ответили, что цели у них в жизни нет. Половину из них составляли школьники, не думавшие пока об этом. Советская молодежь проявляла беспокойство о сохранении мира на Земле. 97 процентов анкетированных считали, что в 1960-е годы войну можно было предотвратить.

Отвечая на вопросы анкеты, народный артист СССР А. И. Райкин писал: «В основном глубоко уважаю новое поколение молодежи и доволен им. На плечи молодежи ложатся трудные задачи, возникшие в связи с послевоенными годами, с освоением целины, с гигантскими стройками семилетки, со строительством в городах, с развитием сельского хозяйства, с изучением наук. Молодежь очень хорошо справляется с этими задачами». Среди наиболее сильных черт молодежи он назвал патриотизм, самоотверженность, тягу к учению, культуре, нетребовательность в вопросах личного благополучия, готовность к подвигу, человечность, широту взглядов.

Среди наиболее распространенных отрицательных черт молодежи практически все знатные люди страны, участвовавшие в социологическом опросе, назвали пьянство, хулиганство, недобросовестное отношение к труду, а также «мещанские вкусы, грубость» (А.И. Райкин). «Нежелание у некоторых работать, тяга к легкой жизни, желание возможно больше взять от общества и меньше ему дать, боязнь трудностей, подражание некоторых молодых людей “золотой молодежи” Запада, хамское отношение к девушкам, хулиганство» (поэт М. В. Исаковский).

Советские знаменитости по-разному объясняли причины негативных явлений в молодежной среде. М.И. Виноградова: «В семьях не приучают некоторых детей к труду с раннего детства, излишне балуют их». А.В. Бородулин: «Часть молодежи выпала из поля зрения комсомола, родителей, стар-

ших товарищей по работе». Академик С. Г. Струмилин: «Недостаточное развитие в быту более здоровых способов использования своего времени». В.А. Карпинский: «Недостаточно высокий культурный уровень части молодежи». М.В. Исаковский: «Влияние чуждой нам буржуазно – мещанской среды. Родители не приучают детей к труду». А.И. Райкин: «Комсомольские организации заняты, главным образом, разрешением хозяйственных задач и недостаточно занимаются моральным воспитанием, недооценивают эстетическое воспитание. Неумело организуется досуг молодежи – кроме лекций и танцев есть еще много возможностей интересно провести время. Часть отрицательных черт я отношу за счет плохих бытовых условий, в частности жилищных»⁵¹.

Самыми важными проблемами воспитания молодого поколения начала 1960-х годов советские знаменитости называли трудовое воспитание, повышение общей культуры молодежи, совмещение учебы с работой. Хорошо работать на производстве, повышать уровень своей культуры, вести здоровый образ жизни стремились участники движения за «коммунистический труд». Зачинателями этого движения являлись в основном молодежные производственные бригады.

В 1961 году газета «Комсомольская правда» провела социологические исследования по проблемам движения ударников и коллективов «коммунистического» труда. Было опрошено свыше 45 тысяч респондентов из пяти краев, девяти автономных республик и 42 областей РСФСР⁵².

Главным фактором развития движения свыше 70 процентов респондентов назвали «рост сознательности». «Человек не робот, - писал 24-летний рабочий. – То или иное полезное дело должно порождаться его собственным интересом к этому делу, его сознанием». Около половины опрошенных лиц подчеркивали важность для распространения движения повышения образования и общей культуры, около одной трети – профессионального мастерства. Часть респондентов выделяла немаловажную роль для распространения новых форм труда повышения материального благосостояния работающих.

97 процентов респондентов отмечали недостатки движения: погоня за «процентом охвата»; создание искусственных условий для «выращивания» коллективов и ударников «коммунистического» труда; учет при подведении итогов «социалистического» соревнования лишь производственных показателей. Главным недостатком движения за «коммунистический» труд подавляющее большинство (свыше 70 процентов) считало формализм. При ответе на вопрос «Что значит трудиться “по-коммунистически”?» на первое место почти две трети опрошенных выдвигали сознательный характер труда, превращение его в первую жизненную потребность, товарищеское сотрудничество и взаимопомощь, соединение труда с новейшей техникой и наукой. Среди «коммунистических» черт труда 62,4 процента респондентов назвали его высшую производительность⁵³.

Дискуссионными являлись проблемы, связанные с «безвозмездностью» «коммунистического» труда, так как в тот период «безвозмездность» вступала в противоречие с провозглашенным курсом на «материальную заинтересованность» работника. Некоторые участники и организаторы движения за «коммунистический» труд среди видов безвозмездного труда называли молодежные общественные конструкторские бюро, добровольные народные дружины, организации общественного контроля, субботники и воскресники.

Молодежь затруднялась с ответами на вопросы о совершенствовании быта. В анкетах преобладал «негативный» подход к оценке этой стороны жизни людей: в «плюс» им справедливо ставилось то, что они «не пьют спиртное», «не хулиганят». Можно предполагать, что в 1960 – 1961 годах у советских людей отсутствовало развернутое конструктивное представление о будущем быта. Предельно обще говорили респонденты об изменении отношений между людьми – «укрепление дружбы», «забота друг о друге» и т. п.

С момента зарождения этого движения звание «коммунистический» было решено присваивать за комплекс черт: высшие формы труда, высшая мораль, совершенные формы быта. Однако не были четко определены основные критерии, особенно для двух последних составляющих. Правда, «высшая мораль» была сформулирована в «Моральном кодексе строителя коммунизма», вошедшего в третью программу КПСС. Но там назывались лишь основные принципы морального кодекса, но не определялись оценочные критерии⁵⁴.

По данным социологического исследования, проведенного в конце 1950-х годов в одном из цехов Уральского завода тяжелого машиностроения, 70 процентов участников движения за «коммунистический» труд учились без отрыва от производства, 75 процентов состояли читателями библиотек, 68 процентов являлись рационализаторами производства, 93 процента постоянно занимались общественной работой, 30 процентов – спортом, 16 процентов участвовали в художественной самодеятельности⁵⁵.

Воспитание подрастающего поколения трудолюбивым, приучение его к производительному труду, в том числе и физическому, можно оценивать положительно. Однако случались и неприятные ситуации. Районные власти решили организовать через наш выпускной класс почин «Всем классом – в родной колхоз!». Собрали комсомольское собрание, на которое приехали представители райкома партии, райкома комсомола и районного отдела народного образования. Однако оставаться в колхозе многие не собирались. Одна десятиклассница заявила о том, что она желает после школы продолжить обучение в вузе. Кто-то из юношей сказал, что его родители – рабочие и в колхозе никогда не работали, а сам он вообще не представляет, что это такое. Некоторые юноши уже написали заявления для поступления в военные училища. Один из районных представителей назвал этих десятиклассников поганками и сказал, что они незаслуженно едят советский хлеб и советское сало. По нашей коммунистической романтике был нанесен жестокий удар. Мы стали после этого менее

доверчивыми к начальству, которое откровенно и безжалостно растаптывало наши юношеские мечты.

С именем Н.С. Хрущева была связана так называемая «кукурузная» эпопея. И во времена правления Л.И. Брежнева и позднее чрезмерное увлечение Никиты Сергеевича кукурузой часто подвергалось критике не только в работах по новейшей истории страны, в прессе, но и в устном народном творчестве, в том числе в многочисленных анекдотах. Конечно, не надо было возделывать эту теплолюбивую культуру в северных районах, где она плохо росла. Не возникло острой необходимости занимать под кукурузу посевные площади, где хорошо росла пшеница. Под эту культуру было распахано много пастбищ, что существенно подорвало кормовую базу для скота личных подсобных хозяйств.

И все же без этой культуры в тех условиях нельзя было создать прочную кормовую базу для животноводства колхозов и совхозов и полностью заменить ее травосеянием. Страна не имела достаточного количества семян таких трав. Технология их выращивания применительно к природно-климатическим условиям нашей страны не была должным образом разработана. Кукуруза позволила увеличить поголовье скота в колхозах и совхозах и повысить его продуктивность. Например, среднегодовой удой молока от одной коровы в колхозах и совхозах составил в 1950 году 1137 кг, а в 1960 году – 1938 кг. Уже в начале 1960-х гг. наша страна приблизилась по производству молока и сливочного масла на душу населения к уровню США. Правда, Хрущева вскоре сняли, а брежневские пропагандисты говорили нам о том, что американцы стали предпочитать молоку и маслу маргарин и соки. По производству мяса мы отставали от Америки более чем в 2,5 раза⁵⁶.

Перегибы с внедрением кукурузы были налицо. В те времена летом в украинской степи не ощущался простор. Везде стоял высокий кукурузный «лес». Очень много ручного труда уходило на прополку посевов, уборку урожая. На это отвлекались огромные массы людей с предприятий, из учреждений и учебных заведений. Для уборки и хранения урожая кукурузы строились силосные траншеи, сушилки и склады для кукурузного зерна. Внедрялась новая техника, в том числе кукурузоуборочный комбайн «Херсонец», который отделял початки от стебля, стебли сразу превращал в силос, а початки увозились на зерновой ток для дальнейшей обработки.

В начале 1960-х годов руководством страны был взят курс на свертывание личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Однако этот курс не получил поддержки среди населения и от него пришлось отказаться. На начало 1961 года в личной собственности колхозников, рабочих и служащих СССР имелось 16,3 млн коров и 15,4 млн свиней. На начало 1966 года в собственности этих категорий населения насчитывалось 16,6 млн коров и 18,2 млн свиней⁵⁷. Уменьшение этих показателей в последующие годы было связано не столько с ограничительными мерами со стороны властей, сколько с урбанизацией страны и уменьшением численности сельского населения, а так-

же с ростом денежных доходов рабочих и служащих рабочих поселков и мелких городов.

О том, что повседневная жизнь советских людей постепенно улучшалась, свидетельствует история нового города башкирских нефтяников – Октябрьского. Он появился на карте страны в 1946 году. К началу 1960-х годов здесь произошли разительные перемены. В 1946 году люди плохо одевались, скудно питались, жили в бараках и землянках. Секретарь горкома ВЛКСМ Г. Кугасян вспоминал: «Если у человека есть фуфайка, есть крыша над головой, есть талон на обед в столовую – вроде бы больше ничего не надо. А если добыл билет в кино – это уже праздник. Так было 14 лет назад. Сегодня в бараках и землянках никто в городе не живет. Билет в кино перестал быть проблемой. В городе четыре крупных кинотеатра, добрый десяток киноустановок. Люди имеют возможность хорошо одеваться, вкусно питаться. Выросли их доходы, выросли потребности»⁵⁸.

Изменилось содержание молодежного досуга. Если в 1940-е годы в Доме культуры строителей почти вся культмассовая работа сводилась к демонстрации кинофильмов и платным танцам, то в начале 1960-х годов здесь работали: лекторий культуры, различные кружки и курсы, а на «комсомольских средах» молодежь дискутировала о своем будущем. Из 11 тысяч молодых производственников города Октябрьского 8 тысяч учились без отрыва от производства в школах рабочей молодежи, вузах и техникумах. При городской библиотеке был создан «университет молодой хозяйки», где проводились лекции и беседы о том, как обставить квартиру, как красиво и недорого одеваться, ухаживать за одеждой, проводились практические занятия по сервировке стола. В городе работали народный театр, самодеятельная киностудия, радиоклуб, студия изобразительного искусства, самодеятельный краеведческий музей, эстрадный ансамбль. Подобная социокультурная среда постепенно складывалась во многих городах страны⁵⁹.

Нередко новое, что входило в быт молодежи, вступало в противоречие со старыми взглядами, не вписывалось в устаревшие инструкции и положения, которые регламентировали жизнь молодежных общежитий. Часто забота о жильцах превращалась во вредную опеку, порождала иждивенчество. В общежитиях Челябинского тракторного завода жильцы не убирали за собой в комнатах (это делали уборщицы), не могли произвести простейший ремонт мебели. За государственный счет в общежития приобреталось почти все, вплоть до шахмат. Даже газеты выписывались для жильцов за счет профсоюза.

Отдельные коменданты и воспитатели молодежных общежитий применяли «домостроевские» методы воспитания, что нередко оскорбляло молодежь. Так, в женское общежитие молодых специалистов (инженеры, техники, служащие) Новоуфимского нефтеперерабатывающего завода вход юношам был категорически запрещен. Здесь комендант и воспитатель главной целью своей работы избрали строгое слежение за «моральным обликом» жильцов. Распро-

страненным был сбор сведений об интимных сторонах жизни девушек, появлялись пошлые картинки в сатирической стенгазете. На комсомольских собраниях, стремясь поговорить о моральном облике молодого человека, его поведении в семье, быту, отдельные комсомольские работники и активисты допускали бестактность, а иногда и оскорбляли юношей и девушек на основании непроверенных слухов, обывательских сплетен⁶⁰.

В жизнь молодежи 1950 – 1960-х годов вошло непростое для понимания многих юношей и девушек явление, называемое стилижничеством. Для работников правоохранительных органов, особенно столичных и крупных городов, где бывало много иностранцев, стилига - это явный или потенциальный «политически неблагонадежный» человек, «клеветник на советскую действительность», «тунеядец», «спекулянт и валютчик», «сводник и развратник». Больше всего работников КГБ и МВД беспокоили контакты стилига с иностранцами. В то время среди молодежи и людей постарше не было единого мнения по этой проблеме. Одни называли стилигами людей, которые одевались по новой моде. Для других стилига - это тунеядец, бездельник, презирающий труд и тех, кто занимается его «непрестижными» видами. Третьи видели в экстравагантности одежды молодых людей вызов политическому строю и «низкопоклонство перед буржуазным Западом». Одетые модно юноши и девушки вызывали неприятие части молодежи еще и потому, что многие них являлись детьми высокопоставленных лиц области, города, уровень жизни которых значительно отличался от жизни основной массы населения. В настоящее время стилижничество рассматривается историками и ювенологами как элемент советской молодежной субкультуры 1950 – 1960-х годов, однако в исследуемый период этой проблеме посвящались многочисленные дискуссии. Подчас точки зрения были полярными – от защиты людей, одевавшихся по моде, до необоснованных оскорблений и наклеивания политических ярлыков⁶¹.

В массовом сознании стилига - это, прежде всего, экстравагантно одетый человек. Но С. Г. Кара-Мурза, который в своей книге «Советская цивилизация» пишет о московских стилигах, считает, что стилиги - это в основном дети высокопоставленных родителей, среди которых витал «дух корректного презрения к “плебеем”», то есть к простому советскому человеку. Дети номенклатуры ощущали свою кастовую исключительность. Они не знали нужды, не знали жизни, хотя их высокопоставленные родители и пытались заставить своих чад напряженно учиться и работать. Он пишет: «Само устройство нашего общества привело к появлению обширного правящего слоя с расщепленным сознанием и двойственным положением»⁶².

В сельской местности, где жил я, о стилигах знали. Часть сельской молодежи, в том числе и я, носила узкие брюки, экзотические яркие рубашки с пальмами и обезьянами, пыталась танцевать под джазовую музыку. Из Харькова и других крупных городов приезжало много к родителям на каникулы студентов, одетых модно. Но настоящими стилигами их никто не считал. Одно-

сельчане знали этих молодых людей с детства, понимали трудности поступления и учебы в вузах. К экстравагантной одежде этой молодежи крестьяне относились слегка критически. Очевидно, что С. Г. Кара-Мурза верно подметил в стилиажничестве «кастовость низкого пошиба», которую демонстрировали отдельные молодые люди в городах ⁶³.

В статье газеты «Комсомольская правда» «Какой ширины шить брюки?» говорилось: «Стиляги – явление идеологическое. Это бездельники, презирующие труд. Но ярлык “стиляга” у нас часто привешивают людям, не очень задумываясь. Многие читатели требуют запретить носить узкие брюки и модные рубашки, требовали прекратить выпуск обуви на микропористой резине. В Свердловске комсомольские патрули задерживали юношей, “похожих” на стилиаг, и насильно стригли им волосы. Иные комсомольские работники легко выделяют “стильных” среди молодежи, а просто неопрятных и неряшливых не замечают» ⁶⁴.

В сельской местности отсталость в моде иногда возводилась как образец. Например, в 1950-е – начале 1960-х гг. еще осуждались девушки, одетые в брюки. С эстрады мужчины пели сатирическую пародию на известную тогда песню, где были такие слова: «Я встретил девушку от себя в двух шагах./ Была та девушка в очень модных штанах./ Вы не носите их, мы очень просим вас./ А то в конце концов не хватит брюк для нас». Нередко, критикуя новую моду и публично заявляя, что это некрасиво, некоторые педагоги, комсомольские и клубные работники не умели подсказать молодежи, что же все-таки красиво, а терпеливую разъяснительную работу пытались подменить мерами насилия. Так, на одном из молодежных вечеров в Пермской области в микрофон было объявлено: «Товарищи стилиаги! Если вы в течение 30 минут не покинете зал, то будете иметь дело с членами бригад содействия милиции» ⁶⁵.

В вопросах моды общий язык с молодежью находили те ее педагоги и руководители, которые с помощью специалистов учили юношей и девушек красиво, просто и недорого одеваться. Во многих городах страны появилась новая форма работы среди молодежи – «ситцевые балы», на которых модельеры показывали новую одежду, давали советы по пошиву таковой, устраивали конкурсы на лучшее платье, сшитое своими руками. Во многих клубных учреждениях был накоплен опыт организации работы с молодыми семьями, где молодежь получала консультации по кулинарии, швейному делу, другим бытовым вопросам. Действовало очень много различных молодежных объединений по интересам – клубы девушек, фото- и радиолюбителей, романтиков, космонавтов, туристов, интересных встреч, любителей книги. На крупных предприятиях и в вузах работали любительские киностудии. В начале 1960-х годов примерно 60 процентов слушателей народных университетов культуры Свердловской области составляла рабочая молодежь ⁶⁶.

В 1950-1960-е годы многие рядовые советские люди являлись постоян-

ными читателями газет, журналов, художественной литературы. Мой отец систематически читал «толстые» романы из сельской библиотеки. В последних классах школы и после ее окончания я с интересом читал журналы «Новый мир», «Юность», романы М. Стельмаха, М. Алексеева, П. Проскурина, О. Гончара и других писателей. В 1960 году среди молодых рабочих четырех промышленных предприятий г. Свердловска проводился социологический опрос об их читательских интересах. Из 250 молодых рабочих, охваченных анкетированием, 206 являлись активными читателями библиотек, а 144 имели личные библиотеки. Наиболее любимыми писателями русской классики были названы: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, С.А. Есенин, А.П. Чехов, И.С. Тургенев. Из советских писателей больше всего нравились молодежи произведения М.А. Шолохова, А.М. Горького, В.В. Маяковского, А.А. Фадеева, Н.А. Островского, А.Т. Твардовского. В числе любимых зарубежных писателей были названы Т. Драйзер, Э. Золя, М. Твен, В. Гюго, Д. Лондон⁶⁷. Конечно, сейчас у некоторых людей, особенно молодых, может создаться впечатление о том, что в результатах этого опроса кое-что «причесано», «подправлено». Да, молодежь была знакома со многими произведениями русской и советской классической литературы, так как их изучали в средней школе. Но ведь я помню, что мы тогда читали практически всех зарубежных писателей, которые назвались анкетлируемыми молодыми рабочими из Свердловска. Мы были знакомы и с произведениями тех советских писателей – наших современников, к которым отношение со стороны партийно-правительственных верхов тогда оставалось «прохладным». Молодежь читала произведения Б. Пастернака, В. Дудинцева, И. Эренбурга, В. Пановой, Ф. Абрамова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, В. Аксенова, Б. Ахмадуллиной, Р. Казаковой, А. Кузнецова и других авторов, которые в средней школе не изучались.

В тот период было характерно наступление обновленческих тенденций в духовной сфере, шла борьба против лакировки действительности в произведениях литературы и искусства, стали освещаться и теневые стороны жизни общества. Все это не очень нравилось властям. В ряде неопубликованных постановлений секретариата ЦК ВЛКСМ проводилась линия на то, чтобы в художественном творчестве тяжелая жизнь рабочей и сельской молодежи выдавалась за временные неудачи отдельных молодых людей. В декабре 1957 года в постановлении секретариата ЦК ВЛКСМ о кинофильме «Рядом с нами» («Ленфильм») говорилось: «Временные неудачи в судьбах юношей и девушек выглядят в фильме как мелкотравчатая, мещанская критика морального облика рабочей молодежи, условий ее труда и быта, общественных интересов. Конфликты, на которых построен сюжет, примитивны в своей основе. Убого и пошло изображена работа комсомольской организации завода, а образ инструктора райкома комсомола воспринимается как карикатура на комсомольского работника». «Идейно порочной» назвали секретари ЦК ВЛКСМ повесть А. Кулаков-

ского «Дабрасельцы», опубликованной в молодежном белорусском журнале в 1958 году. В этом произведении, по мнению комсомольских функционеров, в основу были положены «лишь отрицательные стороны жизни села» в послевоенные годы, была показана «мрачная картина засилья проходимцев, жуликов, бюрократов в руководстве колхозами»⁶⁸.

И в годы хрущевской «оттепели» молодежь боялась открыто высказывать свои мнения по вопросам литературы и искусства, расходившиеся с официальными установками партии и комсомола. Смелчаки же подвергались остракизму. Молодой рабочий Верх-Исетского металлургического завода (г. Свердловск) Виталий Н. выступил с «неправильными взглядами» о переходе к коммунизму на молодежном диспуте «Что такое счастье?» и на читательской конференции по книге местного писателя В. Очеретина «Саламандра». Эти взгляды были осуждены в коллективе цеха, где работал Виталий, а свердловские ученые-обществоведы сделали вывод о том, что это «не только помогло рабочему Н. осознать ошибочность поведения и высказываний, но и превратилось в хорошее средство патриотического воспитания и укрепления политической бдительности (подчеркнуто нами. - М. Ф.) рабочих, особенно молодежи»⁶⁹.

Во второй половине 1950-х – 1960-е годы на качественно новый уровень поднялось одно из самых массовых искусств – кино. В те годы залы городских кинотеатров и сельских клубов, где демонстрировались кинофильмы, постоянно были переполнены. Кинорепертуар отличался многообразием, многожанровостью, но во многом зависел от идеологических установок. Нами подсчитано, что в 1951 – 1961 гг. на Урале демонстрировалось 730 различных художественных кинофильмов, в том числе советских – 589, стран «народной демократии» - 87, других зарубежных стран – 54. Людей продолжали волновать кинофильмы о Великой Отечественной войне. Глубоким психологическим раскрытием образов современников, прошедших через годы военных испытаний, отличались кинофильмы «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Судьба человека», вошедшие в золотой фонд отечественной киноклассики. Эти шедевры многие зрители смотрели со слезами на глазах.

На экранах появились прекрасные кинофильмы о послевоенном поколении молодежи: «Свадьба с приданым», «Солдат Иван Бровкин», «Весна на Заречной улице», «Дело Румянцева», «Чужая родня», «Высота», «Девчата», «Дело было в Пенькове», «Исправленному верить», «Матрос с “Кометы”», «Иван Бровкин на целине», «Прощайте, голуби». В годы «оттепели» молодежь активнее стала выступать против «картонных» героев на экране, примитивизма, упрощенчества, фильмов-однодневок и наивных киноагиток. В 1956 году редакция «Комсомольской правды» получила около двух тысяч писем, в которых велся спор о полубившихся фильмах, слышался гнев против кинохалтуры. В одном из таких писем было сказано: «В фильме “Чужая родня” страсти людей обнажены и показаны с большим художественным умением. Хорошо,

что авторы не скрывают отрицательных сторон жизни и показывают свое отношение к борьбе, которую ведут герои». Во многих кинофильмах, вышедших в период хрущевской «оттепели», молодежь привлекало то, что их персонажи были показаны не как исключительные герои, а как обыкновенные рядовые люди, стремящиеся к честности, порядочности, умению ценить мир.

Конечно, и в период «оттепели» в нашем кинематографе имелись недостатки, массовый зритель чутко их улавливал. Например, отрицательно оценил массовый зритель двухсерийный кинофильм немецких режиссеров «Русское чудо». Этот фильм являлся фактически не художественным, а публицистическим. В нем рассказывалось об успехах Советского Союза, причем почти все факты об этом были давно известны нам со школьных лет. Никакого приращения знаний по отечественной истории этот фильм не давал. В рецензиях на кинофильмы, которые помещались тогда в молодежной печати и носили дискуссионный характер, отмечалось, что создатели фильмов порой впадали в две крайности. Одна из них: когда зритель видел на экране надоевшую идиллию, герой которой изображает довольного всем оптимиста. Другие кинематографисты любили «надрывные» истории, герои которых обязательно все время страдают на фоне бесконечных потоков дождя. Сами работники кино признавали, что и в 1960-е годы многие фильмы отображали не подлинную жизнь, а лишь искусно были подгримированы под действительность⁷⁰.

Значительное место в кинорепертуаре занимала революционная тематика и тема Гражданской войны – «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Ленин в Октябре», «Чапаев», «Котовский», «Тихий Дон», кинотрилогия о Максиме, «Хождение по мукам» и другие. Для большинства кинокартин из этой группы была характерна идеализация образов революционеров-большевиков и красноармейцев, карикатурное изображение их политических и военных противников, романтизация революционной эпохи и периода Гражданской войны.

Положительным явлением была экранизация произведений русской литературно-художественной классики – «Ревизор», «Горе от ума», «Анна Каренина», «Евгений Онегин», «Воскресение». Среди подростков популярностью пользовались приключенческие фильмы, в том числе кинокартины о шпионах, вызванные к жизни реалиями «холодной войны»: «Застава в горах», «Следы на снегу», «Тайна двух океанов», «Над Тисой», «Операция “Кобра”» и другие.

В 1960-е годы советский зритель был знаком и с зарубежными кинофильмами «несоциалистических» стран. Они составляли примерно 15 – 16 процентов всех демонстрировавшихся тогда кинокартин. Импортные картины давали, как правило, хороший кассовый сбор, значительная часть которого поступала в местный бюджет. В Советском Союзе демонстрировались французские, итальянские, австрийские, индийские, египетские, японские, мексиканские, аргентинские кинофильмы. В переполненных залах показывался индийский фильм «Бродяга». Один из известных киноведов Ю. М. Рабинович вспоминал:

«Кто знал тогда, что индийское кино поселится надолго в нашей стране, приобретет чрезвычайную популярность и своей коммерческой направленностью вытеснит значительные экранные произведения»⁷¹.

В конце 1950-х годов в СССР на 208,8 млн человек имелось около 50 млн радиоприемников и радиотрансляционных точек. В течение суток по центральному радио передавалось 12 выпусков «последних известий», три обзора центральных газет, регулярно читались статьи и проводились беседы и лекции по марксизму-ленинизму. Ежедневно транслировалось по 45 – 50 концертов. Радио помогало провинциальной молодежи разучивать новые песни на слух.

Нередко официальная музыкальная критика и широкие массы молодежи расходились в оценке популярных песен. Некоторые музыкальные критики услышали в песне М. Блантера «Летят перелетные птицы» «надрывную интонацию». Примерно в таких же «грехах» они обвиняли композитора Б. Мокроусова за его песню «Сормовская лирическая», а также И. Дунаевского за песню «Моя Москва». В «Подмосковных вечерах» В. Соловьева-Седого критики услышали «надлом», а в песне Э. Колмановского «Хотят ли русские войны?» - «унылую слезливость, мелодраматизм». Даже песню Э. Колмановского «Я люблю тебя, жизнь» некоторые называли произведением «в целом невысокого вкуса». Известный киноактер и певец М. Бернес обвинялся в «псевдомузыке, мелодраматизме, слезливости». Неодобрительно относились чиновники от музыки к возрождению романсов из репертуара П. Лещенко.

Подобные обвинения поддерживали на местах многие партийные и комсомольские функционеры. Так, в документах Курганского обкома КПСС начала 1960-х годов содержались фразы: «У нас еще бытуют среди исполнителей художественной самодеятельности пошлые произведения, и очень много исполняется песенок, проникнутых унынием, исполняется большое количество произведений, где звучат слабенькие, печальные слова человека ноющего, жалующегося на свои очень частного порядка неудачи в жизни». «С подмосков сцены самодеятельных коллективов часто можно слышать заунывные, меланхолические песни, вызывающие не бодрость духа, а пессимизм». На одном из пленумов Курганского обкома комсомола говорилось: «Много низкопробной музыки на грампластинках, с эстрады, с экрана кинотеатров, по радио, заимствования из заграницы конвульсивной музыки, вроде фокстрота “Джунгли”... Возрождаются давно забытые романсы для будуарного пения, такие как “Отцвели хризантемы”. Дело дошло до перепечатки кабацких песенок белоэмигранта Лещенко. Слезливые романсы в исполнении М. Бернеса. Образец подмены пения унылым говорком или многозначительным шепотом. Этому артисту мы обязаны воскрешением отвратительных традиций “воровской романтики” - от куплетов “Шаланды полные кефали” до слезливой песенки рецидивиста Огонька из фильма “Ночной патруль”»⁷².

В период «оттепели» широкое распространение получила легкая эстрад-

ная музыка. Отношение к ней было неоднозначным. Со стороны официальных руководящих структур критике подвергалась популярная и безобидная, на наш взгляд, песенка «Ландыши». В 1957 году в газете «Комсомольская правда» было опубликовано письмо учителя из города Куртамышья Курганской области С. Егорова, которому не нравилась популярная тогда среди молодежи песенка «Мишка, где твоя улыбка?». Автор письма назвал ее пошлой и требовал «прекратить распространение этой низкопробной песенки стиляг». У С. Егорова появились сторонники и противники. На его письмо в редакцию центральной молодежной газеты пришло около трех тысяч откликов. Рабочий В. Иванов писал: «Учить нас музыкальной грамотности некому. Нашим профессиональным музыкантам нужно учить простых людей слушать музыку, пропагандировать ее всеми средствами, а не брезгливо отворачиваться от юношей, напевающих “Мишку”»⁷³.

Содержание песенного репертуара было пронизано тогда романтизированной идеологией. К 40-летним юбилеям Октябрьской революции и комсомола газета «Комсомольская правда» открыла рубрики «Песни наших отцов» и «Песни комсомольской юности». Были опубликованы слова и ноты песен «Смело, товарищи, в ногу», «Расстрел коммунаров», «Паровоз», «Мы кузнецы», «Варшавянка», «Смело мы в бой пойдем», «Орленок», «Молодая гвардия», «Добровольцы». Популярностью пользовались песни о советской молодежи, написанные в те годы: «Песня о тревожной молодости», «Геологи», «Уральская рябинушка», «Едут новоселы», «Над широкой Обью», «Главное, ребята, сердцем не стареть» и другие.

Сейчас много пишется о скандале Н.С. Хрущева, связанным с его посещением художественной выставки, где были представлены и работы художников-абстракционистов. Надо, наконец, прямо признаться в том и донести это до современной молодежи, что в 1950-1960-е годы абсолютное большинство советских людей не понимало это направление в изобразительном искусстве. Не понимал его и Н.С. Хрущев. Простым людям было больше по душе реалистическое направление. Мы не понимали, да и сейчас большинство людей не могут себе представить то, как возможно заменить натуралистическую, легко узнаваемую предметность более или менее свободной игрой линий, красок и форм, когда сюжет и предмет лишь угадываются, символически подразумеваются или исчезают вообще. На комсомольско-молодежных собраниях мы осуждали художников-абстракционистов, называли их работы «мазней», говорили о том, что они написаны чуть ли не хвостом осла. Не понимали искусство абстракционистов и люди зарубежных стран. Однако, в отличие от нашей страны, на Западе это искусство не запрещалось. В своих мемуарах Н.С. Хрущев позднее сожалел о своем административном вмешательстве в творчество отдельных советских деятелей литературы и искусства.

Духовную атмосферу шестидесятых годов передает в своих воспоминаниях бывший учитель, профессиональный журналист, заслуженный работник

культуры России из города Кургана Ф. Ю. Рабинович. Он пишет: «Счастье моего поколения в том, что наша юность пришлась на шестидесятые годы минувшего столетия, в истории общества названные “оттепелью”. То было время ярких надежд на светлое будущее. Именно в 1960-е появилось ощущение, что мы – составная часть мировой цивилизации. Шестидесятые – время строительства Братской ГЭС, покорения Ангары, время трибунной поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадуллиной, песен Б. Окуджавы, рождения “Современника” и Театра драмы и комедии на Таганке и много другого. Значение тех лет огромно: оно сформировало новое поколение людей, не очень похожее на предыдущее, с новым образом мыслей, жизни, нравов, быта, общественных идей. Именно в то время сложилась новая система ценностей, в которой самой большой ценностью становился сам Человек, когда впервые в обществе заговорили о приоритете человеческого над классовым.

В пятидесятые годы по великому благу и с нагрузкой в виде абсолютно ненужной производственной книжонки можно было купить журналы “Огонек”, “Крокодил” (у них были довольно любопытные приложения библиотечек, тоже достаточно дефицитных). В шестидесятые необычайно популярными стали журналы “Юность”, “Советский экран”, “Искусство кино”, “Театр”, “Театральная жизнь”, “Музыкальная жизнь”, “Смена”. Появилось больше читателей у толстых журналов “Новый мир”, “Октябрь”, “Нева”, “Знамя”, “Дружба народов”, “Наш современник”. Появляются региональные журналы “Север”, “Волга”, “Дон”, “Байкал”, “Сибирские огни”.

Шаг за шагом наша страна укрепляла связи с внешним миром и в этом огромную роль сыграли еще два международных события: Московский фестиваль молодежи и студентов (1957 г.) и I Московский международный кинофестиваль. Мне удалось побывать на пяти московских кинофестивалях, на которых состоялось много интересных встреч. Одна из них произошла на кинофестивале в 1969 году: взял интервью у вошедшего в моду В. Высоцкого, актера Театра драмы и комедии на Таганке, широкой всесоюзной публике более известного в качестве исполнителя собственных песен.

Его имя ведет еще к одному феномену тех лет: авторской, бардовской песне, созданию клубов самодетельной песни. Многие в мире утверждают, что это чисто российский феномен. Родоначальников бардовской песни найти нелегко. Вначале все пели песни А. Городницкого “Снег, снег, снег, снег над палаткой кружится”, “Атланты»; песни А. Якушевой, Ю. Визбора, Н. Матвеевой, В. Берковского и др. Но первым все же был Б. Ш. Окуджава, который вошел своим тихим, чуть хрипловатым голосом в каждую квартиру, где были катушечные магнитофоны “Комета”, “Маяк”, “Гинтарас”. Вскоре песни Окуджавы пела вся страна.

Если взять весь массив советских песен с первых лет советской власти и до наших дней, то с полной уверенностью можно сказать, что наша страна создала великую песенную культуру, равной которой в мире нет. Критиканы всег-

да находили себе объекты: “Мишку” объявляли эталоном мещанства, в “Ландышах” обнаруживалась пошлость, Марка Бернеса называли безголосым певцом. Народ эти песни любил и постоянно пел. Серийно выпускались пластинки “Мелодии и ритмы зарубежной эстрады”. Массовыми тиражами выходили клавиры опер и оперетт.

В киноискусстве тоже происходила своеобразная смена караула, появлялся другой герой, возникла иная киноэстетика, другой антураж, обыгрывались другие детали. Меньше патетики, больше прозы жизни.

На экране фигурировали не только вожди, полководцы, пламенные революционеры, передовики производства (промышленного и сельскохозяйственного). Хотя “Кубанские казаки” Ивана Пырьева и “Большая жизнь” Ивана Лукова были очень любимы зрителями, но жизненный фон уж слишком был далек от киношной жизни.

Если в 1940 – 1950-е годы снимались фильмы о наших крупных полководцах, выдающихся ученых (Суворове, Кутузове, Ушакове, Нахимове, Александре Невском, Щорсе, Чапаеве, Лазо, Котовском, Пархоменко, Мичурине, Пирогове), то в 60-е годы главными героями кинолент становятся рядовые солдаты, рабочие династии, не передовые, а обычные колхозники. Алеша Скворцов из “Баллады о солдате”, герои прозы Константина Симонова “Живые и мертвые”, “Солдатами не рождаются”, его же документальный фильм “Шел солдат”, где война показывается как тяжелейшая работа, а великая Победа в 1945-м – как результат этой тяжелейшей солдатской работы.

Не пафосный, величавый фильм “Падение Берлина” уже определяет лицо нашего кинематографа, а ленты об обыкновенной человеческой жизни с ее радостями и горестями, достижениями и победами (вспомните “Дом, в котором я живу”, “Наш дом”, “Простая история” и другие).

На дворе стояла абсолютно новая эпоха, наступала космическая эра: первые спутники, человек в космосе, экипаж на орбите. Очень интенсивно развивалась прикладная и фундаментальная наука. Строились новые научные центры, целые города-наукограды. Пришел момент, когда сказка действительно превратилась в быль. Виток Ю. А. Гагарина вокруг Земли стал всемирным праздником. Новый герой не мог не появиться. На экраны выходит картина М. Рома “Девять дней одного года”.

Кино стало не только более глубоким, но и более демократичным. В то же время через московские кинофестивали, через недели фильмов той или иной страны советский зритель познакомился с итальянским неореализмом, французской “новой волной”, с английским, американским, латиноамериканским кино. Вся страна была влюблена в аргентинку Лолиту Торрес, в итальянок Джину Лоллобриджиду (“Фанфан-Тюльпан”), Сильвану Помпанини, Софию Лорен, Клаудио Кардинале, француженок Брижит Бардо, Марину Влади. У мужчин блистали Жан Марс (“Граф Монте-Кристо”, “Собор Парижской богоматери”), “Капитан”), Жан Поль Бельмондо, Ален Делон.

Шестидесятые годы были годами расцвета прессы. В то время многие семьи выписывали по десять-пятнадцать изданий. В читальных залах библиотек сидели люди и читали толстые журналы. Я, например, регулярно получал 18 газет и журналов.

Политическим очарованием той эпохи была победа Кубинской революции: Фидель Кастро, Рауль Кастро, Эрнесто (Че) Гевара, “Марш 26 июля”, кубинская музыка, карнавалы, женщины-мулатки, журнал “Куба”, песня А. Пахмутовой “Куба – любовь моя”. В киосках “Союзпечати” регулярно продавались журналы ряда социалистических стран: “Болгария”, “Венгрия”, “ГДР”, “Румыния”, “Монголия”, “Вьетнам”, “Китай”, “Корея сегодня”. Все они были по-своему любопытны.

В 1950-1960-е годы главным источником художественной информации оставалось радио. Передача “Театр у микрофона” была любима миллионами. Транслировалась в основном классика: А. Н. Островский, А. П. Чехов, Н.В. Гоголь, М. Горький. Был и современный репертуар.

В 1960-е годы начался настоящий театральный бум. Возникли революционные по тем временам “Современник”, Театр драмы и комедии на Таганке (с Ю. Любимовым), ярко заблистал театр на Малой Бронной (с А. Эфросом).

Целая армия молодых актеров быстро обрела известность: О. Табаков, Г. Волчек, Н. Дорошина, И. Кваша, В. Золотухин, А. Демидова, Б. Хмельницкий, В. Высоцкий, О. Борисов, Т. Доронина, В. Стрельчик, Е. Копелян, М. Ульянов, Ю. Яковлев, Ю. Борисова, О. Стриженов, Н. Гриценко. Новые спектакли с молодыми актерами зазвучали и на радио. Именно радио сделало нас театралами.

Так в наших душах формировалось чувство прекрасного. Теперь мы понимаем, что наше поколение воспитывалось как бы на двух культурах, двух искусствах: классическом и массовом. К сожалению, сегодня массовой культуры гораздо больше: зарубежные мыльные оперы по несколько сот серий, заполнившие наши телеэкраны, попсовая неталантливая эстрада (с дежурными группами, солистами на любых концертах), бесконечная детективная и сентиментальная литература в книжных магазинах и на книжных развалах.

Что это – кризис бездуховности? Возможно. Как уйти от всего этого? Наверное, вспомнить замечательные шестидесятые годы прошлого века, равняться на то лучшее, что в них было: искренность, чистота, романтизм, наличие идеалов, патриотизм!»⁷⁴.

Конечно, в организации досуга людей было много примитивного, а иногда и вульгарного. Часто мероприятия, которые проводились в провинциальных клубных учреждениях, не имели никакого воспитательного значения. Так, в одном из районов Оренбургской области на районном смотре художественной самодеятельности была представлена пьеса «Теплая компания», сочиненная самодеятельными артистами. В ней показывались только отрицательные типы – лодырь, прогульщик и пьяница. Пьеса была поставлена таким

образом, что вызывала у зрителей только смех, но не воспитывала чувства неприимости к антиобщественным явлениям, носителями которых являлись ее «герои». В Свердловской области на клубной сцене была поставлена пьеса «Уральская свадьба». В течение семи часов не совсем трезвыми «артистами» на сцене показывались отжившие обряды, которые унижали человеческое достоинство. Повсеместно ставились так называемые «сатирические сценки» «В парикмахерской», «На приеме у врача», «На рыбалке», которые вызывали массовый хохот в зале, но не имели никакого воспитательного значения. В одном из сельских клубов Оренбургской области был организован вечер вопросов и ответов. Здесь рассматривалось около двух десятков «наболевших» вопросов типа: «Как отличить сырое яйцо от вареного?», «Как правильно прыгнуть на ходу с поезда?», «Что тоньше – волос или стенка мыльного пузыря?» и тому подобное ⁷⁵.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х годов руководством страны был предпринят ряд антирелигиозных, антицерковных акций: усиление налогового прессинга на духовенство и церковь, массовая «чистка» церковных библиотек, запрет паломничества к «святым местам», закрытие монастырей и храмов, ужесточение законодательства о религиозных культах. Если на 1 января 1958 года Московская патриархия Русской православной церкви имела 13414 храмов и 12199 священнослужителей, то на 1 января 1966 года – 7523 храма и 7410 священнослужителей ⁷⁶.

Правящая партия не находила места религии и церкви в будущем коммунистическом обществе. Методы борьбы с церковью в 1960-е годы были более изощренными и тонкими, чем в довоенный период. Власти установили такое законодательство, строгое выполнение которого превращало священника в нищего изгоя общества, а церковные общины – в неплатежеспособные структуры, которые не могли ремонтировать храмы, приобретать предметы церковного обихода, платить духовенству зарплату. Это давало властям повод к закрытию храмов и снятию религиозных общин с государственной регистрации.

До революции 1917 года на территории, которую занимала Курганская область, образованная в 1943 году, было свыше 280 действующих храмов Русской православной церкви. Все их закрыли советские власти в 1920-1930-е годы. В 1942-1956 годах богослужения возобновились лишь в 14 храмах. Однако в 1961 – 1964 годах четыре из них вновь были закрыты советскими властями.

Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Курганской области Е. А. Машнюк, отчитываясь перед вышестоящими партийными и государственными органами, докладывал о том, что вся деятельность по закрытию церковей велась целенаправленно и была заранее спланирована местными властями. В частности, он писал о том, как в 1961 году закрылась Богородице-Рождественская церковь в селе Рычково Белозерского района: «В отношении отдельных церковных фанатиков и их деятельности помещались статьи в местных газетах. Наряду с проведением

ем атеистических мероприятий по ослаблению церкви проводилась работа по компрометации священников Рычковской церкви. В результате скомпрометированные священники отказывались от службы и к концу 1960 – началу 1961 года община полностью распалась. Мною было проведено несколько бесед с иеромонахом церкви Змановским В. И. в направлении отказа его от службы в церкви. Рекомендовалось ему возвратиться в колхоз и снова работать по его специальности – овощеводом. После беседы Змановский написал заявление об освобождении его от несения службы и о снятии с регистрации».

Благочинного церковей Курганского округа А. И. Малиновского власти заставили не назначать в церковь села Рычково нового священника. Властям удалось расколоть общину, посеяв в ней склоки. Разложение церковной общины осуществлялось через родственников верующих – членов КПСС. Организовали написание заявлений членов церковной «двадцатки» об отказе входить в ее состав. За 14 малограмотных верующих заявления писали двое, одним из которых был сам уполномоченный Е. А. Машнюк.

5 августа 1961 года Белозерский райисполком принял постановление о закрытии церкви в селе Рычково с последующим переоборудованием ее здания под сельский клуб. 15 августа того же года Курганский облисполком утвердил это решение, а 5 октября 1961 года Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР закрыл церковь и снял общину с регистрации. Но уже в сентябре, не дожидаясь решения из Москвы, местные власти приступили к изъятию церковного имущества. Все мероприятия, связанные с закрытием церкви, согласовывались с управлениями КГБ и МВД по Курганской области. В село Рычково и близлежащие деревни для изучения обстановки были посланы два оперативных работника. Из местных партийных и советских работников создали районную комиссию по закрытию церкви.

22 сентября 1961 года в шесть часов утра из храма начался вывоз имущества. Присутствовавшие при этом пожилые верующие крестились и плакали. Иконостас был отправлен в областной краеведческий музей, иконы и облачения священников – на склад райисполкома. Здание храма переоборудовали не под клуб, как предполагалось ранее, а под колхозный зерносклад.

В стране поднялась волна так называемого «атеистического» фанатизма. Советским людям фактически предлагали вместо веры в Бога религиозный суррогат – веру в коммунизм. Так называемое атеистическое воспитание сводилось на деле к шельмованию в средствах массовой информации и в устной пропаганде священнослужителей. В советской прессе духовенство представлялось в карикатурном виде, внимание читателей акцентировалось на недостатках отдельных священнослужителей, высмеивались религиозные обряды и таинства, оскорблялись религиозные чувства верующих.

Относительно нормальные отношения властей с церковью в 1943 – 1953 годах стали преподносить хрущевскими идеологами как «сталинское наследие периода культа личности». Подогреваемая антицерковной пропагандой,

часть духовно незрелой молодежи совершала по отношению к духовенству и верующим хулиганские действия. Распространенным видом правонарушений среди молодежи было битье стекол в окна храмов из рогаток. Один из подростков хвастался перед своими товарищами тем, что во время богослужения он и его приятели в укромном месте храма играли в карты.

В те годы прошла кампания по «добровольному и публичному» снятию священниками с себя сана. По стране таких попов-расстриг нашлось около двухсот человек. Один из них выступал перед нами в школе. Запомнились его слова о том, что «религия – это ложное мировоззрение», что «верующие удваивают мир, тогда как он един и неделим». В атеистической пропаганде было много примитивного. Один из лекторов говорил: «Ни один космонавт, который побывал в космосе, бога не видел», а «самовозгорание свеч – это химическая реакция». Из атеистической пропаганды тех лет меня больше всего психологически потряс кинофильм «Тучи над Борском». Но там речь шла об изуверской секте.

Несмотря на гонения многие люди оставались верующими, посещали храмы, совершали религиозные обряды. Доходы церквей, особенно в городах, продолжали расти. Так, доходы православных общин Курганской области были в 1961 – 1964 годах выше, чем в 1958 – 1960. В последующий период рост церковных доходов наблюдался здесь ежегодно. Почти во всех крестьянских домах имелись иконы. В 1962 году в селе Усть-Миасском Каргапольского района из 112 домов иконы имелись в 101, в селе Боровском Катайского района из 160 крестьянских дворов икон не было только в семи. В период хрущевских гонений на религию и церковь властям удалось ослабить церковную организацию, но им не удалось убить в людях веру в Бога ⁷⁷.

В 1950–1960-е годы руководство страны приняло ряд документов, направленных на пропаганду здорового образа жизни, массовое привлечение общественности к борьбе с пьянством, правонарушениями и преступностью. Так, в 1950-е годы вышли: постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению пропаганды здорового быта среди населения» (1954 г.); постановление правительства СССР и ЦК партии «О мерах по улучшению работы МВД СССР» (1956 г.); Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об ответственности за мелкое хулиганство» (1957 г.); постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» (1958 г.) и «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» (1959 г.). В 1961 г. ЦК партии принял постановление «О мерах по усилению борьбы с проявлениями преступности в отдельных районах и городах», вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни».

Ряд постановлений принял ЦК ВЛКСМ: «О борьбе комсомольских организаций с проявлениями хулиганства среди молодежи» (июнь 1954 г.); «О ра-

боте комсомольских организаций по пропаганде здорового быта среди молодежи» (август 1954 г.); «Об усилении борьбы комсомольских организаций с пьянством среди молодежи и самогонварением» (май 1958 г.); «О повышении роли комсомольских организаций в борьбе с нарушителями общественно-го порядка» (февраль 1960 г.).

В конце марта 1953 года была объявлена амнистия многим заключенным, в результате которой на свободе оказалось большое количество опасных уголовных элементов. Эта амнистия не распространялась на политических заключенных, осужденных, как говорилось тогда в официальных документах, «за контрреволюционные преступления». Вплоть до лета 1954 года вопросы реабилитации репрессированных по политическим мотивам еще не решались. Досрочно освобожденные уголовники вели себя крайне вызывающе. Летом и осенью 1953 года страну захлестнула волна бандитизма. В книге С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация» говорится о том, как это происходило в Москве. В сельской глубинке частыми стали случаи групповых краж из магазинов, а на железнодорожном транспорте организованные шайки бандитов почти открыто занимались грабежом пассажиров. Все это сопровождалось убийством жертв нападения или нанесением последним тяжелых телесных повреждений. В газетах того времени встречаются сообщения об осуждении недавно амнистированных преступников, совершивших повторное уголовное преступление, к длительным срокам заключения (15 – 25 лет). С большим трудом волну бандитизма удалось сбить.

Широкое распространение получило пьянство. О количестве потребления спиртных напитков на душу населения, числе лиц, которые были доставлены в медицинские вытрезвители и совершенных в нетрезвом виде преступлений на территории Курганской области говорят данные табл. 13.

Таким образом, если в 1958 году потребление спиртных напитков (без пива и самогона) составляло на душу населения Курганской области 9,1 литра, то в 1965 году – 15,6 литра. Количество доставленных в медицинские вытрезвители увеличилось за эти годы почти в три раза, а число совершенных в нетрезвом состоянии преступлений – в 2,3 раза.

В 1963 году в Курганской области зарегистрировано 2744 преступления. Около 60 процентов из них были совершены в нетрезвом состоянии. В пьяном виде совершалось 85 процентов убийств, 80 процентов тяжелых телесных повреждений и изнасилований, 60 процентов грабежей и 90 процентов хулиганских действий⁷⁹.

Для лиц, совершавших преступления, существовала система пенитенциарных учреждений. На 1 января 1964 года в пяти исправительно-трудовых колониях Курганской области насчитывалось 3373 заключенных, в том числе 1533 впервые осужденных (46 процентов) и 1840 судимых неоднократно (54 процента). Свыше 50 процентов заключенных отбывали наказание в условиях строгого режима, около одной трети – усиленного и лишь 17 процентов - об-

шего. Преобладали лица в возрасте от 25 до 40 лет – 55,4 процента. В производственной деятельности исправительно-трудовых колоний было занято 80 процентов работоспособного контингента. Заработок в день на одного заключенного составил в 1962 году 2 рубля 20 копеек, а в 1963 – 2 рубля 36 копеек. Общеобразовательной учебой было охвачено 993 человека, то есть почти каждый третий заключенный. 70 процентов заключенных являлись читателями библиотек ⁸⁰.

Таблица 13

Потребление спиртных напитков на душу населения, количество лиц, доставленных в медицинские вытрезвители, и совершенных преступлений в нетрезвом состоянии на территории Курганской области ⁷⁸

Годы	Потребление ликеро - водочных напитков, литров	Потребление плодово-ягодного и виноградного вина, литров	Доставлено в медицинские вытрезвители, тыс. чел.	Совершено преступлений нетрезвом состоянии
1958	5,9	3,2	9,7	нет сведений
1959	5,5	3,2	7,3	717
1960	6,7	3,4	8,9	881
1961	6,6	3,5	11,7	1779
1962	7,2	3,9	10,9	1729
1963	7,6	5,7	11,7	1615
1964	8,2	6,2	24,0	1681
1965	8,6	7,0	29,0	1704

В борьбу против пьянства, правонарушений и девиантного поведения активно включилась советская общественность. Повсеместно действовали комсомольско-молодежные бригады содействия милиции, комсомольские патрули, добровольные народные дружины. В документах ЦК ВЛКСМ местным организациям настоятельно рекомендовалось «создать атмосферу нетерпимости, всеобщего осуждения и презрения вокруг любителей спиртного, разъяснять молодежи, что выпивка является не проявлением геройства, а проявлением слабости и безволия». Предлагалось на собраниях и в сатирической печати остро критиковать тех, кто злоупотребляет спиртным, ведет себя развязно, устанавливать комсомольские посты наблюдения за порядком в общественных местах. Комсомол направлял в бригады содействия милиции сотни тысяч своих членов.

Активное участие в борьбе против пьянства и правонарушений среди молодежи принимали комсомольские организации всех регионов СССР. Покажем это на архивных материалах Урала. В 1954 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области в бригадах содействия милиции насчитывалось около 400 комсомольцев, патрулировавших по городу. В результате количество нару-

шений общественного порядка сократилось втрое, а в праздничные и выходные дни – почти в четыре раза.

В 1955 году в Ленинском районе города Свердловска было организовано два комсомольских штаба и много патрульных групп общей численностью более одной тысячи человек. Они задержали свыше 600 правонарушителей и сообщили об этом по месту их работы или учебы. В 1957 году этот опыт применялся во всех районах областного центра. Помимо районных комсомольских штабов по охране общественного порядка, в Свердловске был создан городской штаб, при котором работало три отдела по 50 – 70 человек в каждом для борьбы с ворами-карманниками, спекулянтами и хулиганами. Аналогичным образом велась работа с антиобщественными явлениями во многих городах страны. В 1958 году Свердловская область была в числе передовых в РСФСР по результативности борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. За год здесь предотвратили более 500 опасных преступлений, «профилактировали» до 250 криминогенных групп, оказали помощь в трудоустройстве более 1,5 тыс. человек⁸¹.

В 1955 году в Оренбургской области насчитывалось около трех тысяч комсомольцев, которые участвовали в работе бригад содействия милиции. К началу 1956 года здесь выпускалось около двух десятков сатирических газет, в которых резко критиковались нарушители общественного порядка. Результативно работали 800 членов бригад содействия милиции города Уфы, которые в 1955 году задержали свыше 400 нарушителей общественного порядка.

С января по май 1957 года проходил смотр работы бригад содействия милиции Пермской области. Здесь по улицам городов и рабочих поселков ежедневно патрулировало около двух тысяч юношей и девушек. Помимо членов бригад содействия милиции с нарушителями общественного порядка боролись штабы и отряды «непримиримых». В городе Соликамске имелось 15 таких отрядов. В 1958 году они провели 94 рейда, задержали и доставили в милицию 400 правонарушителей, выпустили 49 номеров сатирической газеты. Сатирические листки комсомольцы вывешивали на домах, где жили пьяницы и хулиганы. «Окна комсомольской сатиры», различные «крокодилы» и другие формы стенной сатирической печати были весьма действенным оружием⁸².

В 1959 году ЦК правящей партии и Совет Министров СССР приняли решение о создании в стране добровольных народных дружин по охране общественного порядка. При их формировании был максимально учтен опыт работы комсомола в этом деле. На Урале и в других регионах страны многие добровольные народные дружины первоначально даже организационно формировались на базе различных комсомольских объединений, выполнявших ранее аналогичные функции. Так было в Оренбурге, Челябинске, Свердловске. В Челябинске первые добровольные народные дружины при домоуправлениях были созданы еще в 1958 году до правительственного постановления об этом. В 1959 году на Урале имелось свыше пяти тысяч добровольных народных дру-

жин, в которых насчитывалось более 300 тысяч человек. В Курганской области насчитывалось свыше 600 добровольных народных дружин, объединявших около 30 тысяч человек. В последующие годы наблюдается рост числа членов этих формирований. В 1961 году в Свердловской области насчитывалось свыше 200 тысяч дружинников, в Челябинской – более 106 тысяч, в Башкирии – 120 тысяч⁸³.

Постоянные дежурства и патрулирование многих тысяч членов добровольных народных дружин по улицам городов и рабочих поселков способствовали тому, что в 1959 году количество преступлений, особенно мелких, значительно снизилось: в Башкирии и Курганской области – на 31, в Челябинской – на 34, в Пермской – на 30, в Свердловской – на 25 процентов⁸⁴.

Однако задержание правонарушителей дружинниками лишь частично смягчало ситуацию в обществе, но они не решали проблему преступности. На пленуме Пермского обкома КПСС (декабрь 1959 г.) подчеркивалось, что добровольные народные дружины – это не только вспомогательная сила милиции, но и общественные воспитательные организации, которые должны проводить работу по предупреждению правонарушений. Пленум ЦК ВЛКСМ (февраль 1960 г.) ориентировал комсомольских работников и активистов на усиление и совершенствование культурно-массовой и физкультурной работы, особенно по месту жительства молодежи, на индивидуальный подход к каждому молодому человеку, попавшему в беду, на пропаганду среди юношей и девушек правовых знаний⁸⁵. Правильность этих установок подтверждается «социальным портретом» молодых преступников из Челябинской области, составленным в 1960 году: 75 процентов из них имели образование ниже шести классов, 80 процентов никогда не занимались спортом, более половины не читали художественную литературу, 90 процентов не понимали, что означает фраза «участие в общественной жизни». Аналогичные «портреты» были во всех регионах страны⁸⁶.

В начале 1960-х годов для привлечения к правоохранительной деятельности широких масс населения не имелось достаточно детально проработанной законодательной основы. В этих условиях милиция, суды и прокуратура оказались в весьма сложном положении и постоянно подвергались критике со стороны партийных руководителей. После кратковременного спада в 1959 году, почти повсеместно преступность вновь стала расти. Один из местных партийных работников так характеризовал положение в правоохранительной деятельности рубежа 1950-1960-х годов: «Наши суды, милиция и прокуратура то завинчивают гайки до предела и за каждые даже малозначительные, случайные преступления чрезмерно строго карают виновных, то, наоборот, так отпускают вожжи, что даже матерым преступникам создают условия для вольготной жизни и безнаказанного совершения преступлений»⁸⁷.

Уже в начале 1960-х годов стало заметно, что борьба с преступностью, правонарушениями и девиантным поведением людей часто проходила фор-

мально, кампанейски и не давала заметных результатов. Так, в городе Свердловске добровольные народные дружины помимо рейдов, дежурств и патрулирования организовывали смотры общежитий, участвовали в проведении массовых молодежных мероприятий, выпускали сатирические газеты. Однако в 1961 году в этом городе было осуждено 992 человека в возрасте до 25 лет. На ряде промышленных предприятий и строек грубо нарушалось законодательство о труде подростков, часть молодежи нарушала трудовую дисциплину, пьянствовала, хулиганила, бесцельно тратила свое свободное время и заработную плату. На массовых молодежных мероприятиях нередко присутствовали одни и те же активисты. Индивидуальная воспитательная работа среди молодых людей, склонных к правонарушениям, почти отсутствовала.

В постановлении ЦК ВЛКСМ о работе Оренбургского обкома комсомола по охране общественного порядка и борьбе с преступностью среди молодежи (1962 год) отмечалось, что в 1961 году в городе Орске увеличилось количество преступлений и правонарушений среди молодежи, особенно случаев хулиганства. Выступления художественной самодеятельности и спортивные соревнования, особенно в рабочих поселках, почти не проводились, зато повсеместно продавались на разлив водка и пиво. Из числившихся девяти тысяч дружинников на дежурства выходило по 50 – 70 человек. Первичные организации комсомола перестали остро реагировать на случаи пьянства и хулиганства среди молодежи. В 1961 году на Южно-Уральский машиностроительный завод из милиции поступило 109 сообщений о недостойном поведении молодых рабочих, но лишь некоторые из них были обсуждены на комсомольских собраниях. Члена ВЛКСМ Шинкарева задержали сотрудники милиции за хулиганство, однако цеховое комсомольское бюро приняло решение: «Считать действия милиции неправильными, так как Шинкарев был пьян». Работники обкома комсомола пробыли в 1961 году в городе Орске в общей сложности 250 дней, но «не заметили» роста там хулиганства ⁸⁸.

Некоторые ученые считают, что при изучении повседневной жизни людей необходимо исключать вопросы политики и производственной сферы. Нам представляется такой подход к истории советского общества неприемлемым. В реальной жизни конкретного советского человека границы политики, макроэкономики и повседневной жизни всегда были взаимно проницаемы. Условия труда, отдыха, зарплата, доступ к общественным фондам потребления, внутренняя и внешняя политика государства – все это очень влияло на быт человека, его достаток, на его настроение, то есть на повседневную жизнь.

В исследуемый период основная масса населения страны трудилась добросовестно и обладала положительными нравственными качествами. Особенно ярко это проявилось среди молодежи, которая осваивала целинные и залежные земли и строила объекты индустрии в восточных и северных регионах СССР. Высокий трудовой энтузиазм молодежи был вызван ее причастностью к великим делам страны.

Освоение новых земель, конечно, не решило зерновую проблему полностью. Но оно обеспечило существенный прирост в сборах зерна, особенно пшеницы твердых и сильных сортов. В 1950-е годы в СССР было освоено примерно 42 млн гектаров целинных и залежных земель. Валовые сборы зерна возросли с 82,5 млн т в 1953 году до 125 млн т в 1956. Доля целинных районов в производстве и снабжении страны хлебом была весьма значительной. Сотни тысяч первоцелинников, значительную часть которых составляла молодежь, проявили подлинный трудовой героизм. Он заключался не только в повседневном напряженном труде, но и в преодолении огромных бытовых трудностей. 1340 тыс. человек были удостоены специально учрежденной правительственной медали «За освоение целинных земель». В уборке целинного урожая 1956 – 1958 годов приняло участие более 3 млн молодых рабочих, служащих и студентов⁸⁹.

О жизни первоцелинников написано много. Ограничимся рассказом о том, как поднимали целину и залежи на Урале. Ведь в 1959 году Урал занимал среди 11 экономических районов РСФСР по производству зерна первое место. Уже в течение 1954 года в Челябинской области планировалось поднять 440 тысяч, в Курганской – 250 тысяч гектаров новых земель. В Оренбургской области планировалось освоить в 1954-1955 гг. 812,5 тыс. гектаров целины и залежей, в Башкирии – 400 тыс. гектаров⁹⁰.

В райкомах, горкомах и на крупных предприятиях создавались комиссии для отбора молодежи на целину. Правительством страны планировалось направить в 1954-1955 годах из Свердловской области в целинные районы около четырех тысяч юношей и девушек. Поступило свыше 18 тысяч заявлений. Уехало на освоение новых земель около пяти тысяч молодых свердловчан. Пермской областной организации ВЛКСМ надо было направить в течение двух лет на целину свыше 3,2 тыс. человек. Поступило более 20 тысяч заявлений. К концу 1955 года целину осваивали свыше трех тысяч посланцев Пермской области. На освоение новых земель Казахстана, Омской, Саратовской, Курганской и других областей выехало около двух тысяч юношей и девушек Удмуртии⁹¹.

В 1954-1955 годах в оренбургские степи прибыло более 16 тысяч первоцелинников, в том числе примерно шесть тысяч из городов и районов Оренбургской области. На целинных землях Курганской области к концу 1954 года трудилось примерно три тысячи местных жителей и более 2,5 тыс. юношей и девушек из Свердловской, Костромской, Брянской областей, Удмуртии. В Башкирии и Челябинской области освоение новых земель осуществлялось в основном силами местной молодежи. В 1954-1955 годах в четыре новых целинных зерновых совхоза и другие хозяйства Башкирии было направлено свыше трех тысяч юношей и девушек. В Челябинской области целину поднимали свыше 8,5 тыс. молодых людей, которые составили костяк 11 новых зерновых совхозов⁹².

Жизнь и труд юношей и девушек на целине во многом зависели не столь-

ко от комсомола, сколько от хозяйственных, государственных, партийных органов и организаций, которые обладали финансовыми, материальными возможностями, властными полномочиями для решения молодежных проблем. И все же роль молодежной общественной организации в жизни первоцелинников была весьма значимой.

Комсомольские комитеты и первичные организации глубоко чувствовали настроения юношества, знали его нужды, остро реагировали на несправедливости, которые нередко исходили от руководящих чиновников и хозяйственников. Комсомол строго следил за выполнением правительственных решений о льготах первоцелинникам, ставил об этом вопросы на самых разных уровнях.

Отъезжающим на целину выдавалось единовременное пособие в размере трехмесячной зарплаты, получаемой по месту их прежней работы, а переезд на целинные земли осуществлялся за счет государства. В целинных совхозах и машинно-тракторных станциях (МТС) была предусмотрена система премиальных доплат к зарплате, велось крупное капитальное жилищное и культурно-бытовое строительство. Все это благоприятно влияло на мотивацию участия людей в освоении новых земель. Улучшить свое материальное благополучие, получить жилье, создать семью – таковы были побудительные мотивы людей знающих, трудолюбивых, серьезно строивших свои планы на будущее. Однако значительную часть добровольцев, особенно самых младших возрастов и людей, не приученных к труду, целина привлекала возможностью «прокатиться» за счет государства в далекие незнакомые края, совершить «романтическое» путешествие. Были такие «первоцелинники» и из нашего села. Примерно через год они возвратились обратно, пьянствовали, хулиганили, рассказывали лишь о необъятных просторах целины и вспоминали о том, как они ездили там за 40 – 50 километров покупать водку.

Большинство молодых первоцелинников стойко, мужественно, а иногда и героически преодолевали трудности, работало добросовестно и добивалось успехов не только в труде, но и в быту, личной жизни. В 1954 году на освоение целинных земель Оренбургской области прибыло свыше 11 тысяч человек. Около семи тысяч из них уже участвовали в весенних полевых работах. Остальные приобретали механизаторские профессии или занимались обустройством бытовой инфраструктуры. Между тракторными бригадами и отрядами развернулось трудовое соревнование. Молодежная женская тракторная бригада Веры Концибер вспахала в 1954 году свыше одной тысячи гектаров целины и залежей, а всего выработала на каждый трактор по 1290 гектаров условной мягкой пахоты, что примерно вдвое превышало норму выработки. Победителем всесоюзного трудового соревнования по итогам 1955 года стала молодежная тракторная бригада из этой же области А. Жирноклева. В 1954 - 1955 годах 11 новых зерновых совхозов Оренбургской области освоили 350 тысяч гектаров новых земель, что составляло около одной четверти всех целинных и залежных земель, введенных в хозяйственный обо-

рот области. «Столицей» целинных районов Оренбуржья называли совхоз «Комсомольский» Адамовского района, где в 1955 – 1956 годах было поднято 42,5 тыс. гектаров новых земель. В Адамовском районе происходили съемки нового художественного кинофильма «Иван Бровкин на целине». Еще в 1952 году Челябинская область завозила хлеб из других регионов, а в 1954 – 1955 годах здесь было заготовлено зерна вдвое больше, чем требовалось для внутреннего потребления. В значительной мере это стало возможным и благодаря освоению здесь 724 тыс. гектаров новых земель⁹³.

Весной 1954 года для подъема целины и залежей в Курганской области было создано 30 тракторных отрядов и бригад. За 1954-1955 годы в области распахали 444 тысячи гектаров целины, в том числе 100 тысяч в Усть-Уйском (ныне – Целинном) районе. За два года в этот район прибыло более 500 добровольцев. О том, как они жили, работали, учились, о чем мечтали, свидетельствуют их письма тех лет и воспоминания. Мы проанализировали несколько таких источников по передовой тогда в области МТС имени Н. Д. Томина. Первоцелинников поселили в основном на частных квартирах местных жителей. Они прошли краткосрочные механизаторские курсы при МТС, были вовлечены в школу сельской молодежи, в кружки художественной самодеятельности. В молодежной тракторной бригаде С. Гомзякова трудилось 24 человека. В 1954 году бригада заняла первое место в областном трудовом соревновании, выработав на каждый трактор по 1212 гектаров условной мягкой пахоты и перевыполнив задание по вспашке целины в два раза. Все члены этой бригады получили грамоты ЦК ВЛКСМ, а бригадир был награжден в 1957 году орденом Ленина⁹⁴.

Однако так работали далеко не все. Бывшие директор и главный бухгалтер этой МТС вспоминали о том, что часть «первоцелинников» работала плохо, пьянствовала, но настойчиво требовала у администрации денег. Некоторые бывшие механизаторы вспоминали о «небезгрешности» самих руководителей МТС⁹⁵. Однако большинство воспоминаний первоцелинников, собранных нами, «окрашены» в светлые тона.

Секретарь Усть-Уйского райкома комсомола Курганской области в 1954 – 1957 годах Н. Беспалов: «Когда мне приходится говорить о целине, то в первую очередь я вспоминаю настроение людей, их энтузиазм. Многому она (целина. – М. Ф.) меня научила. Ведь знаете, не каждому выпадает в жизни такое серьезное и ответственное дело. Оно необычно. Подобного не было раньше, не было готовых рецептов, что и как делать, не было опыта». Бывший бригадир тракторного целинного отряда (Усть-Уйский район Курганской области) П. Кузнецов: «Назначили меня в 1954 году бригадиром целинного отряда, вручив четыре новеньких трактора “ДТ-54”, один колесный да молодежную гвардию к ним: восемь трактористов, восемь прицепщиков, учетчика и повара. Сейчас (1974 г. – М.Ф.) о том времени говорят высокими словами, называют его целинной романтикой. Не знаю, может так оно и есть, только на думу об

этом нам времени не оставалось. Смена 12 часов, земля – твердая. Работали, пока трактор идет, целина ведь, а не простая пашня. За два года подняли около трех тысяч гектаров, в 1956 году собрали урожай в среднем по 16 центнеров, а местами по 25 центнеров. Городские и деревенские парни “кочевали” вокруг деревни среди четырнадцати озер, врезались плугом в землю и не подозревали, что историю делают. Хорошее было время: трудное, но интересное»⁹⁶.

Весьма остро стояла проблема бытового устройства первоцелинников. В течение весны – осени 1954 года значительная часть их проживала в вагончиках и брезентовых палатках. Там, где освоение целины вели уже ранее действовавшие совхозы и МТС, новоселов помещали в общежития или на частные квартиры местных жителей. Строительные организации не справлялись с огромным объемом работ. Около половины всего жилья на целине пришлось строить самим новоселам, нередко после утомительных полевых работ. Новый зерновой совхоз «Тобольский» Адамовского района Оренбургской области начинался с палаточной «деревни», а к началу октября 1954 года здесь имелось 32 четырехквартирных дома, построенных десятью молодежными строительными бригадами. В 1954 году в четырех совхозах Адамовского района новоселы построили 9400 квадратных метров жилья, тогда как в 1956 году специализированный строительный трест сдал в этом районе в эксплуатацию лишь 2000 квадратных метров жилой площади. За полтора года в совхозе «Таналыкский» Новоорского района Оренбургской области было построено 64 одноквартирных дома, четыре общежития, столовая, магазин, пекарня⁹⁷. В 1955 году в новых совхозах Челябинской области построили 29,6 тыс. квадратных метров жилья, много объектов культуры и быта. В первом квартале 1956 года в целинные совхозы области было завезено торговыми организациями сверх выделенных фондов валенок – 1814 пар, сапог – 1400 пар, полушубков – 545, большое количество меховых пальто, плащей, одеял, других предметов первой необходимости⁹⁸.

Однако руководство страны считало, что на Южном Урале не были приняты необходимые меры к своевременному развертыванию торговли и должному бытовому обслуживанию первоцелинников. На пленуме Оренбургского обкома партии (1956 год) отмечалось, что «до сих пор еще многие молодые рабочие в новых совхозах живут в плохо приспособленных помещениях». В общежитии совхоза «Андреевский» часто отсутствовала вода, не хватало ступеней, не имелось радио, газет и журналов. С наступлением холодов почти во всех целинных совхозах прекращали работу клубы. В совхозах Брединского района ущемлялись права молодых рабочих. Им не выплачивали деньги за время учебы на курсах механизаторов, задерживали выплату зарплаты. Имели место незаконные увольнения с работы.

Многие молодые люди не выдерживали аскетических условий жизни на целине и возвращались в более обжитые районы страны. Недостаточно тщательный отбор первоцелинников, плохая организация их труда и быта, отсут-

ствие индивидуального подхода к людям нередко приводили к тому, что значительная часть молодежи нарушала трудовую дисциплину, пьянствовала, хулиганила, совершала преступления. Многие молодые люди поддавались воспитательным воздействиям со стороны руководителей трудовых коллективов и общественности, становились неплохими работниками, но имелись и такие, которые вообще не были настроены на добросовестный труд. Например, приехав в совхоз «Тобольский» Адамовского района Оренбургской области, Никитенко не выходил на работу, пьянствовал, разлагающе действовал на молодежь, на меры общественного воздействия и административные взыскания не реагировал. Подобных людей приходилось увольнять, но чаще всего они увольнялись сами или бросали работу в совхозах и МТС самовольно. Некоторые из них затем совершали преступления. В 1955 году группа юношей, прибывших на освоение целинных земель из города Кургана и Варгашинского района Курганской области, совершила шесть краж в магазинах Шумихинского района той же области. Подобные факты не были тогда единичным явлением⁹⁹.

В мае 1956 года руководство страны объявило общественный призыв молодежи на строительство промышленных предприятий и железных дорог в Донбассе, восточных и северных регионах СССР. Более 200 тысяч юношей и девушек выехали в том году на новостройки. Каждый пятый молодой строитель прибыл на Урал. Примерно одна треть из них работала на сооружении и электрификации железных дорог, остальные – на строительстве машиностроительных, металлургических, нефтеперерабатывающих и других заводов¹⁰⁰. Так, на строительство объектов Орско – Халиловского металлургического комбината прибыло более 800 юношей и девушек из Краснодарского края. Кроме того, 900 путевок на новостройки выдал Оренбургский обком ВЛКСМ. Новые цеха этого комбината возводились в городе Новотроицке, 70 процентов жителей которого составляла молодежь. На стройки Челябинской области в 1956 году прибыло из других регионов страны около шести тысяч человек, а также 1,4 тыс. человек местной молодежи¹⁰¹.

Руководство страны приняло решение о строительстве в 1958 году семи доменных печей, в том числе двух на Урале (Челябинский металлургический завод и Орско – Халиловский металлургический комбинат). На сооружении самой крупной в Европе пятой домны Челябинского металлургического завода трудилось около двух тысяч юношей и девушек. Стройка была объявлена «ударной комсомольской». Этот объект соорудили за 300 дней, на 75 дней раньше срока. Таких темпов работы тогда не знала мировая практика домностроения. Пять тысяч молодых строителей второй домны Орско – Халиловского металлургического комбината сдали объект в эксплуатацию на 35 дней раньше установленного срока. Всего лишь 13 месяцев сооружали около пяти тысяч юношей и девушек прокатный стан «650» Нижнетагильского металлургического комбината. Обычно подобные объекты сооружались в три раза дольше. Трудовой подвиг совершили строители Качканарского горно-обогатительного

комбината (Свердловская область). За короткое время был построен не только комбинат, но и новый город, в котором в 1961 году проживало свыше 26 тысяч жителей. В связи с промышленным развитием Оренбургской области на ее карте в исследуемый период появились новые молодежные города – Гай, Светлый, Ясный¹⁰².

Проблема бытового устройства молодежи, прибывшей на новостройки страны по общественному призыву, стояла очень остро. На обустройство новоселов выделялись крупные финансовые и материальные ресурсы, однако их имелось недостаточно, да и расходовались эти ресурсы не всегда эффективно. Между тем требования энтузиастов-добровольцев к условиям труда и быта были намного выше, чем, например, у «спецпоселенческой» молодежи 1940-х годов.

На отдельных стройках проявлялась забота об организации труда и быта юношей и девушек. В 1956 году в тресте «Губахатяжстрой» Пермской области трудилось свыше двух тысяч молодых рабочих, почти каждый из них выполнял нормы выработки. Среднемесячная зарплата молодых строителей составляла 600 – 840 рублей (в деньгах выпуска 1947 г.). Она примерно соответствовала тогда среднемесячной зарплате рабочих и служащих страны. Здесь и в отдельных управлениях треста «Севуралтяжстрой» хорошо была поставлена производственная учеба, что позволяло юношам и девушкам быстро адаптироваться на рабочем месте, иметь нормальные заработки, неплохо питаться и одеваться.

Однако подобное благополучие наблюдалось далеко не везде. На многих стройках молодые люди плохо зарабатывали, их обсчитывали мастера, прорабы, бухгалтера, частыми были простои из-за отсутствия строительных материалов и других организационных неполадок. Так, в Соликамском строительном управлении треста «Севуралтяжстрой» из 254 человек, прибывших в 1956 году по комсомольским путевкам, вскоре 70 перешли на другие участки, а около 50 со стройки сбежали. Основными причинами были плохая организация труда, часто ведущая к простоям, бездушное отношение прорабов и мастеров к молодым людям, ущемление их прав в вопросах зарплаты, технической учебы. В 1956 году на строительство крупнейшего в стране цементного завода в городе Новая Пашья Пермской области прибыло около 200 юношей и девушек. Условия их труда и быта являлись крайне неудовлетворительными. Свыше 50 процентов новоселов зарабатывали так мало, что были не в состоянии даже прокормить себя, отработать полученный денежный аванс и ходили в долги к работодателю – строительного треста¹⁰³.

Продолжительное время не улучшались условия труда и быта молодежи в управлении «Пермстрой». Общежитие четвертого участка этого управления было расположено за шесть километров от стройки, куда строители ежедневно добирались пешком. Прораб длительное время не допускал новичков к самостоятельной работе, а лишь заставлял исправлять брак других строителей. Вместо нормального заработка юношам и девушкам выплачивали незна-

чительные подачки в виде авансов. Простои по вине администрации, низкие заработки, грубость хозяйственных руководителей, почти полное отсутствие механизации, систематические обсчеты в зарплате – эти явления были здесь постоянными. Комсомолка Л. Шадрина написала в редакцию многотиражной газеты письмо о систематическом пьянстве на рабочем месте двух руководителей подсобного предприятия управления «Пермстрой». Однако его директор уволил с работы не пьяниц, а автора письма. В поселке, где проживало 25 тысяч молодых строителей, не имелось магазина, столовой, бани, а питьевую воду подвозили с перебойми. Часто обед строители варили на талой воде, растопив снег. В общежитиях строительно-монтажного поезда № 287 (Курганская область), в которых проживало около 300 человек, не работали кухонные плиты, отсутствовали шкафы для посуды, чайники и графины, недоставало платяных шкафов, были перебои с водой¹⁰⁴.

Серьезные недостатки в организации труда и быта молодежи имели место в Оренбургской области, особенно в тресте «Орскметаллургстрой», управлении «Бугурусланнефть», на строительстве железнодорожных путей. За три месяца 1956 года новостройки этой области покинули сотни молодых рабочих. Плохие заработки, использование юношей и девушек на тяжелых, грязных и низкооплачиваемых работах, холод и неуют в общежитиях были основными причинами текучести кадров. Зачастую руководители разных рангов лишь фиксировали недостатки, но мало что делали по их устранению. На пленуме Оренбургского обкома партии (1956 год) произносились правильные слова о том, что «решающую роль в борьбе за высокую дисциплину труда должны сыграть экономические стимулы, создание хороших производственных и культурно-бытовых условий». Однако на практике эти принципы трудовой организации часто не соблюдались. В результате в 1957 году на стройки Оренбургской области пришло 12 тысяч человек, а уволилось с работы девять тысяч¹⁰⁵.

В ноябре 1956 года в Новосибирске состоялось совещание комсомольских работников восточных новостроек страны. Особую тревогу у собравшихся вызывал быт новоселов. Была высказана озабоченность тем, что во многих местах вместо типовых благоустроенных общежитий закладывались каркасно-насыпные бараки, в которых молодежь страдала от холода и сырости. Нередко подобные «временные» жилища использовались в течение 20 – 30 лет. Не всегда продуманно проектировались в крупных городах так называемые «молодежные городки». В одном из кварталов Магнитогорска были размещены все общежития треста «Магнитострой», часть общежитий металлургического комбината, три строительные школы, техникум и ремесленное училище. В этом «молодежном городке» не было столовых, клубов, спортивных площадок. Секретарь Челябинского обкома комсомола П. Зубов предлагал сократить строительство общежитий и расширить строительство для молодежи отдельных квартир. Он признавал, что «мы не справляемся с воспитанием молодежи в общежитиях», и считал, что молодежь должна жить в квартирах, в семьях.

Совещание обратило внимание на то, что тысячи юношей и девушек, работавших в строительно–монтажных поездах, проживали в холодных, плохо приспособленных под жилье вагонах. На серьезные недостатки в работе с молодежью, прибывавшей на новостройки по общественному призыву, указал Пленум ЦК ВЛКСМ (декабрь 1956 года)¹⁰⁶. Бывший секретарь ЦК ВЛКСМ В. Семичастный вспоминал: «Мы не боялись ссориться с министрами. Вы полистайте “Комсомолку” тех лет (конец 1950-х годов. – М. Ф.). “Вопросы к министру” (так называли рубрику) занимали в газете целые полосы. Почему не хватает общежитий на стройках, куда мы послали молодежь, почему квалификацию, разрядность не повышают вовремя, почему заработки низкие – целые серии “почему?”. И министры обязаны были отвечать. Возьмите стенограммы и съездов партии, и съездов комсомола. Не было такого, чтобы, выступая, секретари ЦК комсомола (как в центре, так и на местах) не отстаивали интересы молодежи!»¹⁰⁷. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов в стране было построено много благоустроенных общежитий для молодежи, где имелись все необходимые условия для нормальной жизни, отдыха после работы, учебы без отрыва от производства. В таких общежитиях, как правило, проживало по два – три человека в одной большой комнате, имелись душ, «красный уголок» с телевизором, кухня и прачечная комната с необходимым оборудованием, учебная комната для студентов-заочников. Такие общежития обычно строили крупные промышленные предприятия.

Молодежь активно участвовала в реализации «сверхпрограмм» развития сельского хозяйства «Кукуруза» и «Животноводство». В январе 1955 года Пленум ЦК КПСС, отметив серьезное отставание животноводства, поставил задачу: в ближайшие пять – шесть лет производство основных продуктов этой отрасли сельского хозяйства «увеличить в два – два с лишним раза». Повсеместно создавались молодежные кукурузоводческие звенья, в масштабах страны было развернуто соревнование районных организаций комсомола по заготовке кормов. На Урале посевы кукурузы увеличились с 3,1 тыс. га в 1953 году до 1877 тыс. га в 1961 (более чем в 605 раз). Это позволило увеличить поголовье крупного рогатого скота в регионе в 1954-1958 годах более чем в 1,3 раза, почти удвоить во второй половине 1950-х годов удои молока на одну корову. В связи с существенным увеличением в животноводстве оплаты труда на фермы пришло много молодежи. В 1953 году на животноводческих фермах Оренбургской области трудилось 3,3 тыс. юношей и девушек, а в 1961 – свыше 24 тыс. В семь раз увеличился этот показатель в Башкирии, вдвое вырос в Челябинской области¹⁰⁸.

Однако вокруг молодежного шефства над животноводством было много бумаготворчества, парадности и шумихи, а иногда и примитивного очковтирательства. Фальшивая процентомания настолько глубоко и повсеместно проникла в этом вопросе в деятельности комсомола, что ЦК ВЛКСМ вынужден был принимать по этому поводу специальное постановление, а Управле-

ние сельскохозяйственной статистики Центрального статистического управления СССР выступать с разъяснениями в печати. Работники ЦСУ СССР прямо говорили о том, что вычислять так называемый «комсомольский» процент из общих производственных данных бессмысленно, а полученные цифры не могут быть достоверными. Работу молодежи можно было оценивать лишь по общебригадным, общеколхозным показателям, по результатам производственной деятельности отдельных юношей и девушек¹⁰⁹.

О повседневной работе молодого сельского механизатора в начале 1960-х годов хочется поведать, основываясь на личных впечатлениях. После окончания средней школы и краткосрочных курсов в ремесленном училище механизации сельского хозяйства я стал работать трактористом в колхозе. Было мне тогда 17 лет. В период полевых работ смена начиналась в шесть часов утра и продолжалась ровно сутки. Затем всего лишь одни сутки отводились для отдыха. Такой режим труда был тогда только в колхозах. В других сферах производства за одни сутки работы давалось трое суток отдыха. В зимнее время смена продолжалась световой день. На тракторе «Владимирец» (Т – 28) приходилось выполнять самые разнообразные работы – пахать, сеять, бороновать, косить, возить силос, кукурузные початки, вывозить зимой на поля удобрения, подвозить на фермы корма, воду и многое другое. Оплата тогда исчислялась еще в трудоднях. Денег на эти трудодни почти не получали. Трудодни оплачивались в конце года пшеницей и кукурузой. Кукуруза шла на корм домашнему скоту и птице. Свободное от работы время занимал труд в домашнем хозяйстве – заготовка топлива, сена, уход за скотом, работа на приусадебном участке. В зимние вечера сельская молодежь посещала клуб, где в основном организовывались танцы или демонстрировались кинофильмы. Вечерок в нашем селе тогда уже не было. Много свободного времени проводил за чтением художественной литературы, в том числе толстых журналов «Новый мир», «Юность» и других. Наша семья получала много газет и журналов. Немногие часы, а точнее, минуты в жаркие летние дни и вечера проводил на речке. Мечтал учиться дальше, готовился к поступлению в вуз. Незадолго до призыва в армию районный военкомат направил меня на краткосрочные курсы шоферов. Учился в районном центре, жил на частной квартире. Хозяйка дома работала контролером в кинотеатре, а я ей вечерами помогал. В результате не пропускал ни одного киносеанса. Особенно запомнился кинофильм «Тишина», в котором была показана жизнь коллектива одного из вузов в условиях послевоенного апогея сталинизма. Очень любил учебные поездки с инструктором по району на автомобиле ГАЗ – 51. Иногда на этой автомашине мы подвозили частным лицам дрова, мебель, пчелиные ульи.

Гражданская жизнь закончилась для меня в сентябре 1964 года. Меня призвали в армию, а в октябре от власти отстранили Н. С. Хрущева. Лично я отнесся к этому важному в жизни страны политическому событию безразлично. Предстояла трехлетняя армейская служба, я не думал, что смена руковод-

ства страны что-то изменит в моей солдатской жизни. Предстоящие три года тогда казались мне вечностью. Политработники критиковали в своих выступлениях Н. С. Хрущева, но до нас по молодости лет их слова как-то не очень доходили. У солдата были свои проблемы – армейские будни, переписка с девушками, мечта о «краткосрочном отпуске “на родину” на десять дней, не считая времени на дорогу».

Как относилось население к снятию Хрущева? По-разному. В 1990-е годы было опрошено полторы тысячи человек, которые помнили это событие. Конечно, на их воспоминания уже в значительной мере повлияли период горбачевской перестройки и распад СССР.

В 1996 – 1999 годах говорили о том, что одобрительно отнеслись к отставке Н. С. Хрущева от 31 до 42 процентов респондентов. Им не нравилось, что в 1963 – 1964 годах в стране была нехватка хлеба, что в 1962 году повысили розничные цены на животноводческую продукцию, что в начале 1960-х Хрущев пытался ограничить личные подсобные хозяйства. Многим не нравилась непредсказуемость действий лидера партии и государства. С сожалением восприняли снятие Н. С. Хрущева от 10 до 26 процентов участников опроса. Им нравилась в Хрущеве простота, «русская душа». Эта группа респондентов считала, что Никита Сергеевич больше сделал для страны хорошего, чем плохого. Особенно люди запомнили огромное жилищное строительство в стране, переселение миллионов соотечественников в отдельные благоустроенные квартиры. Положительно оценивали многие респонденты либерализацию общества. Двойственно отнеслись к перемене власти в Кремле от 6 до 16,5 процента участников опроса. Безразлично, нейтрально к этому событию отнеслись от 18 до 27,5 процента. К этой группе людей относился и я и, очевидно, вся молодежь младших возрастов. Затруднились с ответом менее семи процентов, не ответили или не ответили четко на вопрос в 1990-е годы от двух до 16 процентов участников опроса ¹¹⁰.

Действительно, период правления Н. С. Хрущева нельзя оценивать однозначно. Со смертью Сталина пала одна из крайних форм глобального тоталитаризма, начался процесс частичной либерализации общества, произошло массовое освобождение политических узников ГУЛАГа, велась борьба охранительных и обновительных тенденций в духовной сфере. Эффективное воздействие на массовое общественное сознание имел доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. Система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала несколько «цивилизованней» и более гуманной. Это оказало благоприятное влияние на настроение людей, вызвало мощную волну трудового энтузиазма. Медленное, но постоянное улучшение материально-бытовых условий жизни широких масс населения также вселяло оптимизм. Особенно заметными были успехи в жилищном строительстве. В результате подавляющее большинство граждан СССР с уверенностью смотрели в будущее, обладали высоким нравственным потенциалом.

Однако процессы десталинизации проходили непоследовательно, либерализация общества осуществлялась лишь частично, в строго очерченных новым высшим руководством рамках. Теоретические доктрины, политическая система, способ мышления коренных изменений не претерпели. Значительная часть населения еще испытывала нужду в полноценном питании, хорошей одежде и обуви, нормальных жилищных условиях. В начале 1960-х годов руководство страны не нашло путей развития, адекватных внутреннему состоянию общества. В результате, по словам историка Н. Барсукова, «достигнув своего пика к концу 50-х – началу 60-х годов, советское общество исчерпало себя в сложившемся облике»¹¹¹.

Многие импровизационные действия, которые проводило правительство Н.С. Хрущева и которые затрагивали интересы простого человека, не были поддержаны в обществе. Попытка свертывания в начале 1960-х годов индивидуальных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих не способствовала улучшению питания населения страны. Повышение в 1962 году цен на животноводческую продукцию без всякой денежной компенсации потребителям вызвало недовольство рабочих, которое проявилось в ряде мест в весьма острых формах.

Нам представляется, что вина за многие промахи в руководстве страной лежит не только на Н.С. Хрущеве, но и на ближайшем окружении, которое устранило его от власти в октябре 1964 года. В сборнике «Свет и тени “великого десятилетия”: Н.С. Хрущев и его время» доктор экономических наук, профессор И. Г. Шилин писал: «Я убежден, что экономическая политика Хрущева искажалась и дискредитировалась вполне сознательно, целенаправленно. Упор делался на искажение разумных идей при их реализации, разжигание в народе недовольства реформами. Хрущеву сумели навязать этот абсолютно несбалансированный семилетний план. И повышение цен на продукты в 1962 году – плата за принятие этого плана. Хотя само упорядочение цен было объективно необходимо. Но в условиях резкой несбалансированности экономики в целом и цен в частности эти меры ничего хорошего дать не могли.

Версию о том, что противникам Хрущева удалось сознательно скомпрометировать его в глазах общественного мнения, подготовить отставку, торпедируя исподволь важнейшие идеи лидера, умело используя его же приемы и противоречия, доказать документально непросто. Больше всего оснований бороться с Хрущевым было у сторонников и лидеров административно-бюрократической системы. Именно в ее кровных интересах надо было так энергично сопротивляться реформам, добиваться всеми способами дестабилизации экономической и политической, провоцировать кризисы. Эти цели и интересы были противоположны не только хрущевским, но и интересам тех же рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода. Трагический парадокс. Объективно и Хрущеву, и НЭВЗовцам в том конфликте противостоял общий противник. Но вышли рабочие на улицу с антихрущевскими лозунгами.

И на руку эти события оказались как раз тем, кто всеми средствами стремился приблизить отставку лидера, подорвать его авторитет»¹¹².

Примечания

1. Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 173, 174, 181.
2. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. – М.: Политиздат. – С. 27, 28.
3. Суслев И. Ф. Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. – М.: Мысль, 1973. – С. 168; История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 182.
4. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 248.
5. Мамяченков В. Н. Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946 – 1960). – Екатеринбург: Изд. – во Уральского гос. ун – та, 2002. – С. 155 – 156.
6. Там же. С. 165.
7. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 329 – 330; Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 53.
8. Лейбович О. Реформы и модернизация в 1953 – 1964 гг. – Пермь, 1993. – С. 155.
9. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 6. – С. 148 – 150.
10. Мамяченков В. Н. Указ. соч. С. 155 – 156.
11. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 238, 245.
12. Социальное развитие рабочего класса СССР. Историко – социологические очерки. – М.: Наука, 1977. – С. 145 – 150.
13. Мамяченков В. Н. Указ. соч. С. 186.
14. Игнатов И. Д. Развитие торговли в СССР после окончания Великой Отечественной войны. – М., 1961. – С. 18; История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 253; История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 334; Мамяченков В. Н. Указ. соч. С. 185 – 186.
15. Мамяченков В. Н. Указ. соч. С. 308.
16. Там же. С. 296.
17. Там же. С. 184.
18. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 253.
19. Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 348.
20. Там же.
21. Васин С. А., Лиходей В. Г. Мера всех вещей. Размышления политэкономов. – Киев: Политиздат Украины, 1990. – С. 155 – 156.
22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 9. 1956 – 1960. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – С. 190 – 208.
23. СССР в цифрах в 1972 г. – М.: Статистика, 1973. – С. 175 – 176; Матюха И. Я. Статистика жизненного уровня населения. – М.: Статистика, 1973. – С. 104.
24. Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 130.
25. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 258.
26. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 226. Д. 3. Л. 37; Оп. 251. Д. 4. Л. 41; ГАШ. Ф. 472. Оп. 10. Д. 30м. Л. 81.
27. Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 130.
28. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 259.
29. Население СССР. Справочник. – М.: Политиздат, 1983. – С. 25; История советского

- рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 259; Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 173.
30. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 334 – 335; История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4... С. 253.
31. Правда. 1956. 15 июля; Население СССР. Справочник... С. 8, 160; Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 158 – 161.
32. Суслов И. Ф. Указ. соч. С. 86 – 87, 232; Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 129.
33. История СССР с древнейших времен... С. 526, 527.
34. Там же. С. 528.
35. Там же. С. 531.
36. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 12. Д. 2. Л. 15; Оп. 13. Д. 4. Л. 34; Оп. 226. Д. 3. Л. 38; Д. 47. Л. 10, 133, 137; Красный Курган. - 1956. - 15 августа.
37. История культуры Южного Зауралья. Т. 2 (советский период). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. - С. 273 – 274.
38. История Урала: XX век. – Екатеринбург: Изд – во «СВ», 1996. - С. 187 – 188.
39. История Урала с древнейших времен до наших дней. – Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2004. - С. 404 – 405.
40. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 19. Д. 89. Л. 1, 2.
41. Население СССР: Справочник. – М.: Политиздат, 1983. - С. 105, 115; Рабочий класс СССР. 1951 – 1965 гг. – М.: Наука, 1969. - С. 163.
42. Рабочий класс СССР. 1951 – 1965 гг... С. 170.
43. История крестьянства СССР: В 5 т. Т. 4... С. 342.
44. Культурное строительство РСФСР: Стат. сб. – М.: Госстатиздат, 1958. - С. 72 – 73; История СССР с древнейших времен... С. 555.
45. История культуры Южного Зауралья. Т. 2... С. 222.
46. Там же.
47. Там же. С. 200 – 201, 224 – 225.
48. Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 330 – 339.
49. Комсомольская правда. - 1961. - 6 января, 16 марта, 21 июля.
50. Свободная мысль. - 1994. - № 6. - С. 106; 1995. - № 6. - С. 106 – 108.
51. Комсомольская правда. - 1961. - 6 января, 16 марта, 21 июля.
52. Комсомольская правда. - 1962. - 14 сентября; История СССР. - 1962. - № 5. - С. 18 – 19.
53. Там же.
54. Комсомольская правда. - 1962. - 14 сентября; История СССР. - 1962. - № 5. - С. 27 – 32.
55. ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 114. Л. 7 – 8.
56. История СССР с древнейших времен... С. 498; Народное хозяйство СССР в 1958 году: Статистический ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1959. - С. 123 – 124.
57. Суслов И. Ф. Указ. соч. С. 176.
58. Комсомольская правда. - 1960. - 9 июня.
59. Там же.
60. Комсомольская правда. - 1957. - 23 марта, 19 октября; 1958. - 18 марта.
61. Родина. - 1992. - № 11 – 12. - С. 62 – 64; Комсомолец (Челябинск). - 1957. - 18, 25 августа, 13 октября; 1958. - 24 апреля; На смену! (Свердловск). - 1959. - 19 августа.
62. Кара-Мурза С. Г. Указ соч. С. 40 – 42.
63. Там же.

64. Комсомольская правда. - 1958. - 5 октября.
65. ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 294. Л. 21.
66. Комсомольская правда. - 1958. - 13 июня; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 114. Л. 7 – 8.
67. На смену! (Свердловск). - 1961. - 15 февраля.
68. ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 16. Д. 19. Л. 40, 194.
69. Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. – М.: Соцэкгиз, 1961. - С. 386.
70. Комсомольская правда. - 1956. - 27 ноября; 1957. - 31 августа; 1958. - 28 декабря; 1961. - 25 марта; 1962. - 15 февраля; Шелепин А. Отчетный доклад XIII съезду комсомола. – М.: Молодая гвардия, 1958. - С. 42 – 43.
71. Рабинович Ю. Кино, литература и вся моя жизнь. – Курган: Периодика, 1991. - С. 31 – 32.
72. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 226. Д. 177. Л. 37; Оп. 251. Д. 19. Л. 56; Ф. 1200. Оп. 16. Д. 6. Л. 67, 68.
73. Комсомольская правда. - 1957. - 3 февраля, 23 марта, 31 мая; 1959. - 16 мая; 1962. - 17 мая.
74. Рабинович Ф. Ю. Шестидесятые // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган: Изд – во Курганского гос. ун – та, 2006. - С. 13 – 17.
75. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 3. Д. 21. Л. 157; Оп. 10. Д. 447. Л. 28 – 30; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 723. Л. 36.
76. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. – М., 1997. - С. 350 – 396.
77. Федченко М. Н. Русская православная церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.). - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. - С. 3, 29 – 32, 78 – 79, 121.
78. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 296. Д. 221. Л. 80.
79. Там же. Ф. 6561. Оп. 7. Д. 21. Л. 22.
80. Там же. Л. 28 – 29.
81. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 59. Д. 13. Л. 1; Ф. 61. Оп. 14. Д. 98. Л. 66, 107; Д. 197. Л. 53, 54; Д. 386. Л. 233.
82. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 1059. Л. 27; Д. 1421. Л. 2, 5, 6; Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 341. Оп. 21. Д. 427. Л. 36; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 292. Л. 169 – 170; Д. 310. Л. 621; Д. 328. Л. 229 – 230; Звезда (Пермь). - 1957. - 7 декабря.
83. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 251. Д. 19. Л. 8; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 10. Д. 477. Л. 118; ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 984. Л. 6; Ф. 1458. Оп. 2. Д. 338. Л. 111; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 59. Д. 45. Л. 33; Оп. 65. Д. 2. Л. 39; Ф. 61. Оп. 16. Д. 109. Л. 88; Д. 113. Л. 115; ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 143. Д. 55. Л. 4; ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 25. Д. 136. Л. 116; Д. 138. Л. 78; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 41. Д. 3. Л. 37; Комсомольская правда. - 1959. - 10, 11, 12 марта; 1960. - 3 февраля; Комсомолец (Челябинск). - 1959. - 18 марта; Южный Урал (Оренбург). - 1959. - 21 июня; Звезда (Пермь). - 1959. - 17 декабря; Челябинский рабочий. - 1962. - 13 июня; Советская Башкирия. - 1959. - 16 декабря; Удмуртская правда. - 1959. - 19 декабря.
84. ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 25. Д. 136. Л. 115, 116; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 251. Д. 19. Л. 6; ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 384. Л. 4; Ф. 1458. Оп. 2. Д. 338. Л. 110, 112; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 109. Л. 256; ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 143. Д. 55. Л. 4.

85. Комсомольская правда. - 1960. - 3 февраля; Звезда (Пермь). - 1959. - 17 декабря.
86. Комсомольская правда. - 1960. - 4 августа; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 3171. Л. 82; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 378. Л. 55.
87. Звезда (Пермь). - 1960. - 4 октября; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 266. Д. 77. Л. 60.
88. Комсомольская правда. - 1962. - 29 июля; Челябинский рабочий. - 1962. - 13 июня; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 360. Л. 29 – 31; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 176. Л. 21, 24 – 26.
89. История СССР с древнейших времен... С. 486 – 493.
90. Советская Башкирия. - 1954. - 2 апреля; Челябинский рабочий. - 1954. - 12 февраля; Чкаловская коммуна (Оренбург). - 1954. - 13 февраля, 11 декабря; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 12. Д. 13. Л. 65.
91. ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 14. Д. 197. Л. 25; Д. 202. Л. 12; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 9. Д. 11. Л. 19; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 228. Л. 11; Д. 238. Л. 65; Д. 243. Л. 8; Д. 246. Л. 27; ЦДНИУР. Ф. 92. Оп. 7. Д. 44. Л. 8; Так нам сердце велело. Очерки истории комсомольской организации Свердловской области. – Свердловск: Средне – Уральское кн. изд-во, 1968. - С. 260.
92. ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 1059. Л. 14; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 9. Д. 5. Л. 15; Д. 20. Л. 24; ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 21. Д. 424. Л. 23; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2878. Л. 2; Челябинский рабочий. - 1956. - 1 февраля.
93. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. – Свердловск: Средне – Уральское книжное изд – во, 1974. - С. 310 – 311; Все тебе, Родина! Очерки истории Оренбургской областной организации ВЛКСМ. 1917 – 1977. – Челябинск: Южно – Уральское кн. изд – во, 1977. - С. 154 – 155; РСФСР за 40 лет: Стат. сб. – М.: Госстатиздат, 1958. - С. 59; Чкаловская коммуна (Оренбург). - 1954. - 21 марта, 11 декабря; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 746. Л. 11 – 12; Д. 754. Л. 7; Д. 1059. Л. 14 – 15; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2246. Л. 121 – 122; Д. 2861. Л. 67.
94. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 12. Д. 13. Л. 65 – 66; Ф. 1200. Оп. 9. Д. 18. Л. 62 – 63; Красный Курган. - 1954. - 8 сентября; 1955. - 22 января, 11 февраля; 1957. - 18 января; Советское Зауралье. - 1979. - 30 марта.
95. Письма и материалы воспоминаний хранятся в личном архиве автора.
96. Молодой ленинец (Курган). - 1974. - 28 марта; 1979. - 29 марта.
97. Комсомольская правда. - 1956. - 28 декабря; Чкаловская коммуна (Оренбург). - 1954. - 2 октября; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 1072. Л. 7.
98. Комсомольская правда. - 1956. - 10 января; Челябинский рабочий. - 1956. - 1 февраля; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2246. Л. 147 – 148; Д. 2878. Л. 3 – 4.
99. КПСС в резолюциях... Т. 8. - С. 395 – 396; Комсомольская правда. - 1956. - 10 января, 28 декабря; Чкаловская коммуна (Оренбург). - 1954. - 16 июля, 2 октября; Челябинский рабочий. - 1956. - 1 февраля; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2246. Л. 147 – 148; Д. 2878. Л. 3 – 4; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 11. Д. 19. Л. 69 – 70; Ф. 1200. Оп. 19. Д. 20. Л. 194 – 196.
100. Комсомольская правда. - 1956. - 19 мая; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 13. Д. 13. Л. 79, 82, 97, 98.
101. Комсомольская правда. - 1956. - 29 ноября; Все тебе, Родина!... С. 157; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2878. Л. 12, 14; Д. 2966. Л. 1, 19, 22, 27.
102. Комсомольская правда. - 1958. - 4, 15 января, 19 апреля, 22 мая, 28 августа, 16 октября; 1960. - 14 января, 12, 18 февраля, 12 марта, 30 августа; 1961. - 11 марта, 21 июня; 1962. - 15 февраля; Челябинский рабочий. - 1958. - 16 октября; 1960. - 23

- ноября, 1 декабря; 1961. - 25 июля; 1962. - 6 февраля; Южный Урал (Оренбург). - 1958. - 9 февраля, 12, 26 марта; 1959. - 8 июня; 1960. - 6 октября; Комсомольское племя (Оренбург). - 1960. - 6 марта; Все тебе, Родина!... С. 175, 176; Так нам сердце велело... С. 324 – 334; На смену! (Свердловск). - 1959. - 27 января, 30 декабря; ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 140. Д. 61. Л. 10, 11; Оп. 157. Д. 1. Л. 16, 17, 19; Ф. 485. Оп. 1. Д. 2260. Л. 152, 158; Д. 3085. Л. 41, 42; Д. 3171. Л. 68 – 69; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 35. Л. 53, 103, 105, 106; Д. 54. Л. 7; Д. 115. Л. 123 – 127, 134, 142, 214; Д. 129. Л. 26; Д. 176. Л. 80 – 81; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 1753. Л. 5, 36; Д. 1757а. Л. 1, 2; Д. 1760. Л. 1, 3, 10; Д. 1765. Л. 2, 3, 20, 22; Д. 1785а. Л. 1, 3, 18, 56; Оп. 10. Д. 2. Л. 12; Д. 7. Л. 4; Д. 18. Л. 2, 18 – 23.
103. Звезда (Пермь). - 1955. - 17 февраля, 10 августа; 1956. - 17 января, 18 сентября; Молодая гвардия (Пермь). - 1957. - 9 января; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 243. Л. 8; Д. 289. Л. 110, 112, 120, 124.
104. Комсомольская правда. - 1956. - 6 марта; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 237. Д. 76. Л. 29, 124.
105. Чкаловская коммуна (Оренбург). - 1956. - 21 апреля, 27 ноября, 1, 2, декабря; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 1578. Л. 165.
106. Комсомольская правда. - 1956. - 29 ноября, 28 декабря.
107. Комсомольская жизнь. - 1988. - № 7. - С. 4.
108. КПСС в резолюциях... Т. 8. - С. 457 – 458, 463; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Стат. ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1959. - С. 260 – 261; Народное хозяйство РСФСР в 1961 году: Стат. ежегодник. – М.: Госстатиздат, 1962. - С. 263 – 264; Чкаловская коммуна (Оренбург). - 1953. - 3 ноября; Звезда (Пермь). - 1958. - 4 апреля; Удмуртская правда. - 1958. - 17 января; ЦГАООРБ. Ф. 341. Оп. 21. Д. 120. Л. 7; Д. 424. Л. 21; Д. 776. Л. 23; Д. 784. Л. 13; Оп. 25. Д. 136. Л. 24; Д. 194. Л. 7 – 8; ГАОПДКО. Ф. 1200. Оп. 9. Д. 7. Л. 4; Оп. 13. Д. 2. Л. 1; Оп. 16. Д. 7. Л. 15; Оп. 21. Д. 2. Л. 18, 215; Д. 7. Л. 6; Оп. 26. Д. 157. Л. 65; ЦДНИОО. Ф. 1697. Оп. 9. Д. 751. Л. 3; Д. 1061. Л. 15; Оп. 10. Д. 363. Л. 32; Д. 447. Л. 171; ГАНИОПДПО. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 301. Л. 8; Д. 308. Л. 1, 2; Д. 325. Л. 17; Д. 338. Л. 83; Д. 382. Л. 53; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 14. Д. 99. Л. 18; Д. 385. Л. 24; Оп. 16. Д. 27. Л. 26; Д. 126. Л. 33; ЦДНИУР. Ф. 92. Оп. 7. Д. 71. Л. 9; Д. 44. Л. 16; Д. 218. Л. 2; Д. 446. Л. 9; Д. 533. Л. 151; Оп. 8. Д. 45. Л. 3; ЦДНИЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2712. Л. 8; Д. 3174. Л. 105.
109. Комсомольская правда. - 1962. - 8, 12 сентября.
110. Аксютин Ю. В. Указ. соч. - С. 466 – 474.
111. Свободная мысль. - 1994. - № 6. - С. 106.
112. Свет и тени «великого десятилетия»: Н. С. Хрущев и его время. – Л.: Лениздат, 1989. - С. 335 – 336.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЫТ И НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА (1965 – 1985 гг.)

Не ищите в современных словарях правильного ответа на вопрос о том, что такое «реальный социализм». Этот термин сейчас трактуется по-разному в зависимости от мировоззрения и политических пристрастий истолкователей. Для меня лично реальный социализм – это советское общество, в котором я жил до середины 1980-х годов, общество со всеми позитивными и негативными сторонами повседневной жизни основной массы населения нашей страны. Годы горбачевской перестройки - это уже другой период, когда основы реального социализма стали разрушаться «сверху» теми, кто уже получил от этого социализма все возможные блага и не желал, чтобы подобные блага имели остальные люди.

Так случилось, что первые три года правления Л. И. Брежнева я находился за границей, где проходил солдатскую службу. Это было в Венгрии, недалеко от Будапешта. Моя повседневная солдатская жизнь в течение трех лет состояла в основном из армейских будней. Я не буду говорить обо всей Советской армии тех лет. Могу лишь поделиться впечатлениями о той воинской части, где служил я, о ее повседневной жизни. Армейская служба – дело нелегкое. Она требует железной дисциплины, полной отдачи физических и морально-психологических сил, умения подчинить свою волю воле командира, способности до автоматизма реагировать на экстремальные ситуации и многого другого. Но есть в этой службе и то, что меня привлекало. Это четкость в постановке задач, однозначность в истолковании уставов, инструкций, приказов, точное и детальное определение должностных обязанностей, в том числе и моих солдатских. Нравилось и то, что за хорошую службу человек в армии обязательно будет поощрен, а за плохую – наказан, чего часто не бывает в гражданской жизни.

Наша солдатская служба во многом походила на работу, которую многие выполняли и до армии. В моей части было очень много шоферов и трактористов. Очевидно, что нас не случайно направили в отдельный батальон аэродромно-технического обслуживания, где мы служили по своей гражданской специальности, обслуживали полеты авиационного истребительного полка и содержали аэродром в полной боевой готовности. Целыми днями, а нередко и ночами мы со своей автотракторной техникой находились либо на аэродроме, либо в автопарке. В определенное время с нами проводились политические занятия, строевая, огневая, физическая подготовка.

Взаимоотношения между военнослужащими строились на основе воин-

ских уставов, хотя незначительные отступления от них все же были. Так, солдаты называли друг друга не на «Вы», как полагалось по уставу, а на «ты». То же происходило между близкими по воинскому званию и возрасту офицерами, особенно между друзьями. С нами тогда еще продолжали службу участники Великой Отечественной войны, награжденные многими боевыми орденами и медалями. К ним мы относились как к живым героям. Солдатам и молодым офицерам просто стыдно было делать что-то непотребное перед ветеранами, которые по возрасту приходились нам отцами. Сейчас я, конечно, понимаю, что служить за границу посылали лучшую часть офицерского корпуса.

Случаи грубых нарушений воинской дисциплины даже среди солдат были крайне редкими. Термина «дедовщина» мы тогда не знали. Однако солдат, которые служили третий год, называли «стариками». По уровню армейской подготовки они очень сильно отличались не только от солдат-первогодков, но и от тех, кто служил в армии второй год. Подавляющее большинство старослужащих являлись сержантами или занимали должности так называемой «солдатской интеллигенции» - писарей, фельдшеров, поваров, киномехаников, шоферов, возивших высокое начальство, и др.

Откровенно циничного и грубого отношения к солдатам первого и второго годов службы со стороны старослужащих я не помню. Конфликты случались, но они проявлялись редко и не носили постоянного и организованного характера. Во всяком случае, «старика» не требовали у «молодых и зеленых» денег, не заставляли последних стирать свои портянки и обмундирование, не организовывали коллективных избиений солдат. А что же было? Солдату-первогодку «старика» запрещали мечтать вслух о своем отпуске и демобилизации, обзывать старослужащих нецензурными словами, «стучать» на «стариков» начальству, ставить себя по службе и в армейском быту наравне со старослужащим. Последнее особенно касалось различных хозяйственных рядов по разгрузке вагонов, уборке территории, работе в столовой и т. п. Все то, что касалось обслуживания полетов, ухода за техникой, аэродромом, брали на себя в основном старослужащие. Были случаи, когда перед демобилизацией старослужащий и новичок менялись «на память» шапками-ушанками и поясными ремнями. Никто не хотел возвращаться домой со службы в старой шапке и с потертым ремнем. В общем-то на этом «дедовщина» в армии в те годы и заканчивалась.

Несколько раз в году командир части проводил собрания солдат третьего года службы. Он не просто приказывал, а просил старослужащих, чтобы те не обижали молодых солдат. Он говорил о том, что здесь солдату, которого обидели, бежать можно только за границу, потому что мы служим не на территории своей страны. Конфликт в роте или взводе может выйти на международную арену. Командир части постоянно требовал от нас помнить об этом и осознавать возможность последствий неуставных взаимоотношений. На каждом собрании старослужащих командир части предлагал им оставаться служить

сверхсрочно. При этом он довольно убедительно говорил о материальных выгодах такой службы по сравнению с работой в том же колхозе. Многие оставались.

Конечно, и в нашей воинской части было не все идеально. Отдельные случаи грубых нарушений воинской дисциплины все же имелись. Так, один солдат украл у своего товарища часы. Кражу обнаружили. Воришка, боясь мести, убежал за территорию части и около суток просидел в кукурузе. Правда, вскоре он сам возвратился в часть. Командиры строго-настрого приказали нам воришку не трогать, чтобы он не сбежал еще раз дальше кукурузы. Все обошлось спокойно, больше этот солдат у товарищей ничего не украл, но все же чайную ложечку из столовой в казарму притащил. Видно уж натура у него была такая, что не мог пройти мимо того, что плохо лежит.

Был случай смертельного отравления. Один солдат по ошибке вместо спирта выпил техническую жидкость, которой можно плавить органическое стекло. Кажется, что это был дихлорэтан. На родине, куда солдата увезли хоронить, его родственники не верили в этот несчастный случай и думали, что он погиб при исполнении служебных обязанностей. Здесь виновной была и так называемая «круговая порука». Если бы сослуживцы вовремя сообщили в медицинскую часть, что солдату плохо, его возможно бы спасли. Но солдаты боялись, что их товарища накажут за пьянство. За три года службы это были лишь два неприятных случая, которые мне запомнились.

Кормили солдат хорошо. Каждый день нам давали мясо, сливочное масло, рыбу. Черный хлеб и первые блюда отпускались без ограничений. Летом в коридоре солдатской столовой стояла огромная деревянная бочка, в которой имелся квас с черносливом. Летом и осенью к столу подавался свежий венгерский перец – «паприка». В праздники еда была более вкусной и разнообразной, а в столовой играл духовой оркестр. Весело встречали Новый год. Солдаты отмечали его по московскому времени, то есть в 22-00 по местному, а офицеры встречали Новый год по местному времени, когда в Москве было уже два часа ночи, а солдаты спали. Военнослужащих-сверхсрочников и офицеров кормили лучше, чем солдат, а уж о летчиках и говорить нечего. Очень мало тогда было в нашей стране людей, которые могли питаться так, как кормили наших военных летчиков. Их столовая по качеству и разнообразию блюд походила на первоклассный ресторан.

Курящим солдатам выдавали папиросы «Армейские», офицерам – «Беломор-канал», а некурящим - сахар. На территории военного городка имелись как магазины нашего «Военторга», так и венгерские магазины, которые мы называли «мадьярскими». Кстати, венгры сами себя называют мадьярами. Так называли их и мы. На территории части имелось солдатское кафе, где можно было отметить день рождения, купить прохладительные напитки, мороженое, конфеты и кондитерские изделия, сигареты венгерского производства.

Проблем с обувью и обмундированием не было. Ни один солдат не ходил

в рваной или заплатаанной одежде, обуви. В отличие от солдат, которые служили на территории СССР, нам выдавали не кирзовые сапоги, а кожаные, а в осеннее-зимний период мы были одеты не в хлопчатобумажные гимнастерки и брюки, а в полушерстяные. Каждый солдат кроме повседневной формы имел рабочую, парадный мундир, шинель, полушубок и теплую техническую куртку с меховым воротником для работы на автомобильной технике. От дождя у каждого солдата имелась плащ-накидка. В зимнее время года во время дежурства на посту часовой одевал тулуп и обувал валенки. Таким образом, советский солдат был всегда накормлен, обут, одет, не испытывал голода и холода.

Солдаты постоянно содержались в чистоте. Ежедневно в казармах проводилась влажная уборка. Каждую неделю нас водили в баню. Еженедельно менялось нательное и постельное белье. Кроме того, в нашем автопарке имелся горячий душ, который в летнее время мы посещали почти каждый день.

Бытовые условия офицеров, сверхсрочников и вольнонаемных гражданских служащих Советской армии отличались от солдатских. Они жили на территории городка семьями либо в отдельных благоустроенных квартирах, правда, небольших размеров, либо в комнатах общежитий. Офицеры и сверхсрочники питались в соответствующих их должностям столовых, а также получали на дом продовольственные пайки. В свободное от службы время многие пристрастились к рыбалке на канале, который протекал недалеко от нашей воинской части. Для детей военнослужащих имелась восьмилетняя школа. Средняя школа находилась в соседнем гарнизоне. Туда ежедневно возили детей на автобусе. Военнослужащих сверхсрочной службы, которые не имели среднего образования, каждый вечер возили на учебу в среднюю школу. В офицерском и солдатском клубах проводились разнообразные культурно-массовые мероприятия. В нашей воинской части работало много венгров. Занимались они в основном коммунальным хозяйством. Своей работой они дорожили, трудились добросовестно. За три года моей службы состав рабочих в нашем гарнизоне из граждан Венгерской Народной Республики не изменился.

Семьи офицеров и сверхсрочников материально были обеспечены лучше, чем многие гражданские лица в СССР. Они могли позволить себе хорошо одеваться, покупать приличную мебель, ковры, бытовую технику. Перед отъездом из Венгрии почти каждый офицер и сверхсрочник отправлял к месту своего предстоящего жительства железнодорожные контейнеры с новыми мебельными гарнитурами и другим имуществом. О полноценном питании семей военнослужащих я уже не говорю. Этой проблемы у них просто не было.

Свои особенности имела организация свободного времени солдат. В выходные и праздничные дни и в свободные от службы часы солдаты стирали и гладили свое обмундирование, подшивали свежие подворотнички, чистили обувь, стригли волосы, писали родным и друзьям письма, читали газеты, журналы, художественную литературу, смотрели телепередачи, играли в шашки и шахматы, занимались спортом и художественной самодеятельностью. Некото-

рые готовились к вступительным экзаменам в вуз. Трижды в неделю в солдатском клубе бесплатно демонстрировались художественные кинофильмы. Кроме того, можно было за небольшую плату купить билет на киносеанс в офицерском клубе, где показывали в основном новинки кино.

Первые космонавты и выдающиеся деятели культуры, которые бывали в Будапеште, считали обязательным для себя посетить нашу авиационную часть. Запомнились встречи с первым космонавтом, вышедшим в открытый космос, А. Леоновым, композитором М. Фрадкиным, актрисами Л. Гурченко и К. Лучко, певцом И. Кобзоном и многими другими известными в СССР людьми. Офицеры, сверхсрочники и члены их семей часто выезжали в Будапешт для проведения досуга и за покупками. У солдат увольнений за территорию воинской части не было. Зато часто для нас организовывались коллективные экскурсии в Будапешт, где мы посещали парки, музеи, театры, цирк, зоопарк. Столица Венгрии – очень красивый город, расположенный на правом и левом берегах Дуная и соединенный очень изящными мостами. Были и другие экскурсии, например, в один из знаменитых госхозов, который выращивал породистых спортивных лошадей для продажи во многие страны мира. Там я впервые увидел конный пушбол – спортивную игру всадников с мячом диаметром около 1,8 м, который игроки пытаются загнать в ворота команды противника.

Соседнему госхозу мы оказывали некоторую шефскую помощь своей автотракторной техникой. Венгерская деревня поразила нас своей ухоженностью. Везде на дорогах, предназначенных даже для внутрихозяйственных нужд отдельного сельского населенного пункта, уже в 1960-е годы был проложен асфальт. Повсеместно бросались в глаза чистота и порядок, а их сельский клуб – «культурхаза» – действительно выглядел как маленький храм культуры. В отличие от СССР в Венгрии допускалось в определенных размерах частное предпринимательство, особенно в сфере розничной торговли и общественного питания.

В годы, когда я служил в Венгрии, создавалось впечатление, что это свободная страна, но порядок в ней поддерживается на должном уровне. В одной из современных статей я нашел подтверждение своим впечатлениям. В ней говорится о том, что после событий 1956 года благодаря либерально-прагматической модели социализма, которой придерживался Янош Кадар, «десять с половиной миллионов граждан Венгрии на протяжении трех десятилетий пользовались несопоставимо большими политическими правами и экономическими свободами, нежели население большинства других стран “соцлагеря”»¹.

После событий 1956 года тогда еще прошло менее десяти лет. Отношение к ним у венгров было разным и зависело от того, кто из них или их родственников и близких «по какую сторону баррикад» стоял. Мне тогда удалось прочитать повесть или роман «Черные колокола» (автора не помню). В этом произведении по свежим следам в художественной форме излагались венгерские

события октября 1956 года. Как мне кажется, там были показаны и многие внутренние проблемы этой страны, и попытки влиять на ход событий извне, причем не только со стороны СССР, но и со стороны западных стран. Ведь тогда отряды фашиствующих и уголовных элементов, пользуясь кризисным положением в стране, открыто и с циничной жестокостью убивали венгерских коммунистов и других своих сограждан, не говоря уже о советских солдатах. Многие участники тех событий говорят о том, что советским солдатам не отдавали приказа открывать огонь до тех пор, пока не было убито венграми очень много наших солдат и офицеров.

Наши армейские политработники мало говорили нам о внутренних венгерских проблемах 1956 года. Но зато они утверждали, что если бы мы ушли тогда из Венгрии, на второй день здесь бы были войска НАТО. Через тридцать лет выяснилось, что прав оказался наш замполит, а не московские так называемые «демократы», которые, публикуя свои статьи о венгерских событиях 1956 года, льют потоки грязи на советское руководство тех лет и очерняют лишь нашу страну. Политработники разъясняли тогда нам, что войска СССР находятся на территории Венгрии временно и не вмешиваются во внутренние дела этой страны. Таким был их официальный статус. Но «временный» срок нашего пребывания в Венгрии четко не был определен. Многие мои знакомые, которые находились в октябре – ноябре 1956 года в Будапеште, рассказывали о событиях того времени совсем не так, как об этом сейчас пишут некоторые журналисты и историки.

В 1950-1960-е годы подавляющее большинство населения СССР оценивало венгерские события 1956 года с патриотических позиций и в духе версий советского руководства. Правда, наши люди знали и о проблемах рабочего класса Венгрии. Поэтому часть советских рабочих, недовольная условиями труда, оплатой и бытом, высказывалась в обыденных разговорах о возможности повторения «венгерки» в СССР. Лишь отдельные молодые люди критиковали политику советского руководства в Венгрии, высказывали, по мнению работников госбезопасности, «сочувствие венгерским мятежникам», осуждали «советский строй и социалистический уклад жизни в нашей стране», предлагали устраивать молодежные диспуты по вопросам, которые поднимались радиостанциями «Голос Америки» и «Би-би-си»².

Следует отметить, что по вопросам внешней политики СССР большинство советских граждан всегда поддерживало руководство страны. Так было и в период венгерских событий 1956 года, и при возведении Берлинской стены в 1961 году, и во время Карибского кризиса 1962 года. До сих пор помню массовые митинги протеста советских людей «Руки прочь от Кубы!». В основном едиными были народ и руководство страны по отношению к войне во Вьетнаме, к руководству Китая в период проведения там так называемой «культурной революции». Это сейчас под влиянием современной политической конъюнктуры многие «воспоминатели» и журналисты, а иногда и недобросовест-

ные историки не соглашаются, что такое единство наблюдалось.

Сейчас, на наш взгляд, преувеличивается влияние на внутреннюю жизнь нашей страны событий 1968 года в Чехословакии. Некоторые даже считают ввод в Чехословакию войск стран Варшавского договора началом застойных явлений в жизни советского общества, прикрывают деяния отдельных диссидентов того времени фразами о защите демократии. Фактически же, независимо от того, какими помыслами эти «защитники демократии» руководствовались, они объективно выступали за ввод в Чехословакию и другие страны Восточной Европы войск НАТО. Это подтвердили события горбачевской «перестройки» и его так называемое «новое политическое мышление».

В государственном архиве общественно-политической документации сохранилась «Информация о реагировании населения Курганской области на события в Чехословакии в связи с вводом на территорию этой страны войск социалистических стран». Эту информацию направлял начальник Управления КГБ при Совете Министров СССР по Курганской области М. Третьяков секретарю обкома КПСС Ф. Князеву. В ней говорилось о том, что «подавляющее большинство населения правильно понимает решение Советского правительства и других социалистических стран о вводе войск в Чехословакию и одобряет меры по оказанию помощи чешскому и словацкому народам. Каких-либо открытых враждебных проявлений, панических и провокационных слухов, повлиявших на нормальную работу предприятий и жизнь трудящихся, не отмечается. В то же время имеют место отдельные политически вредные суждения, а также опасения за исход событий, а также распространение домыслов и слухов, чаще всего, со ссылкой на враждебные радиопередачи зарубежных станций»³.

В информации перечислялись факты негативного отношения отдельных советских граждан к вводу войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Слесарь Курганского завода медицинских препаратов Т. задал лектору два вопроса: «С каких пор вмешательство в дела других стран стало называться оказанием братской помощи?»; «Если бы во Франции на выборах победили коммунисты и Ш. де Голль обратился бы к американцам с просьбой об оказании военной помощи, то называлось бы ли это оказанием братской помощи?». На заводе «Химмаш» при обсуждении сообщения ТАСС о вводе советских войск в Чехословакию слесарь Ш. заявил: «Наши везде лезут, что нам надо в Чехословакии, жили бы спокойно, а то всем помогаем». Среди рабочих Курганского арматурного завода распространился слух о том, что жители Праги окружили американское посольство и требовали ввода в Чехословакию американских войск. На Шадринском автоагрегатном заводе после митинга о событиях в Чехословакии была брошена реплика: «Сколько волка не корми, а он все в лес смотрит. Надо было в 1945 году задушить всю контрреволюцию». Слесарь Управления механизации треста «Южуралстрой» А. в беседе среди рабочих заявлял: «Наше правительство неправильно поступило, введя войска в Чехословакию. К нам по этому вопросу обратилось не правительство ЧССР,

а люди, не являющиеся представителями государственной власти». Но рабочие разъяснили А. ошибочность этого мнения. Рабочий из г. Шадринска М. говорил своим соседям: «Мы всех кормим, всем помогаем, а потом они все так же отвернутся от нас. Мы лезем не в свои дела». 24-летний бывший учащийся Курганского музыкального училища, отчисленный за пьянство и неуспеваемость и нигде не работавший, в беседе о событиях в Чехословакии заявлял: «Там выгоняют коммунистов, но этого мало, их надо не выгонять, а убивать». Заключенный Курганской колонии С., осужденный за валютные операции, по словам работника спецслужб, «одобрительно отзывался о действиях контрреволюционных элементов, а также восхвалял агрессивный курс Израиля в отношении арабских стран». Среди членов сельскохозяйственной артели «Урал» Варгашинского района имели место высказывания со ссылкой на заграничное радио о том, что войска ФРГ якобы подтянуты к границам Чехословакии и новая война неизбежна. Были слухи о том, что в связи с событиями в Чехословакии начался призыв военнообязанных запаса в ряды Советской армии, что делается это якобы скрыто, под видом отправки «запасников» на уборочные работы. Высказывались опасения в том, как бы события в Чехословакии не вызвали военного конфликта. Особенно такие опасения отмечались со стороны лиц, сыновья которых находились тогда в рядах Советской армии за границей. Некоторые люди говорили о том, что советские войска надо было ввести в Чехословакию раньше, «а не ограничиваться методами уговоров чехословацких руководителей». Энергетик завода «Кургансельмаш» Д. призывал к вводу советских войск и в другие страны «социализма», с которыми у нас тогда осложнились отношения⁴.

Лично я о ситуации в Чехословакии знал из материалов советской печати. Зарубежное радио не слушал. Я тогда только пришел из армии, жил в заводском общежитии и не имел радиоприемника. Но я знал, что жизненный уровень населения Чехословакии не ниже, чем в Венгрии, из которой я недавно приехал, что Чехословакия – промышленно развитая страна. Я не хотел, чтобы в Чехословакию были введены войска НАТО. Ведь Чехословакия граничила с СССР. На душе было как-то тревожно. Я пытался поставить себя мысленно на место чехов и словаков, понять их национальные чувства. Большой трагедии во вводе советских войск в Чехословакию я не видел. Ведь были же тогда наши войска в ГДР, Польше, Венгрии, по личному опыту я знал, что по отношению к местному населению они ничего плохого не делали. Ввод же в Чехословакию войск НАТО в тех условиях был, как мне тогда казалось, вполне возможным. Так думал тогда я, основываясь на информации из советской печати. Правда, сейчас появились публикации о том, что якобы руководство США считало тогда Чехословакию сферой интересов Советского Союза и в конфликт вмешиваться не собиралось⁵. Советские люди в своем большинстве об этом не знали, даже если это и является правдой.

Советским людям регулярно читались лекции и доклады, проводились

политинформации на местах работы и учебы. Большинство людей были хорошо информированы о международном положении страны. Более того, международная тематика советской пропаганды всегда вызывала среди населения большой интерес. О своих внутренних проблемах люди знали и без СМИ. Советский народ с радостью поддержал разрядку международной напряженности в первой половине 1970-х годов, улучшение отношений СССР с Францией, Федеративной Республикой Германией, США и другими странами Запада. Был урегулирован вопрос по Западному Берлину, закончилась война во Вьетнаме, удалось достигнуть соглашения с США об ограничениях в наращивании стратегических вооружений. В 1975 году главы европейских стран, США и Канады подписали в Хельсинки Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе. Все это находило среди широких слоев советского населения самую горячую поддержку. К сожалению, период разрядки международной напряженности оказался коротким. Уже в конце 1970-х годов люди были вновь встревожены. Заговорили о размещении ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет в Европе, о нейтронной бомбе, о «звездных войнах» (размещение оружия в космосе). В 1979 году руководство СССР приняло решение о вводе советских войск в Афганистан. Оттуда в Советский Союз стали привозить наших убитых и раненых солдат и офицеров. Страна расходовала огромные средства на военные цели, а это серьезно подрывало экономику и отрицательно отражалось на уровне жизни населения.

Положительную роль в улучшении материально-бытовых условий жизни советских людей сыграла экономическая реформа 1965 года в сельском хозяйстве и промышленности. Она готовилась еще при власти Н.С. Хрущева, обсуждалась ведущими экономистами страны. В марте 1965 года Пленум ЦК КПСС принял постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Как известно, темпы прироста производства важнейших сельскохозяйственных продуктов были в 1961 – 1965 годах ниже, чем в 1956 – 1960. Задания семилетнего плана 1959 – 1965 годов в области сельского хозяйства оказались невыполненными. Особенно тяжелое положение сложилось в 1963 – 1964 годах. Руководство СССР считало, что основной причиной медленного подъема сельского хозяйства являлись «нарушения требований экономических законов развития производства, принципов материальной заинтересованности работников, правильного сочетания общественных и личных интересов»⁶. Заготовительные цены на многие сельскохозяйственные продукты не возмещали фактических затрат и снижали заинтересованность колхозов и совхозов в расширении производства. Сельскому хозяйству выделялось недостаточно капитальных вложений и материально-технических ресурсов. Не способствовали подъему производства и неоправданные перестройки сельскохозяйственных органов, навязывание шаблонных рекомендаций, недооценка науки и опыта многолетней практики.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС руководство страны осу-

шествило ряд мероприятий по улучшению планирования и экономического стимулирования сельскохозяйственного производства. Вводился принципиально новый порядок закупок продуктов сельского хозяйства, были установлены более высокие цены за сверхплановую продажу государству основных зерновых культур. Одновременно снижались цены на многие товары производственного назначения, а также на электроэнергию, отпускаемую колхозам и совхозам. Цены на промышленные и продовольственные товары народного потребления в сельской местности были снижены и приведены в соответствие с городскими. Начал осуществляться перевод колхозников на денежную оплату труда. Вводилась ежемесячная гарантированная оплата труда колхозникам применительно к уровню заработной платы рабочих совхозов по соответствующим видам работ и нормам выработки ⁷.

В 1966 – 1970 годы реформа и погодные условия способствовали росту сельскохозяйственного производства. Среднегодовой объем продукции вырос на 21 процент против 12 в предыдущем пятилетии. Валовой сбор зерна увеличивался ежегодно в среднем в 1,3 раза. Производство мяса, молока и яиц составило в 1966 – 1970 гг. к уровню 1961 – 1965 гг. 124 процента ⁸. Однако такой рост был все же недостаточным, чтобы обеспечить население страны полноценным питанием, а промышленность - сырьем.

Проблемы промышленного развития страны рассматривал сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. По докладу главы правительства СССР А.Н. Косыгина было принято постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилению экономического стимулирования промышленного производства». В области управления промышленностью ликвидировались совнархозы и восстанавливались упраздненные в 1957 году отраслевые промышленные министерства. Эта реформа была направлена против роста неоправданных капитальных вложений и незавершенного строительства, выпуска ненужных изделий, против несоответствия роста производительности труда более быстрому росту заработной платы. Несколько расширялась экономическая самостоятельность промышленных предприятий. Сокращалось количество плановых показателей, даваемых предприятию хозяйственными и государственными руководящими органами. Главным показателем работы промышленного предприятия стал не выпуск валовой, а количество реализованной продукции. Вводилась твердая плата предприятия государству за производственные фонды, что заставляло завод или фабрику максимально задействовать оборудование. Финансирование предприятий стало осуществляться только через кредит, а не путем безвозвратных дотаций от государства. За счет прибыли предприятие могло создавать фонды развития своего производства, материального стимулирования работников, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

Реформы 1965 года в промышленности и сельском хозяйстве были непосредственно связаны с решением социальных задач, с материально-бытовыми

проблемами каждого советского человека. Существенное обновление основных производственных фондов в годы семилетки (1959 – 1965), экономическая реформа 1965 года способствовали тому, что главные задачи восьмой пятилетки (1966 – 1970) в области промышленности, по официальным данным советского руководства, были выполнены. Промышленное производство при задании в 47 – 50 процентов увеличилось на 50 процентов, а выпуск предметов народного потребления при плане в 43 – 46 процентов – на 49 процентов⁹. Однако уже в начале 1970-х годов в силу ряда объективных и субъективных причин экономическая реформа 1965 года стала сворачиваться. Свертывание реформы не являлось «злой волей» руководителей страны. Просто реформа не была до конца проработана в деталях, не просчитаны ее возможные издержки. Это привело к росту цен, в том числе и на предметы народного потребления, что отрицательно влияло, прежде всего, на благосостояние работников непродовольственной сферы.

В официальных документах правящей партии вполне справедливо, на наш взгляд, подчеркивалось, что жизнь советских людей постепенно улучшалась. Говорилось и о недостатках, нерешенных проблемах. Так, на XXIV съезде КПСС отмечалось, что реальные доходы в расчете на душу населения выросли за пять лет (1966 – 1970) на 33 процента против 30, предусмотренных директивами XXIII съезда партии, и на 19 процентов в предыдущем пятилетии. Минимальная заработная плата рабочих и служащих была увеличена до 60 рублей в месяц. Средняя заработная плата рабочих и служащих по стране возросла на 26 процентов. Доходы колхозников от общественного хозяйства увеличились на 42 процента. Была введена гарантированная оплата их труда, понижен пенсионный возраст, установлена выплата пособий по болезни и нетрудоспособности.

Общественные фонды потребления выросли за 1966 – 1970 гг. в полтора раза и достигли в 1970 году около 64 миллиардов рублей. Розничный товарооборот вырос за годы восьмой пятилетки (1966 – 1970) на 48 процентов. В 1970 году по сравнению с 1965 годом потребление мяса в расчете на человека увеличилось на 17 процентов, молока и молочных продуктов - на 22, яиц – на 23, рыбы и рыбопродуктов – на 33, сахара – на 14 процентов, одновременно сокращалось потребление хлебных продуктов и картофеля. Возросла продажа населению товаров культурно-бытового назначения, особенно предметов длительного пользования: радиоприемников, телевизоров, стиральных машин, холодильников¹⁰. Вместе с тем, Л.И. Брежнев на XXIV съезде партии отмечал, что «при перевыполнении заданий по росту средней заработной платы не было проведено намечавшееся повышение тарифов и должностных окладов отдельных категорий трудящихся. Рост производства некоторых продуктов питания, особенно мяса, а также товаров широкого потребления, хотя и был значительным, все же отстает от потребностей, что приводит порой к перебоям в торговле»¹¹.

В докладе главы правительства СССР А.Н. Косыгина на XXV съезде КПСС отмечалось, что за 1971 – 1975 годы реальные доходы в расчете на душу населения увеличились на 24 процента. Заработная плата рабочих и служащих возросла в среднем на 20 процентов, а оплата труда колхозников – на 25 процентов. Были повышены минимум заработной платы, тарифные ставки и должностные оклады среднеоплачиваемых категорий рабочих и служащих отраслей материального производства на всей территории страны. Увеличилась заработная плата врачей, учителей, воспитателей детских дошкольных учреждений. Отменялись или уменьшались налоги с заработной платы ряда категорий работников¹². В 1971 - 1975 годах ввели районные коэффициенты к заработной плате рабочих и служащих, для которых они ранее не были установлены. В результате повысилась оплата труда более 75 млн человек. За счет увеличения пенсий, пособий и стипендий возросли доходы примерно у 40 млн человек. На XXV съезде КПСС Л.И. Брежнев привел такой факт: «В 1975 году по сравнению с 1965 численность населения с доходом сто и более рублей в месяц на члена семьи возросла в восемь с половиной раз. За этой цифрой – коренной сдвиг в уровне и образе жизни десятков миллионов людей»¹³.

О повышении уровня жизни населения говорилось и на XXVI съезде КПСС, который состоялся в 1981 году. Отмечалось, что реальные доходы на душу населения СССР повысились в 1976 – 1980 гг. на 18 процентов, средняя зарплата рабочих и служащих – почти на 16 процентов, колхозников – на 26 процентов. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления в расчете на душу населения возросли в 1980 году до 438 рублей против 354 рублей в 1975 году. К концу 1980 года около половины населения страны имело доходы на одного члена семьи свыше 100 рублей в месяц, тогда как в 1970 году такой доход был лишь у 18 процентов населения. На съезде говорилось и о трудностях. В десятой пятилетке (1976 – 1980) три года из пяти были неблагоприятными по природно-климатическим условиям для сельского хозяйства. Среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственной продукции снизились с 21 процента в восьмой пятилетке до 13 процентов в девятой и до девяти процентов в десятой. Это очень серьезно и отрицательно отразилось на производстве продуктов питания и сырья для промышленности. Допускались большие потери продукции. На съезде партии отмечалось: «За прошлую пятилетку (1975 – 1980), например, среднегодовое потребление овощей и фруктов на душу населения увеличивалось значительно медленнее, чем их производство. И основная причина этого – потери»¹⁴. На XXVI съезде КПСС было официально признано, что «из года в год не выполняются планы выпуска многих товаров народного потребления, особенно тканей, трикотажа, кожаной обуви, мебели, телевизоров. Нет должных сдвигов и в качестве, отделке, ассортименте. Во всех этих делах нужно без промедления наводить порядок»¹⁵.

XXVII съезд правящей партии, который в 1986 году утвердил новую редакцию ее программы, подвел итоги развития советского общества не только

за период одиннадцатой пятилетки (1981 – 1985), но и за четверть века после принятия третьей программы КПСС. Здесь отмечалось, что за четверть века реальные доходы на душу населения увеличились в 2,6 раза, общественные фонды потребления – более чем в пять раз. Было построено 54 миллиона квартир, что позволило улучшить жилищные условия большинству советских семей. Некоторое повышение уровня жизни населения продолжалось и в первой половине 1980-х годов. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих составила в 1985 году к 1980 году 113 процентов, оплата труда колхозников – 129 процентов. Общественные фонды потребления увеличились на 25 процентов. Как и в предыдущие пятилетки, с большим размахом продолжалось жилищное строительство. Совершенствовались пенсионное обеспечение, система охраны здоровья, заметно увеличилась государственная помощь семьям, имеющим детей. Продолжался процесс сближения уровня жизни сельских и городских жителей ¹⁶.

Однако в 1970-е годы в народном хозяйстве стали нарастать трудности, заметно снизились темпы экономического роста. В результате оказались невыполненными многие задания девятой и десятой пятилеток. Было допущено отставание материальной базы науки и образования, здравоохранения, культурно-бытового обслуживания населения. Неблагоприятные тенденции, проявившиеся в 1970-е годы, усилились в начале 1980-х. В 1981 – 1982 годах продолжали снижаться темпы роста производства. В 1982 году темп прироста промышленной продукции был в полтора раза ниже, чем в среднем за годы девятой пятилетки (1971 – 1975). Нарастание трудностей не могло не повлиять на решение важнейших проблем в социальной сфере. Так, во втором году одиннадцатой пятилетки (1982 г.) фактически приостановилось повышение реальных доходов населения ¹⁷.

Экономика по инерции продолжала развиваться в значительной мере на экстенсивной основе. Это отрицательно сказывалось на эффективности производства. Образовался разрыв между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием. В производственной сфере ослабли дисциплина и порядок. Но с 1983 года произошли некоторые позитивные сдвиги в экономике. Однако производство большинства видов продукции промышленности и сельского хозяйства в одиннадцатой пятилетке не достигло рубежей, намеченных XXVI съездом правящей партии. В результате не был выполнен ряд заданий по повышению благосостояния людей, в том числе таких, как увеличение реальных доходов населения и рост розничного товарооборота ¹⁸.

Одним из главных показателей роста благосостояния советских людей считалось систематическое повышение их зарплаты. Оно было характерно для всего периода правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, в том числе и для 1960 – 1975 гг. Это прослеживается в табл. 14.

Таблица 14

**Среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР
(в рублях) ¹⁹**

Год	Рабочих и служащих СССР	Рабочих Промышленности	Рабочих строительства	Рабочих сельского хозяйства
1960	80,6	89,9	89,2	51,9
1965	96,5	101,7	108,4	72,4
1970	122,0	130,6	148,5	98,5
1971	125,9	135,4	153,6	103,6
1972	130,2	140,1	159,3	109,3
1973	134,9	145,6	164,8	115,5
1974	141,1	153,9	172,0	122,1
1975	145,8	160,9	180,3	124,7

Из таблицы видно, что за 15 лет (1960 – 1975) среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР увеличилась в 1,8, рабочих промышленности – почти в 1,8, строительства – в 2,0, сельского хозяйства – в 2,4 раза.

На XXIV съезде КПСС (1971 г.) для определения малообеспеченной семьи назывался доход на человека не более 50 рублей в месяц. К концу 1950-х годов в нашей стране насчитывалось мало семей, где этот уровень превышался. В годы восьмой пятилетки (1966 – 1970) минимум материальной обеспеченности рабочих и служащих был превзойден. В среднем на каждого члена семьи при одном работающем и одном иждивенце приходилось по 60 рублей.

К середине 1970-х годов семья рабочих из четырех человек, состоявшая из двух работающих и двух иждивенцев, имела в среднем доход на человека по 75 рублей в месяц. В 1965 году только четыре процента семей рабочих и служащих СССР получали среднемесячный доход на одного члена 100 и более рублей, то есть приближались к уровню рационального потребительского бюджета. К середине 1970-х годов такие граждане составляли уже примерно одну треть населения страны. Однако две трети семей рабочих и служащих еще не достигали этого уровня²⁰.

Никакой уравниловки в оплате труда рабочих и служащих не существовало. Средний уровень зарплаты у рабочих промышленности СССР составлял в 1966 году 104,4 рубля в месяц. У рабочих угольной промышленности он был 192,6, черной металлургии – 126,5, лесной – 119,3 рубля. В то же время рабочие пищевой промышленности получали в среднем 88 рублей в месяц, обувной – 85,3, текстильной – 84,3 рубля. До повышения в 1968 году минимума зарплаты к низкооплачиваемым работникам обычно причисляли рабочих и служащих с заработками 41 – 50 рублей, а в последующие годы – 61 – 70 рублей в месяц. Высокой считалась заработная плата, превосходившая 200 рублей в месяц. В начале 1970-х годов существовала значительная дифференциация месячной зарплаты в промышленности в границах от 60 до 300 – 400 ру-

блей. Соотношение между низшими и высшими размерами заработков в промышленности составляло 1:5 – 1:7.

До реформы 1965 года премиальный фонд материального поощрения работников промышленности был незначительным, составляя на промышленных предприятиях два – три процента к фонду зарплаты. Многие предприятия вообще не имели таких фондов. За восьмью пятилетку (1966 – 1970) фонд материального поощрения увеличился по промышленности страны примерно в 20 раз и достиг одной десятой части всего фонда зарплаты. За счет фонда материального поощрения при успешной работе предприятия рабочие и ИТР стали получать по итогам года дополнительную (так называемую «тринадцатую») зарплату, размер которой часто был равен месячному заработку. На предприятиях Свердловской области фонд материального поощрения вырос за 1966 – 1969 годы в 13 раз. На 15 процентов повысились тарифные ставки рабочих-станочников. К концу 1977 года оплата труда рабочих и служащих составляла в Свердловской области 169,2 рубля в месяц, а в сельском хозяйстве – 167,5 рубля. Много это или мало? В 1970-е годы булка черного хлеба стоила 18 копеек, белого – 20 копеек, один килограмм мяса – 1,2 рубля, колбасы вареной – 2,2 рубля, рыбы – 19-23 копейки, бутылка водки – 2,87 или 3,62 рубля, один килограмм соли – 5 копеек, пирожное – 22 копейки, проезд в городском транспорте – 5 копеек ²¹.

Во второй половине 1970-х годов зарплата рабочих и служащих СССР продолжала повышаться. Если в 1975 году она составляла в среднем 145,8 рубля в месяц, то в 1980 – 168,9 рубля, у рабочих промышленности - 160,9 и 186 соответственно, строительства – 180,3 и 208, сельского хозяйства – 124,7 и 149 рублей. Намечилась тенденция к выравниванию уровня зарплаты различных категорий работников. В 1958 году показатели зарплаты рабочих и ИТР в промышленности соотносились как 100:178, а в 1980 г. – 100:115, в строительстве - 100:218 и 100:102 соответственно, в сельском хозяйстве – 100:234 и 100:125. Это говорит о некоторой девальвации труда дипломированных специалистов. Многие рядовые инженерно-технические работники получали в 1,5 - 2 раза меньше заработной платы, чем рабочие средней и высшей квалификации. Однако ИТР, которые занимали руководящие должности, получали более высокую зарплату ²².

Заработная плата рабочих и служащих непромышленных отраслей народного хозяйства составляла в 1970 году 81 процент от уровня зарплаты в производственных отраслях, а в 1980 году – 78 процентов, то есть имела тенденцию к относительному снижению ²³. В связи с переводом колхозников на денежную оплату труда и введением различных доплат за высокие результаты в производстве у сельских жителей появилось намного больше денег, чем их было до реформы 1965 года. За годы восьмой – десятой и три года одиннадцатой пятилетки (1966 – 1983) среднемесячная оплата труда колхозников повысилась в 2,8 раза и достигла 141 рубля в месяц, а зарплата работников совхозов увеличилась в 2,3 раза, достигнув 170 рублей в месяц ²⁴.

Прослеживается тенденция сближения уровней доходов сельских и городских жителей. К середине 1980-х годов индивидуальный номинальный доход колхозной семьи на душу населения превысил доход семьи работника совхоза и составлял четыре пятых дохода семьи рабочих и служащих народного хозяйства страны. Уровень реальных доходов колхозников по отношению к реальным доходам рабочих и служащих в расчете на члена семьи повысился с 75 процентов в 1965 году до 80 процентов в 1970 и более чем до 90 процентов в 1983 году. Правда, у П. И. Симуша по 1970 году дается другой показатель – 69,5 процента. Среднегодовой темп прироста реальных доходов в расчете на одного работающего у рабочих и служащих СССР составил в 1971 – 1983 годах 3 процента, а у колхозников – 4,2 процента²⁵.

В 1985 году номинальная среднемесячная зарплата рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве СССР, была 190 рублей. На каждого из двух членов семьи при одном работающем и одном иждивенце приходилось по 95 рублей в месяц. Теоретически советский человек вроде бы приближался к рациональному уровню материального достатка. Практически это было возможно лишь при условии, если бы неизменными оставались потребности людей и не повышались цены на товары и услуги. В реальной же жизни росли потребности и цены. Специалисты в области экономических отношений считают, что «измеряемый в рублях путь от зарплаты, дающей минимум обеспеченности, до зарплаты, достаточной для рационального потребления, длиннее, чем переход от удовлетворения неотложных нужд к минимуму обеспеченности (тем более, что сам этот рациональный уровень имеет тенденцию к росту)»²⁶.

Уже в 1960 – 1965 годах цены на мясо и животное масло увеличились почти на 30 процентов. Во второй половине 1960-х годов в результате несоответствия между спросом и предложением повышались цены на мясо, овощи, картофель и другие продукты. Росли цены на строительные материалы, мебель, бытовую технику, меха, ковры, хрусталь, высококачественную одежду и обувь, ювелирные изделия из драгоценных металлов и камней, спиртные напитки. Даже по официальным данным, с 1960 по 1970 год средняя стоимость одной пары кожаной обуви увеличилась на 30 процентов²⁷. Не росли цены лишь на те товары, которые из-за низкого качества или старомодности не пользовались спросом. Государство старалось административными методами сдерживать рост цен на хлеб, молоко, лекарства, коммунальные услуги, городской общественный транспорт.

По мнению советских экономистов, в конце 1960-х – начале 1970-х годов рациональный уровень потребления мог быть достигнут лишь тогда, когда один человек располагал средствами примерно в 150 – 200 рублей в месяц, а не в 100 рублей, как было в прежние годы. В те годы, работая слесарем-сборщиком на машиностроительном заводе, не имея семьи и проживая в общежитии, я получал примерно такие доходы. Их хватало на то, чтобы полноценно питаться, не хуже других одеваться и обуваться, съездить дважды в году из

Кургана в Свердловск на экзаменационную сессию, где я учился заочно в вузе, проведать во время очередного отпуска родителей, живших от меня за три тысячи километров. Учитывая то, что цены на железнодорожные и авиационные билеты были дешевыми, можно сделать вывод о том, что зарплата уходила в основном на питание, одежду и обувь. Не покупая предметов домашнего обихода (мебели, бытовой техники, посуды, постельных принадлежностей), я не имел возможности для накопления каких-либо денежных сумм «на черный день». А ведь в те годы средняя зарплата рабочих и служащих была ниже моей и составляла 120 - 130 рублей в месяц. При наличии даже одного ребенка-иждивенца жизненный уровень очень многих людей все-таки оставался весьма далек от нормального. Это сразу же стало ощутимо, когда у меня появились семья и ребенок. Цены на многие востребованные товары народного потребления росли из-за их дефицита. Рост зарплаты сопровождался ростом цен. В результате благосостояние населения росло медленно, а в первой половине 1980-х годов даже имело тенденцию к стагнации.

В публикуемых ЦСУ СССР средних данных о расходной части бюджетов семей промышленных рабочих было показано: в 1965 году на питание тратилось 37,9 процента совокупного дохода, в 1970 г. – 35,7 процента²⁸. Очевидно, что эти показатели несколько занижены. Даже в семьях рабочих и служащих, у которых на человека приходилось более 100 рублей в месяц, на питание расходовалось 38 процентов всех доходов²⁹. Одиноким рабочим и служащим, проживавшим в общежитиях, расходовали на питание больше средств, чем семейным, так как цена блюд в общественных столовых являлась выше приготовленных в домашних условиях. Получая даже приличную зарплату, жильцу общежития трудно было надеяться на высокий уровень жизни.

Колхозники и рабочие сельского хозяйства заметно отличались в 1960 – 1980-е годы по уровню оплаты труда от рабочих промышленности. Это видно из табл. 15.

Таблица 15
Среднемесячная оплата труда рабочих и колхозников СССР
(в рублях)³⁰

Год	Рабочие промышленности	Рабочие совхозов и других сельскохозяйственных предприятий	Колхозники
1960	89,8	52,2	28,0
1965	101,7	72,4	51,5
1970	130,6	98,5	74,9
1974	153,9	122,1	91,5
1980	185,5	148,5	118,5
1985	211,7	179,7	153,4

Несмотря на существенное различие в оплате труда рабочих промышленности и сельского хозяйства, а также колхозников, все же прослеживается тенденция к сближению размеров этой оплаты. Учитывая доходы сельских жителей от личного подсобного хозяйства, можно уверенно говорить и о некотором сближении уровня жизни горожан и сельчан в целом.

В 1970 году отношение доходов колхозников в расчете на одного члена семьи к доходам членов семей рабочих и служащих страны составляло, по разным источникам, от 69,5 до 80 процентов. То есть разрыв был еще довольно существенным. Расходы на питание занимали наибольший удельный вес при распределении совокупного дохода крестьянской семьи: в 1965 году – 50, в 1970 г. – 45, в 1974 г. – 42 процента. Это свидетельствует о низком уровне жизни советских крестьян ³¹.

Низкой по сравнению с другими категориями населения оставалась заработная плата работников здравоохранения, народного образования, культуры. Высокую зарплату имели инженерно-технические работники промышленности и дипломированные специалисты сельского хозяйства, особенно те, которые занимали руководящие должности. Несмотря на то, что учителя, врачи, многие работники культуры являлись такими же дипломированными специалистами, как и ИТР, их зарплата была неоправданно низкой (табл. 16).

Таблица 16

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в производственных и непроизводственных отраслях народного хозяйства СССР (в рублях) ³²

Отрасль, категории работников	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Рабочие и служащие всего народного хозяйства	80,6	122,0	168,9	190,1
Рабочие, ИТР и служащие промышленности	91,6	133,3	185,4	210,6
Рабочие промышленности	89,9	130,6	185,5	211,7
Рабочие промышленности	135,7	178,0	212,5	233,2
ИТР промышленности	73,8	111,6	145,8	164,6
Служащие промышленности	53,8	100,9	149,2	183,2
Рабочие и служащие сельского хозяйства	51,9	98,5	148,5	179,7
Рабочие сельского хозяйства	115,5	164,3	185,5	243,4
Специалисты сельского хозяйства	65,7	95,6	122,8	182,7
Служащие сельского хозяйства				
Работники здравоохранения, физкультур-ры и спорта, социального обеспечения	58,9	92,0	126,8	132,8
	72,3	108,1	135,9	150,0
	49,2	84,8	111,3	117,3
Работники народного образования	63,7	94,8	134,8	145,3
Работники культуры	110,7	139,5	179,5	202,4
Работники искусства	86,4	124,5	159,6	168,8
Работники науки				
Работники аппарата управления				

Из табл. 16 видно, что заработная плата работников непромышленных отраслей народного хозяйства уменьшилась по отношению к зарплате рабочих и служащих, занятых в материальном производстве, с 82 процентов в 1960 году до 78 процентов в 1980. В 1985 году среднемесячная зарплата работника культуры составляла 55,7 процента от этого среднего показателя по промышленности, здравоохранения – 63,5, искусства – 68,9, народного образования – 71,2 процента. В условиях постоянного роста цен и ограниченного доступа рядовой интеллигенции к покупкам более качественных товаров по меньшим государственным ценам значительная часть подчас влачила жалкое существование. Работники науки имели сравнительно с другими категориями интеллигенции более высокую среднюю зарплату за счет лиц с учеными степенями и званиями. На среднюю зарплату аппарата управления оказывало влияние большое количество рядового обслуживающего персонала с низкими окладами (секретари-машинистки, шофера и др.). Чиновники-руководители имели сравнительно высокие оклады и, кроме того, пользовались многочисленными льготами и привилегиями.

Существенно отставала среднемесячная оплата труда колхозников в общественном хозяйстве от зарплаты рабочих промышленности. В 1985 году рабочий промышленности получал в среднем в месяц 211,7 рубля, а колхозник – 153,4 рубля, что составляло 72,5 процента от зарплаты первого³³. Правда, надо делать поправку на доходы колхозников от личного подсобного хозяйства. Но, с другой стороны, ведение этого хозяйства требовало дополнительных трудовых затрат как самого колхозника, так и его нетрудоспособных престарелых или малолетних членов семьи.

Повседневной и неотложной потребностью людей является питание. В 1966 – 1985 годах по количеству и структуре питания в расчете на душу населения СССР наблюдалось улучшение, несмотря на то, что темпы прироста продукции сельского хозяйства СССР в 1971 – 1985 годах по сравнению с периодом восьмой пятилетки (1966 – 1970) стали заметно снижаться. Из пяти лет (1971 – 1975) только один – 1973 год – был благоприятным для сельского хозяйства в природно-климатическом отношении, а два года – 1972 и 1975 – отличались небывалой засухой. Если в 1966 – 1970 годах среднегодовой объем продукции сельского хозяйства увеличился на 21 процент, то в 1971 – 1975 – лишь на 13 процентов³⁴. В 1982 году была принята Продовольственная программа СССР, которая ставила задачу надежно обеспечить полноценное питание всем гражданам страны. Немало делалось для развития материально-технической базы сельского хозяйства и связанных с ним отраслей народного хозяйства. Окрепила экономика колхозов и совхозов, межхозяйственных и перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию промышленных предприятий, повысилась продуктивность земледелия и животноводства. Движение вперед было, но преодоление отставания сельского хозяйства происходило медленно. В аграрном секторе экономики коренного перелома в лучшую сто-

рону не наступило. Чтобы обеспечить значительную прибавку душевого потребления мяса, молока, овощей и фруктов, надо было более чем удвоить темпы роста сельскохозяйственного производства, значительно сократить потери продукции полей и ферм при уборке, транспортировке, хранении и переработке. Эти потери составляли до 20, а по некоторым видам продукции до 30 процентов. Руководство страны видело выход из создавшегося положения в использовании экономических методов хозяйствования, расширении самостоятельности и повышении ответственности колхозов и совхозов за результаты своей деятельности, в интеграции сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности³⁵.

В 1970-е – первой половине 1980-х годов СССР в значительно большей мере стал импортировать продукты питания. Значительная часть не только сельского, но и городского населения страны получала продукты питания из личных подсобных хозяйств либо непосредственно, либо через родственные отношения, либо через рынок. К середине 1980-х годов в среднем по России на одно подсобное хозяйство колхозника приходилось 0,31 га земли, рабочего совхоза – 0,20 га, не занятого в сельском хозяйстве рабочего и служащего – 0,11 га. К началу 1980-х годов только 10 процентов рабочих и служащих, живущих в сельской местности, не имели подсобного хозяйства. В начале 1980-х годов у колхозников РСФСР поступления из личных подсобных хозяйств составляли в общем объеме потребления мясных и молочных продуктов четыре пятых, а овощей и бахчевых – три четверти. Руководство страны ориентировало сельчан в 1980-е годы на максимально возможное самообеспечение продуктами питания. Однако тогда основная часть продукции сельского хозяйства производилась в колхозах и совхозах, а не в личных подсобных хозяйствах. Импортные продукты составляли незначительную часть в питании советского человека³⁶. Изменения в потреблении продуктов питания на душу населения СССР показаны в табл. 17.

Таблица 17

**Динамика потребления продуктов питания
на душу населения СССР, кг³⁷**

Продукты питания	1965 г.	1975 г.	1985 г.	Рациональная норма
Мясо и мясные продукты	41	57	61	82
Молоко и молочные продукты	251	315	324	405
Рыба и рыбные продукты	12,6	17	18	18,2
Овощи, бахчевые	72	87	100	146
Фрукты, ягоды	28	37	46	114
Растительное масло	7,1	7,6	9,7	9,1
Яйца (штук)	124	215	259	292
Сахар	34,2	41	42	40
Картофель	142	120	104	97
Хлеб и хлебные продукты	156	141	133	110

Данные табл. 17 показывают, что в 1965 – 1985 годах наблюдается заметный рост потребления продуктов питания в расчете на душу населения СССР. По потреблению рыбы, растительного масла, сахара, картофеля и хлеба в Советском Союзе были достигнуты или превзойдены рациональные нормы питания. Заметное отставание имелось по потреблению мяса, молока, овощей и бахчевых, фруктов и ягод, яиц. Нам представляется, что данные советской статистики по потреблению населением фруктов и ягод занижены. Очевидно, что не всегда учитывались фрукты и ягоды, выращенные в личных подсобных хозяйствах и садоводческих кооперативах, а также дикорастущие ягоды, собранные населением. Не попала в статистику рыба, добытая рыбаками-любителями. Совсем не учитывалось потребление населением грибов.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в г. Кургане острой нехватки продуктов питания, в том числе мясных, молочных и рыбных, не ощущалось. Запомнилось обилие в магазинах тушеной говядины и свинины в металлических банках. Не было проблем с вареной колбасой. Заводские и студенческие столовые отличались разнообразием и хорошим качеством блюд. В городских столовых цены на блюда были несколько выше, чем в столовых предприятий и учебных заведений, а качество уступало. Однако в городах работали и специальные диетические столовые с высоким качеством блюд. С молоком и молочными продуктами особых проблем у курганцев не было на протяжении всех 1960 – 1970-х и первой половины 1980-х годов. Очереди выстраивались в основном за импортными фруктами – яблоками, апельсинами, мандаринами. В магазинах имелся богатый выбор различных соков – яблочных, вишневых, апельсиновых, виноградных, томатных. Они продавались в трехлитровых банках, а также на разлив по 10 – 25 копеек за стакан. В летнюю жару в городах повсеместно работали автоматы по продаже газированной воды ценой в одну копейку за стакан без сиропа и в три копейки с сиропом. Кроме того, на каждом углу продавался квас на разлив по шесть копеек за пол-литровую кружку. В дни Московской Олимпиады 1980 года я сам слышал, как немцы были удивлены высоким качеством нашего кваса и его очень низкой ценой.

Положение с мясом в Кургане ухудшилось в конце 1970-х годов, когда его стали больше вывозить из Курганской области в другие города и промышленные центры страны. Тогда появились очереди за мясом и колбасой, а мясные продукты курганцы стали привозить из Москвы, Свердловска и других крупных городов. Правда, очереди были лишь за мясом и мясными продуктами по относительно дешевым государственным ценам. В кооперативных магазинах и на колхозных рынках мясо продавалось свободно, но в два – три раза дороже, чем в государственных магазинах. Талоны на мясо вводились не потому, что его не имелось в продаже вообще, а чтобы малоимущие слои населения могли его купить по более дешевой цене. Сложилась ситуация, когда из-за разной возможности доступа к относительно дешевым дефицитным мясным продуктам в государственной торговле средняя цена покупки одного килограмма

мяса была у материально более высокообеспеченных лиц в полтора – два раза ниже, чем у малообеспеченных.

Центральный рынок г. Кургана в любое время года был завален свежими овощами и фруктами. В то же время очереди за свежими огурцами, помидорами, яблоками, апельсинами, мандаринами в государственных магазинах оставались огромными, так как здесь овощи и фрукты стоили вдвое – втрое дешевле. Если бы государственные цены на продукты были такими же, как и рыночные, то витрины магазинов были бы завалены этими продуктами. Но именно витрины, а не холодильники граждан. Часть продуктов с государственных торговых баз и из магазинов поступала незаконным путем на рынок и там перепродавалась по спекулятивным ценам.

Доступ к дешевым высококачественным продуктам по государственным ценам был у различных категорий населения разным. Начальство в центре и на местах получало продукты через закрытые от остального населения специальные распределители под видом «заказов». Высококачественные и умеренные по цене продукты и деликатесы припрятавали для себя, своих родных и друзей торговые работники. Через «черный ход» отоваривались милиционеры, народные контролеры, служащие санэпидстанции, железнодорожные и авиационные кассиры и другие «нужные» люди, т. е. все те, от кого торговые работники зависели. Дефицит стал, по словам сатирика А. Райкина, важнейшим регулятором отношений между людьми. Доступ к дефицитным товарам являлся на обыденном уровне показателем престижа того или иного человека в микросреде его обитания. Влиятельными считались те люди, которые могли «достать» черную или красную рыбную икру, деликатесную рыбу, лучшие сорта кофе, чая, вин, коньяков, конфет и многое другое.

В крупные города страны везли мясо не только из сельской глубинки СССР, но и из-за границы. В Свердловске продавали мясо и мясные продукты из Франции, Китая и даже из Бразилии и Аргентины. Свердловчане снабжались мясом лучше, чем курганцы. А вот с молоком и молочными продуктами было наоборот. Значительная часть свежих и консервированных огурцов, помидоров, яблок, груш, вишен, слив поступала в СССР из Венгрии, Болгарии, Югославии и других стран. Удельный вес импорта в потреблении населением СССР продуктов питания показан в табл. 18.

Наибольший удельный вес импорта в потреблении советскими людьми продуктов питания занимали сушеные фрукты и ягоды (от 60,6 до 81,7 процента), сахар (от 20,4 до 31,4 процента) и чай (от 25,1 до 31,0 процента). Это связано в значительной мере с природно-климатическими условиями нашей во многом северной страны. Однако в 1970 – 1980-е годы СССР значительно увеличил импорт и тех продуктов питания, которые при определенных условиях могли бы производиться в достаточном количестве и отечественными сельскохозяйственными производителями. За 1960 – 1985 годы удельный вес импорта в потреблении населением СССР зерна вырос с 0,2 до 20,3 процента,

мяса и мясных продуктов – с 1,5 до 7,4, масла животного – с 0,6 до 15,6, растительного масла – с 3,8 до 25,3 процента. Основная причина неспособности удовлетворить потребности населения в этих продуктах питания – недостатки в нашем агропромышленном секторе экономики.

Таблица 18

Удельный вес импорта в потреблении населением СССР продуктов питания, % ³⁸

Продукты питания	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Зерно (кроме крупяного)	0,2	1,2	13,7	20,3
Сахар – сырец	20,4	25,4	31,4	26,2
Чай	26,7	25,1	29,9	31,0
Мясо и мясные продукты	1,5	2,3	8,3	7,4
Масло животное	0,6	0,2	16,5	15,6
Растительные масла продовольственные	3,8	2,6	12,4	25,3
Овощи свежие	0,9	0,8	0,5	0,7
Фрукты и ягоды свежие	6,4	5,5	6,4	6,5
Фрукты и ягоды сушеные	62,6	81,0	81,7	60,6

В некоторые города стали привозить молоко и молочные продукты и не совсем законно торговать ими частные лица. Местные власти закрывали на это глаза, боясь возмущения горожан. Многие городские жители, особенно молодежь, еще не порвавшие связей с деревней, привозили в город продукты, произведенные в личных подсобных хозяйствах родителей или других родственников. В выходные дни пригородные электропоезда были заполнены сумками с этими продуктами. Но наблюдался и обратный процесс. Многие сельские жители везли из города колбасу, фрукты и даже хлеб. Наша молодая семья нехватки мяса, сметаны и сливочного масла тогда не ощущала. В 25 километрах от города жили родители жены, у которых было много скота, а поэтому мясо и молочные продукты имелись и у нас. Однако для этого мне пришлось в течение почти двадцати лет во время летних отпусков заниматься заготовкой сена.

Таким образом, несмотря на большие очереди за продуктами и талонную систему их распределения, даже малообеспеченные слои населения имели на своем столе мясо, молоко и другие полезные продукты питания. Вместе с тем, как видно из табл. 17, в середине 1980-х годов советский человек в среднем потреблял лишь 74,4 процента мяса и мясных продуктов, 80 процентов молока и молочных продуктов, 68,5 процента овощей и бахчевых плодов, 40,3 процента фруктов и ягод, 88,7 процента яиц от необходимой рациональной нормы питания. Достигнута или превзойдена эта норма была по потреблению рыбы и рыбных продуктов, растительного масла, сахара, картофеля, хлеба и хлебных продуктов. К середине 1980-х годов наша страна стала все же приближаться к

необходимому уровню потребления основных продуктов питания за исключением овощей, фруктов и ягод.

В 1983 – 1985 годах советский человек потреблял в сутки в среднем 98,3 грамма белка, а американец – 104,4 грамма. Разница не такая уж большая. Однако американец потреблял больше жиров – 167,2 грамма против наших 99,2 грамма. Полезно ли для организма обилие жиров? Не всегда. Кроме того, в США пищевая промышленность отработала технологию производства дешевой, красивой и вкусной пищи для бедной части населения – пищи очень плохой и вредной («еда – мусор»). Таким образом, и по калорийности, и по сбалансированности питание в СССР в 1970-е – первой половине 1980-х годов в общем было хорошим. По совокупности показателей питания населения Всемирная организация продовольствия (ФАО) поставила СССР на седьмое место в мире. Тем не менее, антисоветским идеологам удалось через пресловутый образ «сорока сортов колбасы» навязать населению Советского Союза устойчивое убеждение в том, что мы недоедаем³⁹.

И все же советская статистика грешила приукрашиванием действительности. Сплошь и рядом в качестве мяса без всякого перерасчета учитывались сало, животный жир – сырец, субпродукты второй категории. Некоторые экономисты считают, что таким образом накручивалось около шести килограммов среднестатистического потребления мяса, что завышало его в статистических отчетах на 10 процентов. Различные категории населения ели не в равной мере. Причем неравномерность потребления продуктов питания часто никак не была связана с индивидуальным трудовым усердием людей, что вызывало острое чувство социальной несправедливости. На особом положении находились работники торговли, чувствовавшие себя стоящими выше покупателей, которых они нередко презирали. Менталитет торгового работника очень сильно отличался от менталитета основной массы советских людей. Даже внешне чувствовалось, что это люди из какого-то другого мира.

Многие продукты, которые имелись в магазинах под прилавками, часто портились и были низкого качества. При проверке народными контролерами качества продаваемых продуктов браковалось более четверти яиц и более половины мяса и мясных продуктов. Не отвечали санитарным требованиям 25 процентов молочных заводов и 30 процентов мясокомбинатов. Все больший удельный вес в пище советского человека стали занимать консервированные продукты. С 1965 по 1988 год доля консервов в общем объеме проданных в государственной и кооперативной торговле рыбных продуктов увеличилась с 21 до 38 процентов. Душевое потребление свежих рыбных продуктов уменьшилось⁴⁰.

С 1970 по 1987 год цены на мясные продукты на колхозном рынке выросли почти на 75 процентов. С 1970 года потребление мясных и молочных продуктов в семьях с душевым доходом до 75 рублей в месяц (а это свыше 40 миллионов советских людей, каждый пятый житель СССР) снизилось на 30 – 35 процентов. В 1976 – 1985 годах прирост потребления продуктов, по которым не была до-

стигнута рациональная норма питания, по сравнению с предыдущим десятилетием резко снизился. В целом по стране это снижение составило: по молочным продуктам – в семь раз, по мясным и рыбным – в четыре раза ⁴¹.

Со второй половины 1960-х годов советские люди получили возможность лучше одеваться. Продажа одежды, белья и обуви за 1960 – 1975 годы увеличилась в 2,5 – 3 раза, трикотажных изделий – в 5 раз, чулок и носков – более чем в 3,5 раза. Численность населения страны за это время возросла менее чем на 20 процентов. По количественным показателям обеспеченности населения одеждой и обувью наша страна приближалась к нормам минимального достатка, а иногда и превышала их. Потребление шерстяных тканей на душу населения страны достигло к середине 1970-х годов 2,8 кв. м при норме минимального достатка в 2 кв. м и норме изобилия в 5 кв. м, шелковых тканей – 5,9 кв. м (нормы - 5 кв. м и 12 кв. м соответственно), трикотажных изделий – 5 – 6 штук (нормы – 6 штук и 12 штук), кожаной обуви – 3 пары (нормы – 2 пары и 4 пары). Однако весьма остро стояла проблема качества изделий ⁴².

В 1965 – 1985 годах в нашей стране стало больше производиться тканей, трикотажных и швейных изделий, обуви. Это видно в табл. 19.

Таблица 19

Производство отдельных товаров легкой промышленности СССР ⁴³

Товары легкой промышленности	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Ткани, млрд кв. м	7,5	8,9	10,0	10,7	12,1
В том числе: шерстяные	0,5	0,6	0,7	0,8	0,7
хлопчатобумажные	5,5	6,1	6,6	7,1	7,7
льняные	0,7	0,8	0,9	0,8	0,9
шелковые	0,8	1,1	1,5	1,8	1,9
Чулки и носки, млрд пар	1,4	1,3	1,5	1,7	1,9
Трикотаж, млрд штук	0,9	1,2	1,4	1,6	1,7
Швейные изделия, млрд руб.	8,8	15,7	18,7	23,3	26,0
Обувь, млн пар	486	679	698	743	788

За 20 лет (1965 – 1985) производство тканей увеличилось в нашей стране в 1,6, в том числе хлопчатобумажных – в 1,4, шелковых – в 2,4 раза, шерстяных и льняных – незначительно. Почти удвоился выпуск трикотажных изделий, более чем в 1,5 раза больше было произведено обуви. Рост количества выпущенных швейных изделий в 2,6 раза, показанных в рублях, не означает такого же роста в натуральных величинах из-за роста цен на готовую одежду. Согласно данным выборочного учета Госкомстата СССР за период с 1970 по 1985 год удельный вес дешевых товаров с ценой до 70 – 80 руб. снизился: мужских зимних пальто – с 28 до 6, женских зимних пальто – с 10 до 0,4, пальто мужских демисезонных – с 23 до 3, пальто женских демисезонных – с 16 до 1, мужских костюмов – с 22 до 2 процентов. В то же время удельный вес доро-

гого ассортимента ценой свыше 100 – 120 руб. возрос: мужских зимних пальто – с 34 до 68, женских зимних пальто – с 53 до 87, пальто мужских демисезонных – с 35 до 70, пальто женских демисезонных – с 49 до 83, мужских костюмов – с 25 до 61 процента⁴⁴.

Часть предметов народного потребления поступала в СССР из-за рубежа. Удельный вес импорта в потреблении отдельных видов продукции показан в табл. 20.

Таблица 20

Удельный вес импорта в потреблении отдельных видов продукции, %⁴⁵

Виды продукции	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Хлопчатобумажные ткани	2,3	2,1	2,8	4,6
Шелковые ткани	7,1	6,4	8,8	7,3
Кожаная обувь	6,6	8,2	8,1	9,7

Следует отметить, что за 25 лет (1960 – 1985) импорт хлопчатобумажных тканей в СССР удвоился, а кожаной обуви увеличился почти в 1,5 раза. В 1985 году почти каждая десятая пара кожаной обуви, потребляемая жителями СССР, ввозилась из-за рубежа. Однако средняя цена одной пары импортной кожаной обуви, которая была втрое выше средней цены обуви отечественного производства, возросла с 29 руб. 28 коп. в 1975 году до 33 руб. 57 коп. в 1980 и до 38 руб. 55 коп. в 1984 году⁴⁶.

Увеличивалось потребление отдельных непродовольственных товаров легкой промышленности в расчете на душу населения СССР. Это можно проследить по табл. 21.

Таблица 21

Потребление отдельных непродовольственных товаров на душу населения СССР⁴⁷

Непродовольственные товары	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Ткани, кв. м	30,4	34,7	37,1
В том числе: хлопчатобумажные	21,2	23,8	25,9
шерстяные	2,7	2,7	2,4
шелковые	4,7	6,6	6,8
льняные	1,8	1,5	1,5
нетканые материалы типа тканей	...	0,1	0,5
Верхний трикотаж, штук	1,8	2,1	2,1
Бельевой трикотаж, штук	3,5	4,4	4,7
Чулки и носки, пар	6,0	6,8	7,2
Кожаная, текстильная и комбинированная обувь, пар	3,0	3,2	3,2

Из табл. 21 видно, что за 15 лет (1970 – 1985) выросло использование на душу населения тканей, за исключением шерстяных и льняных, увеличилось потребление верхнего и бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий и обуви. Правда, этот рост был не очень значительным, а расходование многих видов продукции не соответствовало рациональным нормам. Об этом свидетельствуют данные табл. 22.

Таблица 22

Степень соответствия использования тканей, одежды и обуви рациональным нормам потребления в СССР, % ⁴⁸

Вид продукции	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Ткани: хлопчатобумажные	61	68	76	83
шелковые	35	46	65	66
шерстяные	59	64	64	57
льняные	29	41	34	34
Бельевой трикотаж	35	37	47	50
Верхний трикотаж	22	45	52	52
Обувь	67	83	89	89

За 20 лет (1965 – 1985) степень соответствия потребления тканей (за исключением шерстяных и льняных) постепенно приближалась к рациональным нормам. Увеличилось использование трикотажных изделий, обуви. Несмотря на то, что степень удовлетворения потребностей в продукции легкой промышленности заметно повысилась, она все же оставалась низкой и к середине 1980-х годов. Потребности в более дорогих и качественных тканях (шелковых и шерстяных) удовлетворялась хуже, чем в хлопчатобумажных. Наблюдался острый дефицит модной, высококачественной одежды и обуви. Примерно каждое четвертое изделие верхнего трикотажа, по мнению покупателей, являлось некачественным. К обуви имелось еще больше претензий. 34 – 37 процентов обуви было низкого качества ⁴⁹. Магазины оставались переполнены немодной и некачественной одеждой и обувью, а за импортными изделиями выстраивались огромные очереди. Совершенно не удовлетворялся спрос на детскую одежду и обувь. Проблемой было приобрести детские колготки, шубку, пальто, зимнюю обувь. Из года в год дефицитными являлись зимние меховые мужские и женские шапки. Они в основном покупались рядовыми гражданами не в магазинах, а на вещевых рынках по ценам, которые в три – четыре раза превышали государственные. Купить простому советскому человеку в магазине шапку из ценного меха по государственной цене в принципе было невозможно. Такие шапки приобретало на торговых базах лишь высокое начальство. Кое-что доставалось работникам торговли. Часть продукции продавалась ими на вещевых рынках по спекулятивным ценам. В обычном магазине рядовой покупатель мог рассчитывать лишь на кроличью шапку, выстояв длинную очередь.

Она стоила в 1970-е годы 10 – 12 рублей, а ондатровая на рынке – 50 рублей.

Молодым женщинам трудно было подобрать в магазине готовое красивое платье или пальто. Поэтому большинство из них приобретали ткань, а затем либо сами шили себе одежду, либо заказывали ее в швейном ателье. Сложнее было с обувью. За модными импортными сапогами, туфлями и другой обувью всегда выстраивались длинные очереди. Эта обувь поставлялась в СССР из Италии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и других стран. А в это время вся наша страна распевала песню о том, что в наших русских сапожках ходят Лондон и Париж. Значительная часть молодых советских мужчин была одета в костюмы из ГДР, Польши, Румынии и других стран Восточной Европы.

Среди молодежи наблюдался ажиотаж вокруг фирменной заграничной одежды из джинсовой ткани. Многие юноши готовы были заплатить за импортные джинсовые брюки до 200 рублей. Появилась мода на дубленые шубы и полушубки из овчины как импортного, так и отечественного производства, в том числе и кустарного. В районах, где было развито овцеводство, открывались мастерские по пошиву одежды из овчины. Много шуб из овчины привозили на вещевые рынки России из Казахстана и Средней Азии. В первой половине 1980-х годов во многих местах страны обнаружилась нехватка постельного белья. В производстве хлопка были выявлены большие приписки. Из республик Средней Азии частные лица везли в Россию шубы, ковры, постельное белье, из Закавказья – трикотаж, обувь. Советские туристы, которые выезжали за рубеж, главным образом в страны Восточной Европы, везли одежду, обувь, ковры, посуду и многие другие товары.

В 1960 – 1980-е годы тип потребления становится в СССР более развитым. Если в первые послевоенные годы ведущее место занимало удовлетворение простейших нужд, связанных с питанием и одеждой, то уже начиная с 1960-х годов население приобретает все больше предметов культурно-бытового назначения длительного пользования – телевизоров, холодильников, стиральных и швейных машин. Динамика обеспечения населения СССР этими товарами в 1965 – 1985 годах показана в табл. 23.

Таблица 23

Динамика обеспечения населения СССР некоторыми товарами культурно-бытового назначения в расчете на 100 семей, штук⁵⁰

Вид товара	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Радиоприемные устройства	59	72	85	96
Телевизоры	24	51	85	97
Магнитофоны	2	7	25	37
Холодильники	11	32	86	91
Стиральные машины	21	52	70	70
Швейные машины	52	56	65	65

Из табл. 23 видно, что к середине 1980-х годов почти во всех семьях нашей страны имелись радиоприемники, телевизоры и холодильники. Наибольший прирост в обеспечении товарами длительного пользования пришелся на 1966 – 1975 годы. В дальнейшем прирост несколько замедлился из-за того, что значительная часть населения уже имела эти предметы.

Однако потребности в товарах культурно-бытового назначения удовлетворялись недостаточно. В статистическую отчетность попадало много предметов, которые к тому времени уже вышли из строя и не использовались. К тому же многие семьи не имели возможности покупать дорогостоящие предметы. Степень соответствия обеспеченности некоторыми товарами культурно-бытового назначения рациональным нормам показана в табл. 24.

Таблица 24

Степень соответствия обеспеченности населения СССР некоторыми товарами культурно-бытового назначения рациональным нормам, % ⁵¹

Вид товара	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Радиоприемные устройства	40	48	57	65
Телевизоры	19	41	68	78
Магнитофоны	5	17	62	92
Холодильники	10	30	78	83
Стиральные машины	26	63	85	85
Швейные машины	63	68	79	79

Таким образом, к середине 1980-х годов степень обеспеченности советских семей рациональным нормам составляла: по радиоприемникам – 65, по телевизорам – 78, по магнитофонам – 92, по холодильникам – 83, по стиральным машинам – 85, по швейным машинам – 79 процентов. Низкий процент обеспеченности радиоприемниками компенсировался наличием у населения телевизоров и радиотрансляционных точек проводного радиовещания.

Обеспеченность населения различных регионов страны товарами культурно-бытового назначения существенно отличалась от среднестатистических показателей. В 1979 году лаборатория конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института, опросив 829 жителей Кургана, работавших на различных предприятиях и проживавших в различных микрорайонах города, определила, что телевизор имели 69,3 процента опрошенных жителей, радиоприемник – 31,2, холодильник – 63,4, стиральную машину – 57,4, швейную машину – 43,9 процента. По обеспеченности основными предметами культурно-бытового назначения длительного пользования город Курган отставал от всесоюзных показателей. Еще большим был разрыв между обеспеченностью курганцев этими предметами и рациональными нормами. Степень обеспеченности составляла: по телевизору –

рам - 55,4 процента, по радиоприемникам – 21,0, по холодильникам – 57,6, по стиральным машинам – 70,0, по швейным машинам – 53,5 процента ⁵².

Эти показатели по городу Кургану либо приближались к средним обще-союзным по обеспеченности данными товарами сельской местности, либо были даже ниже их. Впрочем, Курган в конце 1970-х годов больше походил по своему облику и благоустройству не на областной центр, а в лучшем случае на районный. На рубеже 1970 – 1980-х годов купить в Кургане обычным путем холодильник, стиральную машину, телевизор цветного изображения было весьма затруднительно. Для этого надо было являться либо номенклатурным работником, либо участником Великой Отечественной войны, которым эти товары продавали по специальным талонам. Холодильник «Каспий», произведенный в Баку, мне пришлось везти в Курган с Украины, стиральную машину «Чайка», выпущенную в Челябинске, - из Туркмении, а цветной телевизор «Березка» харьковского производства приобрести случайно в живой очереди ветеранов войны г. Кургана, которые отказались этот телевизор покупать. Внешне он выглядел невзрачно, но работал много лет превосходно. Почти 30 лет безотказно работал холодильник «Каспий», не было особых претензий и к стиральной машине.

Степень соответствия обеспеченности товарами культурно-бытового назначения длительного пользования рациональным нормам в сельской местности СССР показана в табл. 25.

Таблица 25

Степень соответствия обеспеченности сельских жителей СССР некоторыми товарами культурно-бытового назначения рациональным нормам (на 100 семей), % ⁵³

Вид товара	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Радиоприемные устройства	37	46	51	60
Телевизоры	26	47	58	72
Магнитофоны	5	15	32	60
Холодильники	12	31	55	70
Стиральные машины	32	55	71	71
Швейные машины	66	77	84	85

Наиболее существенное отставание по обеспеченности сельских жителей от городских предметами культурно-бытового назначения длительного пользования наблюдалось в 1960-е – начале 1970-х годов. К середине 1980-х годов прослеживается тенденция к выравниванию этих показателей в городской и сельской местности, особенно по наиболее необходимым в быту предметам – телевизорам, холодильникам, стиральным и швейным машинам. По обеспеченности населения швейными машинами село даже обгоняло город. Это связано с тем, что в сельской местности труднее было купить готовую

одежду или заказать ее пошив в швейной мастерской. В этих условиях швейная машина для крестьянина являлась крайне необходимой. Отставание села в покупке некоторых дорогостоящих и относительно громоздких при транспортировке товаров народного потребления объясняется более низкой покупательной способностью сельского населения по сравнению с городскими жителями, нехваткой этих товаров в сельских магазинах, дополнительными дорожными хлопотами, связанными с доставкой бытовой и телевизионной техники из райцентров и городов в дома сельчан.

Проблемой сельских жителей являлись поездки по различным делам в райцентры и города. Между населенными пунктами страны было налажено транспортное сообщение пригородными железнодорожными электропоездами, рейсовыми автобусами. В труднодоступные из-за бездорожья райцентры и крупные села из областных центров летали небольшие пассажирские самолеты. Транспортные расходы пассажиров были невелики, а поэтому за проездными билетами почти всегда стояли очереди. В начале 1970-х годов на расстоянии до 10 километров от железной дороги проживала примерно одна треть сельского населения страны. В среднем удаленность сельских населенных пунктов от железной дороги составляла 97 километров. К середине 1980-х годов в нечерноземной зоне РСФСР из 13,5 млн сельских жителей около одного миллиона проживали в условиях бездорожья. За 1970 – 1985 годы протяженность дорог с твердым покрытием примерно удвоилась. К середине 1980-х годов в РСФСР автомобильные трассы с твердым покрытием были проложены от областных центров к 80 процентам сельских райцентров и к 75 процентам центральных усадеб колхозов и совхозов. Улучшение состояния дорог способствовало решению проблемы учебы и трудоустройства сельских жителей. 15 процентов сельского населения ездило ежедневно на учебу и работу в близлежащие города⁵⁴. Объем пассажирских перевозок пригородными поездами возрос в РСФСР с 1446 млн человек в 1960 году до 2799 млн человек в 1985 году. За этот же период количество пассажиров, перевезенных автобусами, увеличилось со 181 млн до 702 млн человек. То есть в пригородном сообщении преобладал железнодорожный транспорт⁵⁵.

Сельские жители стали больше приобретать транспортных средств в личное пользование. За 1966 – 1982 годы продажа им легковых автомобилей возросла в 24,5 раза. В первой половине 1980-х годов сельчане покупали около одной трети всех легковых автомобилей, поступавших в розничную торговлю⁵⁶.

В 1970-е – первой половине 1980-х годов спрос населения СССР на легковые автомобили не удовлетворялся, а по месту работы людей для покупки автомобиля составлялись списки очередников. В табл. 26 показана обеспеченность населения СССР личными транспортными средствами в 1970 – 1985 годах в расчете на 100 семей.

**Обеспеченность населения СССР личными
транспортными средствами (штук на 100 семей)⁵⁷**

Категории населения, год	Легковые Автомобили	Мотоциклы и мотороллеры	Велосипеды и мопеды
Все население			
1970 г.	2	7	50
1980 г.	10	10	49
1985 г.	15	14	55

Городское население			
1970 г.	нет данных	5	44
1980 г.	11	6	40
1985 г.	14	8	44

Сельское население			
1970 г.	нет данных	11	60
1980 г.	10	17	66
1985 г.	15	27	79

Из табл. 26 видно, что обеспеченность населения СССР велосипедами и мопедами росла в 1970 – 1985 годах в основном за счет сельских жителей. То же можно сказать и о динамике обеспеченности мотоциклами и мотороллерами. Сельчане в большей степени нуждались в этих видах транспорта. Да и по цене они были им доступнее. Количество легковых автомобилей, которое приходилось в среднем на 100 семей Советского Союза, являлось примерно одинаковым в городской и сельской местности несмотря на то, что покупательная способность сельчан оставалась в среднем ниже. В условиях дефицита продажа легковых автомобилей населению осуществлялась в планово-распределительном порядке. Для тружеников сельского хозяйства, особенно лучших руководителей колхозов и совхозов, рядовых передовиков производства, выделялись специальные лимиты на продажу автомобилей в качестве специфических премий.

До середины 1960-х годов личный автомобиль являлся для большинства советских людей предметом роскоши. Продажа легковых автомашин населению почти не росла. В 1965 году было продано в личную собственность 64 тысячи автомобилей (как и в 1955 году)⁵⁸. Резкий рост приобретения этого вида транспорта в личную собственность граждан начинается лишь с 1970 года, когда в продажу поступили первые автомобили «Жигули», выпущенные в городе Тольятти. Если в 1966 году населению СССР было продано 62 тыс. легковых автомобилей, то в 1970 г. – 123 тыс., в 1980 г. – 1193 тыс., в 1985 г. – 1568 тыс. В 1980 году на 100 советских семей приходилось в среднем 10 легковых автомобилей, 10 мотоциклов и мотороллеров, 49 велосипедов и мопедов. По данным социологического опроса, который проводился в 1979 году в г. Кур-

гане, среди опрошенных жителей автомобиль имели в личной собственности 6,9, мотоцикл – 11,1, велосипед – 5,8 процента⁵⁹. Правда, из-за бездорожья и отсутствия специальных велосипедных дорожек велосипед не являлся у курганцев популярным видом транспорта, он считался лишь детской и подростковой забавой.

В советское время легковой автомобиль был одним из самых дорогих товаров. Самая дешевая модель «Жигулей» ВАЗ – 2101, позже прозванная в народе «копейкой», стоила 5500 рублей. Несмотря на то, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих в СССР составляла в 1970 году 122 рубля, а в 1980 г. – 168,9 рубля, на покупку легковых автомобилей имелись весьма длинные списки очередников. Чтобы накопить деньги на самую дешевую модель «Жигулей» за четыре – пять лет, надо было откладывать в месяц по 100 рублей. Купить автомашину могли только люди с доходом значительно выше среднего. Дешевле стоили «Запорожец» и «Москвич»⁶⁰.

В 1975 году при общем объеме производства 1,2 млн легковых автомобилей (из них 667 тыс. составляла продукция ВАЗа) населению СССР было продано 725 тыс. штук; 336 тыс. машин пошло на экспорт. Парк легковых автомобилей в нашей стране достиг 4,7 млн, из которых 4 млн принадлежали гражданам. Обеспеченность населения Советского Союза составила 18 автомобилей на 1000 жителей. По этому показателю СССР приближался к странам – членам СЭВ, где обеспеченность автомобилями составляла от 23 до 90 автомобилей, но был весьма далек от капиталистических стран Европы – 160 – 308 автомобилей на 1000 жителей⁶¹.

К середине 1970-х годов «Жигули» заняли лидирующее положение в парке легковых автомобилей индивидуального пользования, потеснив все остальные марки. Если в 1968 году 53 процента среди частных автомашин составляли «Москвичи», 26 – «Победы» и «Волги», а 20 – «Запорожцы», то в 1976 году доля «Москвичей» упала до 25,5, «Запорожцев» – до 11,1, а «Волги» составляли 6,2 процента. Около половины автопарка составляли «Жигули»⁶².

При отсутствии развитой системы автосервиса и хроническом дефиците запасных частей повседневное техническое обслуживание автомобиля становилось для автолюбителя весьма непростой проблемой. «В России, – отмечалось в международном автомобильном обзоре середины 1980-х годов, – говорят, что автомобиль приносит хозяину радость дважды – когда он его купил и когда он его продал. Между этими периодами – сплошная пытка». И это происходило не от того, что автомобиль был так плохо сделан (Ничего подобного!!!). А от того, что дорожные условия, техобслуживание, ремонт, сохранность и приобретение бензина и масла являлись делом сложным, содержание автомобилей в хорошем рабочем состоянии было практически невозможным. Данные условия сложились из-за того, что в системе централизованного планирования удовлетворения потребностей покупателя эти услуги не являлись приоритетными⁶³.

В течение тридцати лет (1956 – 1985) в СССР практически не снижались темпы жилищного строительства. За 1956 – 1985 годы в СССР было построено 3107,5 млн кв. м жилой площади. Даже без учета жилья, которое построили до 1956 года, на одного жителя страны приходилось более 11 кв. м жилой площади. Некоторое снижение темпов строительства происходило за счет индивидуальных застройщиков (с 250,1 млн кв. м в 1956 – 1960 годах до 80,3 млн кв. м в 1981 – 1985 годах). Очевидно, что это было связано с увеличением цен на строительные материалы и расходов на транспорт, наем строителей, с острым дефицитом практически на все строительные материалы, а также стремительным ростом строительства жилья государственными, кооперативными предприятиями, учреждениями и организациями, а также колхозами.

В табл. 27 приводим данные официальной государственной статистики СССР о вводе в эксплуатацию жилых домов за годы шестой – одиннадцатой пятилеток (1956 – 1985).

Таблица 27

**Ввод в действие в СССР жилых домов
(млн кв. м общей (полезной) площади жилищ) ⁶⁴**

Годы	Всего построено жилых домов	Построено жилья государственными и кооперативными предприятиями и организациями	Построено жилья населением за свой счет с помощью государственного кредита	Построено жилья колхозами
1956 – 1960	474,1	224,0	250,1	-
1961 – 1965	490,6	300,4	184,9	5,3
1966 – 1970	518,5	352,5	153,8	12,2
1971 – 1975	544,8	407,3	120,8	16,7
1976 – 1980	527,3	413,8	91,4	22,1
1981 - 1985	552,2	436,5	80,3	35,4

В период 1956 – 1985 годов каждое пятилетие улучшали свои жилищные условия более чем 50 млн человек, то есть каждый четвертый житель страны. Об этом свидетельствуют данные табл. 28.

Из табл. 28 видно, что большинство граждан СССР, улучшивших свои жилищные условия, вселялись в новые дома. Таких было примерно две трети среди всех новоселов. В освободившиеся старые квартиры вселялась примерно одна треть лиц, улучшивших жилищные условия. В 1960 году на одного городского жителя страны приходилось 8,9 кв. м жилой площади, в 1970 г. – 11,2 кв. м, в 1980 г. – 13,1 кв. м, в 1985 г. – 14,1 кв. м. В сельской местности жилая площадь на одного жителя была больше чем в городах и поселках городского типа. В 1980 году она составляла 13,9 кв. м на человека, в 1985 г. – 15,6 кв. м ⁶⁶.

Таблица 28

**Численность граждан СССР, улучшивших жилищные условия
(млн чел.)** ⁶⁵

Годы	Численность лиц, получивших жилплощадь или построивших собственное жилье (всего)	Численность лиц, получивших жилплощадь или построивших собственное жилье в новых домах	Численность лиц, получивших или расширивших свою жилплощадь в ранее построенных домах
1956 – 1960	54,0	41,7	12,3
1961 – 1965	54,6	42,7	11,9
1966 – 1970	54,9	42,1	12,8
1971 – 1975	56,1	41,5	14,6
1976 – 1980	51,0	37,2	13,8
1981 – 1985	50,0	35,5	14,5

В 1970 – 1980-е годы наиболее распространенной разновидностью жилища в городах являлась отдельная изолированная квартира или дом. К началу 1970-х годов изолированные жилища имели более двух третей семей рабочих. 34 процента из них проживали в отдельных квартирах и 35 процентов в собственных домах. Среди сельских жителей девять десятых жили в изолированных жилищах. 20 процентов из них занимали отдельные квартиры и 71 процент – личные дома. По данным социологического опроса, проведенного в 1979 году, в г. Кургане в отдельных квартирах проживало 53,3 процента респондентов, в отдельных домах – 17,7, в одной комнате в общей квартире или в общежитии – 46,7 процента. Таким образом, не располагали нормальным благоустроенным жильем свыше 60 процентов опрошенных курганцев, так как подавляющее большинство частных деревянных домов не имело никаких удобств⁶⁷.

Табл. 29 дает представление о степени благоустройства городского жилищного фонда СССР.

Таблица 29

Благоустройство городского жилищного фонда СССР, % ⁶⁸

Виды удобств	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Водопровод	78,9	89,8	91,8
Канализация	75,8	87,8	89,7
Центральное отопление	73,6	86,5	88,9
Газ	64,6	79,7	78,3
Горячее водоснабжение	33,8	57,1	71,2
Ванна	60,7	79,9	83,2

Из данных табл. 29 видно, что к середине 1980-х годов полностью благоустроенным являлось более 70 процентов городского жилищного фонда стра-

ны. Не имели горячего водоснабжения 28,8, газа – 21,7 процента городских жилищ. По данным социологического опроса, проведенного в 1979 году, оснащение жилья коммунальными услугами в г. Кургане составляло: газовой плитой – 81,6, водопроводом – 67,3, центральным отоплением – 65,3, канализацией – 53,9, горячей водой – 51,7, ванной – 51,7, печным отоплением – 25,9, телефоном – 14,2 процента⁶⁹. По благоустройству жилья г. Курган значительно отставал от среднестатистических показателей городов СССР. Исключение составляла лишь газификация жилищ, которая опережала в этом городе средние показатели по стране.

Менялся интерьер жилищ. В отдельных квартирах новых домов кухня стала использоваться как столовая. Самая большая из комнат служила гостиной-столовой (столовой – в праздничные дни и при приеме гостей), хотя и могла в ночное время использоваться кем-либо из членов семьи как спальня. Индивидуальные дома, которые строились в 1960 – 1970-е годы по типовым проектам, имели обычно общую площадь 49,6 кв. м, жилую – 37,5 кв. м, три жилых комнаты площадью 11,04, 14,46 и 12,0 кв. м, кухню площадью 7,0 кв. м. Лучшие условия создавались молодежи и детям.

Интерьер квартир в новых домах типизировался по нескольким группам, отличавшимся друг от друга не отсутствием или наличием отдельных предметов, не их количеством, а в основном качеством. В семьях, где имелось больше работающих и меньше иждивенцев, при более высокой зарплате и направленности интересов семьи на улучшение интерьера квартиры, а не на увлечения различного рода (автомотоспорт, садоводство, путешествия), предметы интерьера были высокого качества и более дорогие. В семьях с небольшими доходами мебель была дешевой. В квартирах имелись ковры, причем не только на полу, но и на стенах. Выделялись специальные детские комнаты.

Весь облик жилища тех лет характеризовался прямыми линиями, цветовыми пятнами, отсутствием лишних декоративных предметов. Переезд многих семей в отдельные квартиры привел к появлению настроения сохранить в новых квартирах пространство, свет, воздух как реакцию на их прежнее проживание в условиях перенаселения и плотного окружения старыми и старинными предметами мебели и убранства, принадлежавшими представителям старшего поколения. Складывался гигиеничный, практичный, но слишком однотипный интерьер, в котором не было места тем декоративным элементам, комплекс которых создает индивидуальный облик квартиры и отражает лицо семьи⁷⁰. Создатели кинофильма «Ирония судьбы, или с легким паром!» отразили это очень удачно в художественной форме.

Среднестатистические данные об обеспеченности граждан СССР жилой площадью все же не дают вполне объективной картины удовлетворенности жильем разных категорий населения. Никакой уравниловки при распределении жилья в СССР не существовало. Новые квартиры, которые строились во второй половине 1970-х - первой половине 1980-х годов, очень отличались от малогаба-

ритных «хрущевок» по площади и по планировке. Часто при предоставлении квартир учитывалась лишь площадь жилых комнат. Остальные помещения – коридор, кухня, санузел – в расчет не принимались. Между тем в новых домах условия жизни были лучше за счет так называемых подсобных помещений, которые по площади в два – три раза превышали площадь подобных помещений в старых пятиэтажных «хрущевках». Формально же при постановке на квартирную очередь и получении жилья считалось, что люди, живущие в «хрущевках» и в новых домах, находились в равных жилищных условиях.

К началу 1970-х годов и позднее в СССР оставалось еще много семей, где на человека приходилось менее 3 кв. м жилой площади. Часто обеспеченность жильем не превышала 5 кв.м² на человека. 25 процентов городских рабочих и 30 процентов сельских жили в таких условиях. В изолированных жилищах, соответствовавших по площади санитарным нормам и имевших все удобства, проживало менее половины семей рабочих. К середине 1970-х годов доля граждан, живущих в отдельных государственных и кооперативных квартирах со всеми удобствами, несколько превысила 50 процентов общего числа городских семей. К середине 1980-х годов не менее 100 млн советских людей не имели жилья, соответствующего минимальной санитарной норме. Кроме того, свыше 43 млн человек (15 процентов населения) вообще не обладали собственным жильем и скитались по общежитиям, баракаам, полуподвалам и чужим углам⁷¹.

Это означало, что лица, которые распределяли жилье, осуществляли это распределение в свою пользу и в пользу тех, от кого зависели. Как и раньше, одни и те же люди улучшали свои жилищные условия систематически и неоднократно, а другие стояли в квартирных очередях по 15 – 20 лет и более. Примерно каждый десятый получал у нас жилье вне очереди. У многих номенклатурных работников и их отдельно живущих ближайших родственников государственная жилая площадь значительно (иногда в два – три раза) превышала существовавшие тогда санитарные нормы. Зато добрая половина населения не имела жилья по этим нормам.

В одной из научных работ по политэкономии говорилось: «Никакие ссылки на распределение по труду не могут оправдать колоссальных различий в жизненных условиях подрастающего поколения. К тому же, различия в жилищных условиях более фиксированы, более очевидны, чем, скажем, различия в питании. Дифференциация жилищных условий порождает комплекс негативных психологических факторов: напряженность внутрисемейных отношений, чувство вины перед детьми за ненормальность жизненных условий, чувство социальной бесперспективности»⁷².

Улучшение жилищных условий людей вызывало повышенный спрос на новую современную мебель. Ее производство и продажа увеличивались. Значительная часть мебели поступала в СССР по импорту. Удельный вес импорта постоянно увеличивался: 1960 год – 9,3, 1970 год – 12,4, 1980 год – 15,7

процента ⁷³. Мебель являлась одним из самых дефицитных товаров. Купить ее было проблемой. Без помощи тестя, который являлся участником Великой Отечественной войны и имел льготы на покупку дефицитной мебели, я бы не смог приобрести диван-кровать, письменный стол, платяной шкаф.

Уровень благосостояния населения наиболее показательно отразился на состоянии здоровья людей, продолжительности их жизни. На XXIII съезде КПСС говорилось о том, что в 1966 году в СССР охраной здоровья людей было занято более 4 миллионов врачей и других работников здравоохранения ⁷⁴. В 1960 году в нашей стране работало 431,7 тыс. врачей, в 1970 г. – 668,4 тыс., в 1980 г. – 997 тыс., в 1985 г. – 1170 тыс. В 1980 году в СССР трудилось 2814 тыс. человек среднего медицинского персонала, а в 1985 г. – 3159 тыс. Если в 1960 году один врач приходился на 492 жителей СССР, то в 1970 – на 362, а в 1980 – на 263 жителей. В 1970 году на 10 тысяч жителей СССР имелось 27,4 врача, 87,2 чел. среднего медицинского персонала и 109,4 больничных койки. В 1983 году в среднем по стране в расчете на 10 тысяч жителей приходилось 127,9 больничных койки, 40,4 врача и 111 лиц среднего медицинского персонала. Обеспеченность населения СССР больничными койками увеличилась с 80,4 в 1960 году до 109,2 в 1970 году на 10 тысяч человек.. В 1966 году этот показатель составлял в Англии 102, в Италии – 99, в США – 85, во Франции – 80. В начале 1980-х годов обеспеченность больничными койками в нашей стране находилась на уровне самых высоких международных стандартов, а обеспеченность населения врачами значительно превышала показатели большинства экономически развитых капиталистических стран ⁷⁵.

В 1960-е годы в СССР наметилась тенденция к устойчивому снижению уровня заболеваемости с временной утратой трудоспособности рабочих. За 1964 – 1968 годы производственный травматизм снизился на 40 процентов, а в 1968 – 1972 годах – еще на 35 процентов. В начале 1970-х годов СССР относился к числу стран с самым низким уровнем травматизма ⁷⁶.

Прослеживалась тенденция снижения заболеваемости населения СССР брюшным тифом, скарлатиной, дифтерией, полиомиелитом, корью, о чем свидетельствуют показатели табл. 30.

Таблица 30

**Заболеваемость населения СССР некоторыми болезнями,
число случаев на 100 тыс. чел.⁷⁷**

Болезни	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Брюшной тиф	11	9	10	6	6
Скарлатина	230	194	142	87	100
Дифтерия	2	0,45	0,08	0,13	0,55
Полиомиелит	0,13	0,11	0,05	0,06	0,05
Корь	922	194	143	134	99
Рак	Н. д.	605	н. д.	837	949

Из болезней, приведенных в табл. 30, снижение заболеваемости прослеживается по всем видам за исключением рака. Очевидно, что рост заболеваемости раком происходил из-за ухудшения экологической ситуации в стране и злоупотребления курением.

Продажа населению алкогольных напитков и табачных изделий через государственную и кооперативную торговлю в течение 1960-х – первой половины 1980-х годов постоянно увеличивалась. Период брежневского правления многие называли не столько «застойным», сколько «застольным». Пьянство приняло в стране массовый характер. В него были вовлечены практически все слои населения, включая номенклатурных работников, интеллигенцию, а также молодых женщин. Многие девушки и молодые женщины курили табачные изделия. Некоторое снижение продажи алкогольных напитков в 1985 году в связи с попыткой борьбы против пьянства и алкоголизма не означало снижения в потреблении этих напитков. Повсеместно любители спиртного переходили на самогон и другую алкогольную продукцию домашней выработки (плодово-ягодное вино, брагу и т. п.).

В табл. 31 показано количество проданных алкогольных напитков и табачных изделий в СССР через государственную и кооперативную торговлю, включая общественное питание.

Таблица 31

**Продажа в СССР алкогольных напитков и табачных изделий
через государственную и кооперативную торговлю, включая
общественное питание (млн декалитров)⁷⁸**

Алкогольные напитки и табачные изделия	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Водка и ликеро - водочные изделия	144,1	230,4	293,9	251,2
Вино виноградное	69,9	273,9	347,8	307,2
Вино плодово – ягодное	20,7	47,7	137,3	79,6
Коньяк	1,5	4,6	9,2	8,5
Шампанское	2,8	6,8	14,9	21,9
Пиво	251,9	421,1	620,7	667,8
Табачные изделия, млрд штук	247,9	358,3	425,9	432,5

Из табл. 31 видно, что в 1960 – 1985 годах продажа в СССР водки и ликеро-водочных изделий увеличилась в 1,7, виноградного вина – в 4,4, плодово-ягодного вина – в 3,8, коньяка – в 5,7, шампанского – в 7,8, пива – в 2,6, табачных изделий - в 1,7 раза.

Алкоголизм приобрел в СССР чудовищные размеры. На Пленуме Верховного суда СССР приводились результаты исследования, проведенного в одном из районов Литвы. В 1963 году здесь на одного жителя приходилось в среднем 8 литров водки, а в 1973 – 28,5 литра. В среднем каждый житель это-

го района потратил в 1973 году на водку 230 рублей, а на книги – три рубля. В 1974 году в Советском Союзе к суду было привлечено 600 тысяч шоферов за вождение машины «в нетрезвом виде». Пьянство назвал серьезной проблемой Л. И. Брежнев в докладе на XXVI съезде КПСС. По непроверенным нами сведениям зарубежной печати 40 процентов советского населения страдало алкоголизмом, 20 процентов – неизлечимо. По данным официальной советской государственной статистики, в первой половине 1980-х годов наблюдался рост заболеваемости населения СССР алкоголизмом и наркоманией. Больных, состоящих на учете в медицинских учреждениях с диагнозом «алкоголизм и алкогольный психоз», в расчете на 100 тысяч жителей СССР в 1980 году насчитывалось 1236 чел., а в 1985 – 1617 чел. В 1980 году на 100 тыс. чел. на учете в наркологических диспансерах состояло 13,6 наркомана и токсикомана, а в 1985 – 14,9 тыс. На 100 тыс. жителей больных с впервые установленным диагнозом «алкоголизм и алкогольный психоз» насчитывалось в 1980 году 206, а в 1985 году – 217 человек. Количество вновь выявленных наркоманов и токсикоманов увеличилось на 100 тыс. жителей с 1,3 в 1980 году до 3,5 в 1985 ⁷⁹.

Правда, проблема алкоголизма и наркомании стояла не только перед нашей страной. Наркомания пришла к нам в основном из-за рубежа в последние десятилетия существования СССР и больше была распространена в среднеазиатских и кавказских республиках среди мусульманского населения, которое почти не употребляло алкогольные напитки. В табл. 32, приведенной ниже, показано, что в 1980-е годы во всех названных в ней странах прослеживается тенденция к снижению потребления алкогольных напитков. При этом наиболее резкое снижение происходило в СССР. Это было связано, во-первых, с объявлением в стране в 1985 году борьбы против пьянства и алкоголизма; во-вторых, со снижением уровня жизни части населения; в-третьих, с увеличением потребления в СССР самогона и других алкогольных напитков домашней выработки, которые не были учтены государственной статистикой. На наш взгляд, в СССР алкогольная продукция домашней выработки составляла в потреблении спиртных напитков весьма значительный удельный вес и не учитывалась официальными статистическими органами.

В 1970-е – первой половине 1980-х годов в СССР дальнейшее развитие получила специализированная медицинская помощь, было улучшено обеспечение населения лекарствами, возросла техническая оснащенность учреждений здравоохранения, значительно расширился объем лечебной и профилактической помощи населению. В начале 1980-х годов под диспансерным наблюдением находилось около 50 млн человек, а свыше 100 млн человек в год проходили периодические профилактические осмотры ⁸¹.

Партийно-правительственным постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» (сентябрь 1977 г.) была выдвинута комплексная программа мер по совершенствованию службы здоровья. В августе 1982 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление

«О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения». В этих документах говорилось о низком качестве медицинского обслуживания и других недостатках. На XXVI съезде КПСС (1981 г.) говорилось о том, что в ряде мест не хватало не только врачей, но и кадров среднего и младшего медицинского персонала, устарело оборудование, не хватало современных лекарств. Плохо выполнялись планы строительства больниц и здравниц ⁸².

Таблица 32

Потребление алкогольных напитков всех видов в отдельных странах (на душу населения; литров абсолютного алкоголя) ⁸⁰

Страна	1980 г.	1985 г.	1988 г. *
СССР	8,7	7,2	3,7
Великобритания	8,5	8,4	8,6
Венгрия	11,7	11,5	10,3
Италия	13,9	12,5	11,7
США	8,6	8,3	8,0
Франция	15,8	14,0	13,3
ФРГ	10,0	9,3	9,1
Чехословакия	9,4	9,3	8,8

Примечание: * По Великобритании, Италии, США и Франции данные приведены за 1987 год.

Для повышения продолжительности жизни и трудовой активности советских людей, укрепления их здоровья большое значение имело совершенствование отдыха трудящихся. В стране постоянно росла сеть санаторно-курортных учреждений, домов отдыха, пансионатов и профилакториев. В 1961 – 1971 годы число санаториев-профилакториев возросло в два раза и достигло 1700, а количество мест в них увеличилось более чем в 3,5 раза. К концу 1960-х годов 80 процентов рабочих и служащих пользовались услугами санаторно-курортных учреждений, пансионатов и домов отдыха, отдыхали и лечились в здравницах профсоюзов по льготным и бесплатным путевкам ⁸³.

В 1970-е – начале 1980-х годов сеть санаторно-курортных учреждений, домов отдыха, пансионатов и профилакториев предприятий, учреждений и организаций продолжала расширяться. В 1970 году насчитывалось 9167 санаториев и учреждений отдыха (без одно-, двухдневных), в которых имелось 1311 тыс. коек (мест), а в 1981 - 13523 и 2189 тыс. соответственно ⁸⁴.

Кроме того, в 1981 году в стране функционировало 2,6 тыс. учреждений отдыха одно-, двухдневного пребывания на 176 тыс. мест. Всего в 1981 году в санаториях, учреждениях отдыха, на туристских маршрутах и базах лечилось и отдыхало 59 млн трудящихся и членов их семей, из них 42 млн человек пользовались длительным лечением и отдыхом, 7 млн – одно-, двухдневным отдыхом, 10 млн – отдыхом на туристских маршрутах выходного дня. Из

числа длительно лечившихся и отдохавших около трети получили путевки за счет средств социального страхования и государственного бюджета – бесплатно или по льготным ценам с оплатой только 30 и 50 процентов стоимости путевки. Кроме того, сотни тысяч трудящихся получили путевки бесплатно или по льготным ценам за счет средств фонда социально-культурных мероприятий и фонда предприятия. Около 27 млн детей и подростков в течение лета отдыхали в пионерских и школьных лагерях, на экскурсионно-туристских базах или выезжали с детскими учреждениями в дачные местности⁸⁵.

Однако следует учесть, что путевки в санатории и дома отдыха распределялись в советское время, на наш взгляд, несправедливо. В лучшие учреждения для отдыха и лечения и в лучшее время года путевки получали преимущественно партийные, советские, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные руководящие работники и члены их семей. Одни и те же люди ежегодно пользовались лечением и отдыхом в лучших санаториях и домах отдыха Крыма и Кавказа по льготным путевкам или бесплатно, а другие могли в лучшем случае лишь один – два раза за всю свою жизнь побывать в санатории или доме отдыха, да и то более низкой категории. Номенклатурные работники обычно к своим отпускным деньгам получали еще дополнительно и так называемые «лечебные» деньги. Фактически люди, которые были более обеспеченными, несли намного меньше расходов на питание, одежду и отдых, чем малоимущие. Это отрицательно сказывалось на психологическом состоянии основной массы населения и плохо влияло на здоровье людей. Для номенклатурных работников существовали так называемые спецполиклиники и спецбольницы, которые по своему оснащению, комфорту, качеству лечения и питания намного отличались в лучшую сторону от обычных поликлиник и больниц. Так называемые спецполиклиники и спецбольницы радовали глаз ослепительной чистотой и белизной, новой современной мебелью и медицинской аппаратурой. В обычных же больницах даже здоровый человек мог заболеть. Повсеместно виднелись серые стены с отпавшей штукатуркой, грязные полы, ржавые койки, скученность больных в палатах, а иногда и в коридорах.

В 1983 году в СССР в расчете на 10 тысяч жителей приходилось 127,9 больничных коек. Это не меньше, чем в других развитых странах. Но много ли это? В качестве санитарной нормы Министерство здравоохранения СССР определило 140 больничных коек на 10 тысяч жителей. При этом по санитарным нормам площадь на одну койку должна была составлять 7 кв. м, а имелось лишь 4,2 кв. м. То есть в 1983 году на имеющихся в лечебных учреждениях площадях можно было разместить не 127,9 койки, как показывалось в статистике, а лишь 77 (или 60,2 процента от потребностей населения)⁸⁶. Палаты переполнялись больными, часть больных лежала в коридорах, а значительное количество коек лишь числилось на бумаге и валялось на складах.

Из-за низкой плотности населения для многих сельских жителей РСФСР медицинская помощь оставалась малодоступной. В начале 1980-х годов 40

процентов районных и участковых больниц были расположены в ветхих и плохо приспособленных помещениях, в 65 процентах районных больниц не имелось горячего водоснабжения, в 27 процентах отсутствовала канализация, в 17 процентах – водопровод. Потребности здравоохранения в медицинской технике удовлетворялись на 60 процентов, причем современному уровню соответствовало только 30 процентов аппаратуры ⁸⁷.

Потребление алкогольных напитков и табака, ухудшение экологической ситуации в стране, повышение ритма жизни и психических нагрузок в связи с научно-технической революцией, информационным взрывом, недостатки в медицинском обслуживании населения, война в Афганистане – все это привело к тому, что в 1970-е – первой половине 1980-х годов увеличилась смертность, сокращалась средняя продолжительность жизни населения. В 1960 году на 1000 жителей СССР приходилось 7,1 умерших, в 1970 г. – 8,2, в 1980 г. – 10,3. Если в 1964 – 1965 годах средняя продолжительность жизни составляла в СССР 70,4 года, то в 1984 она сократилась до 67,7 года. Увеличение с 1970 по 1980 год смертности людей в трудоспособном возрасте с 443 до 553 человек на каждые 100 тысяч жителей означало, что в 1980 году дополнительно умер в трудоспособном возрасте каждый тысячный житель страны, то есть абсолютный прирост умерших равнялся 297 тысячам человек. Из умерших в 1985 году в трудоспособном возрасте 31 процент умер от болезней системы кровообращения, 27,6 – от несчастных случаев, отравлений и травм, 21,5 – от злокачественных новообразований, 5,9 – от болезней органов дыхания, 14 – по другим причинам. Между 1970 и 1975 годом детская смертность в СССР возросла более, чем на одну треть. Американские исследователи установили, что советские власти не включали в статистические данные около 14 процентов всех случаев детской смертности. По их подсчетам детская смертность в Советском Союзе составляла 40 человек на 1000 родившихся, в то время как в США и в Западной Европе лишь 13 на 1000. Средняя продолжительность жизни была на шесть лет короче, чем в других развитых странах. В 1975 году каждая возрастная группа в СССР имела более высокую смертность, чем в 1960. В возрастной группе свыше 50 лет смертность увеличилась почти на 20 процентов, для 40-летних – более чем на 40 процентов. Снижались расходы на здравоохранение (1965 г. – 6,6 процента государственного бюджета, 1978 г. – 5,2 процента). Эти средства тратились в основном не на улучшение качества медицинского обслуживания, а на его расширение. Между тем лишь грипп убивал ежегодно десятки тысяч детей в младенческом возрасте. Хотя в СССР медицинского персонала имелось в два раза больше чем в США, качество медицинского обслуживания было гораздо хуже. Правда, оно являлось бесплатным. Медицинские работники оставались одной из самых низкооплачиваемых категорий работников в СССР ⁸⁸.

Увеличение смертности населения зависело и от того, что размеры пенсий у стариков и инвалидов были нищенскими. В 1970 году среднемесячная

пенсия по стране составляла лишь 28,2 процента среднемесячной зарплаты рабочих и служащих, в 1980 г. – 33,9, в 1985 г. – 38,2 процента. Среднемесячный размер пенсии был намного ниже, чем доход у человека, официально считавшегося малообеспеченным. К тому же в начале 1980-х годов минимальную пенсию по возрасту (до 70 рублей в месяц) получал каждый четвертый пенсионер, а среди инвалидов таких насчитывалось намного больше. В несколько лучшем материальном положении находились участники и инвалиды Великой Отечественной войны, а также пенсионеры вооруженных сил, МВД и КГБ СССР. Они получали повышенные пенсии, для них открывались специальные ветеранские магазины с дефицитными товарами по сравнительно низким государственным ценам. Для проживания и лечения престарелых и инвалидов в СССР была создана сеть государственных учреждений. К концу 1981 года число коек во всех домах-интернатах для престарелых и инвалидов увеличилось по сравнению с 1960 годом в два раза и составило 370 тыс.⁸⁹

Повседневная жизнь подавляющего большинства советских людей проходила в семьях. Семья – это важнейшая первичная ячейка общества, от которой зависит воспроизводство населения, через которую на обыденном уровне идет воспитание новых поколений, осуществляется социализация личности, ее способность к жизнедеятельности в условиях макро- и микросреды общественного бытия. Семья включает в себя группу людей, связанных кровным родством, имеющих общий бюджет и ведущих совместное домашнее хозяйство. По данным переписи 1959 года, в СССР насчитывалось более 50 млн семей, в 1970 году – 58,6 млн, в 1979 году – 66,3 млн, в 1982 году – около 70 млн. Распределение семей среди городского и сельского населения СССР, доля людей живших в семьях, а также отдельно от семьи и одиночек представлена в табл. 33.

Таблица 33

Изменение числа семей в СССР⁹⁰

Данные о семьях	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Число всех семей в СССР, млн	50,30	58,60	66,30
В том числе: городских, млн	24,40	34,00	42,40
сельских, млн	25,90	24,60	23,90
Доля людей, живущих в семьях СССР, %	89,60	90,35	89,25
Доля людей, живущих в городских семьях, %	86,80	87,80	87,20
Доля людей, живущих в сельских семьях, %	92,40	92,90	91,30
Доля людей в СССР, живущих отдельно от семьи и одиночек, %	10,40	9,65	10,75
Доля городских жителей, живущих отдельно от семьи и одиночек, %	13,20	12,20	12,80
Доля сельских жителей, живущих отдельно от семьи и одиночек, %	7,60	7,10	8,70

Таким образом, к концу 1970-х годов 89,25 процента населения СССР проживало в семьях, а 10,75 процента жили отдельно от семьи или являлись одиночками. Больше семейных было среди сельских жителей, так как в условиях сельской жизни много сил приходится отдавать личному подсобному хозяйству, с которым в одиночку очень трудно справиться.

В табл. 34 представлено распределение семей СССР по типам и величине семьи на 100 тысяч всех семей.

Таблица 34

**Распределение семей СССР по типам и величине
семьи в 1979 году, % ⁹¹**

Типы семей	Всего семей	Из двух-трех человек	Из четырех - шести человек	Из семи и более человек
Всего семей	100	58,5	36,6	4,9
Из них семей:				
с одной супружеской парой с детьми и без детей	66,1	41,7	22,2	2,2
то же с родителями и прочими родственниками и семей с двумя супружескими парами	17,6	2,6	12,4	2,6
неполных семей (матери или отцы с детьми)	11,8	10,9*	0,8	0,1
прочих семей	4,5	3,3	1,2	0,0

Примечание: * Из них $\frac{3}{4}$ с одним ребенком, $\frac{1}{4}$ с двумя детьми.

Из табл. 34 видно, что значительная часть небольших семей из двух – трех человек – это семьи, состоявшие из супружеской пары с одним ребенком или без детей, а также неполные семьи (главным образом с одним ребенком). Среди семей из четырех – шести и особенно из семи и более человек преобладали семьи сложного состава, а в сельской местности, кроме того, – семьи с большим числом детей. Среди городского населения семей с супружеской парой и одним ребенком было относительно больше, чем среди сельского. На селе больше насчитывалось семей с двумя и более детьми: 27,5 против 22,6 процента. Доля больших и сложных семей среди сельского населения была значительно выше. Отмеченные особенности состава семей являлись неодинаковыми в разных республиках СССР, но различия эти невелики и касались в основном числа детей в семьях: в среднеазиатских республиках многодетных семей было больше, а неполных – меньше ⁹².

Важнейшей функцией семьи является воспроизводство населения. На

процессы рождаемости влияли многочисленные факторы, связанные с возрастом женщин, их положением в обществе, занятостью в общественном производстве, национальными особенностями, уровнем образования, характером труда и источниками средств существования, размером дохода. У работающих женщин с более высоким уровнем образования и более высокими доходами, как правило, рождалось меньше детей. На рождаемость влияли и периодически наступающие демографические подъемы и спады, уходящие своими корнями в прошлое. Так, более резкое сокращение общего показателя рождаемости к 1970 году объясняется тем, что в 1960-е годы в возраст, наиболее благоприятный для деторождения (20 – 29 лет), вступали женщины, родившиеся во время войны и в первые послевоенные годы, когда рождаемость была низкой. Результаты сокращения рождаемости в 1960-е годы влияли на снижение общего показателя в 1980-е годы. Количество родившихся, умерших и естественный прирост населения СССР в расчете на 1000 жителей представлены в табл. 35.

Таблица 35

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения СССР (на 1000 жителей) ⁹³

Год	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
1960	24,9	7,1	17,8
1970	17,4	8,2	9,2
1975	18,1	9,3	8,8
1980	18,3	10,3	8,0
1981	18,5	10,2	8,3
1982	19,0	10,1	8,9

Резкое снижение естественного прироста произошло в начале 1970-х годов, а с 1981 года это снижение прекратилось. Население СССР выросло с 208,8 млн человек в 1959 году до 229,6 млн в 1965 году, 241,7 млн в 1970 году, 262,4 млн в 1979 году, 286,7 млн в 1989 году. Этот рост происходил в основном за счет естественного прироста населения. Например, в 1989 году городское население страны увеличилось по сравнению с 1979 годом на 25,2 млн человек, в том числе за счет естественного прироста – на 14,6 млн, миграционного притока и преобразования сельских пунктов в городские – на 10,6 млн человек. Сельское население вследствие миграционного оттока и преобразования сельских населенных пунктов в городские уменьшилось на 0,9 млн человек ⁹⁴.

Семьи в СССР существенно отличались по уровню доходов и по структуре расходов. По мере повышения доходов возрастала доля средств на покупку непродовольственных товаров и оплату услуг и снижался удельный вес расходов на продукты питания, особенно хлебные. Одновременно увеличивались расходы на страхование жизни и имущества, а также взносы в жилищную кооп-

перацию. Это можно проследить по табл. 36, составленной по материалам исследований семей рабочих и служащих, проведенных в 1970 году.

Таблица 36

**Структура расходов семей рабочих и служащих
СССР в 1970 году, % к общему расходу ⁹⁵**

Годовой доход на одного человека, руб.	Продукты питания	В том числе хлебные продукты	Непродовольственные товары	В том числе культуртовары, мебель	Оплата услуг	Платежи и сбережения	Другие расходы
300 – 360							
361 – 420	56,5	11,5	25,8	3,7	6,9	8,9	1,9
421 – 480	55,1	8,5	23,1	3,6	8,4	10,7	2,7
481 – 600	52,6	7,5	27,1	4,6	8,4	9,5	2,4
601 – 720	50,2	6,2	26,8	4,5	9,4	10,6	3,0
721 – 900	46,9	5,4	27,7	5,6	9,4	12,4	3,6
901 – 1200	44,4	4,5	28,6	6,3	9,6	13,5	3,9
1201 – 1500	41,3	3,8	29,8	6,9	9,4	15,2	4,3
	38,0	3,1	30,5	7,5	9,5	17,5	4,5

Из табл. 36 видно, что все представленные в ней группы семей рабочих и служащих по среднедушевым доходам, за исключением двух последних, находились в 1970 году на низком уровне достатка с доходом на человека менее 75 рублей в месяц. При расходах в год на непродовольственные товары, включая обувь и одежду, менее 300 рублей покупка телевизора, холодильника, стиральной машины, мебели являлась дорогим удовольствием и считалась заметным событием в жизни. В 1970 году из каждых 100 семей рабочих и служащих телевизор имела 51 семья, холодильник – 32, стиральную машину – 52 ⁹⁶.

В 1970 году среднемесячная оплата труда колхозника составляла 74,9 рубля (898,8 рубля в год). Тогда же его доход от работы в колхозе был 46,8 процента от общего дохода колхозной семьи. Таким образом, доход среднестатистической колхозной семьи составлял за 1970 год 1920 рублей. Предположим, что среднестатистическая колхозная семья состояла из трех человек, хотя фактически она была больше. По официальным данным, средняя величина семьи в СССР составляла в 1959 году 3,71, а в 1979 – 3,51 ее члена. Даже по самым оптимистическим подсчетам в 1970 году среднедушевой доход колхозной семьи был 640 рублей в год (54,16 рубля в месяц). Это означало, что в 1970 году среднестатистический советский колхозник оставался малоимущим. Косвенно это было подтверждено в 1971 году материалами XXIV съезда КПСС ⁹⁷.

По данным И. Ф. Сулова, в 1970 году в структуре расходов семей колхозников питание занимало 46,8 процента, приобретение тканей, одежды и обуви – 17,8 процента, на третьем месте находились накопления – 10,1 процен-

та, на четвертом – расходы на алкогольные напитки и табак – 5,8 процента, далее шли расходы на мебель и культурно-бытовые товары длительного пользования – 4,6 процента, приобретение велосипедов или мотоциклов – 4,2 процента. Остальные средства уходили на топливо и освещение, оплату различных культурно-бытовых услуг, налоги и сборы ⁹⁸.

Полагаем, что расходы на питание были все же для сельского жителя весьма велики. Они свидетельствуют о невысоком уровне жизни советского крестьянина в начале 1970-х годов, хотя по сравнению с серединой 1960-х годов этот уровень заметно вырос. Уровень потребления продовольственных товаров в колхозных семьях был в начале 1970-х годов еще весьма далек от рациональной структуры питания. Расходы на селе по многим параметрам отставали от соответствующих затрат городского населения. В абсолютных величинах эти различия достигали 4 – 5-кратных размеров. На приобретение культурно-бытовых товаров длительного пользования у колхозников расходовалось в два раза меньше средств, чем у горожан, мебели и хозяйственных товаров – в полтора раза, одежды и обуви – на 26 процентов. Между тем в 1970 году сельское население страны еще составляло значительную часть – 44 процента ⁹⁹.

В 1980-е годы прослеживался рост количества советского населения с более высокими среднедушевыми доходами. Ниже приводим табл. 37 об этом росте.

Таблица 37

**Распределение населения СССР по среднедушевому
совокупному доходу, % ¹⁰⁰**

Среднедушевой месячный доход, рублей	1980 г.	1985 г.	1990 г.
До 75,0	25,8	17,9	7,7
75,1 – 100,0	23,2	19,8	10,6
100,1 – 125,0	19,5	19,3	13,7
125,1 – 150,0	13,2	15,0	14,4
150,1 – 175,0	8,2	10,4	13,1
175,1 – 200,0	4,7	6,7	10,8
200,1 – 250,0	4,1	6,9	14,9
Свыше 250,0	1,3	4,0	14,8

Вышеприведенные данные свидетельствуют об увеличении в 1980-х годах удельного веса населения со среднедушевым доходом свыше 150 рублей в месяц с 18,3 до 53,6 процента. Но этот рост произошел в основном уже в период горбачевской перестройки во второй половине 1980-х годов, причем за счет наиболее состоятельных людей. Если в 1980 году лица, имевшие доход на одного человека свыше 200 рублей в месяц, составляли 5,4 процента всего населения страны, в 1985 г. – 10,9, то в 1990 г. – 29,7 процента. Однако рост денежных доходов не означал, что в такой же степени росли и реальные доходы

населения. Если в начале 1980-х годов обеспеченным мог считать себя человек, имевший на себя одного среднемесячный доход от 150 до 200 рублей, то к концу 1980-х из-за роста цен такого дохода уже не стало хватать для сравнительно обеспеченной жизни.

Официально цены на продукты питания и другие предметы первой необходимости выросли в государственной и кооперативной торговле вроде бы незначительно. Однако из-за всеобщего товарного дефицита людям приходилось много переплачивать на продовольственных и вещевых рынках, часть из которых являлась «черными», то есть спекулятивными. В 1990 году индексы розничных цен в государственной торговле и в магазинах потребительской кооперации составили по отношению к 1985 году: по всем товарам - 111, по продовольственным – 115, по непродовольственным – 108, по алкогольным напиткам – 145. За этот же период индексы цен на сельскохозяйственные продукты на рынке были 134,6, на картофель – 166,0, на мясо и сало – 144,7¹⁰¹. Цены на «черных» рынках росли в еще больших размерах. Суммируя все сказанное, можно констатировать, что рост денежных доходов населения не означал повышения реальных доходов в такой же степени. У средних по денежным доходам слоев населения уровень жизни находился в процессе стагнации, а у малообеспеченных даже имел тенденцию к снижению. Государство пыталось сдерживать эти процессы, регулируя цены и зарплату административными методами, а также путем введения талонов на покупку продуктов и предметов первой необходимости.

Важную роль в доходах советской семьи играло личное подсобное хозяйство. В 1970 – 1980-е годы его удельный вес в доходной части семейного бюджета по сравнению с 1960-ми годами снизился, но еще оставался довольно значительным, особенно у колхозников. Об этом свидетельствуют данные табл. 38.

Таблица 38

Удельный вес в доходах рабочих, служащих и колхозников от личного подсобного хозяйства, %¹⁰²

Категории населения	1965 г.	1970 г.	1980 г.	1983 г.	1985 г.
Рабочие и служащие	5,0	3,9	3,5	3,4	3,3
Колхозники	40,5	34,1	27,5	26,4	26,2

Доля доходов рабочих и служащих от личного подсобного хозяйства в общей доходной части их семейного бюджета упала с 5,0 в 1965 году до 3,3 процента в 1985, а у колхозников с 40,5 до 26,2 процента соответственно. Это означало, что людям стали значительно больше платить в общественном производстве и непродовольственных отраслях народного хозяйства. На структуре доходов сказывались и процессы урбанизации, которые характерны для всех развитых индустриальных стран.

В 1960 – 1980-х годах советская колхозная семья не могла обойтись без производства в личном подсобном хозяйстве основных продуктов питания – картофеля, овощей, мяса, молока, яиц. То же относилось и к семьям рабочих и служащих, которые проживали в сельской местности (работникам совхозов, учителям, медицинскому персоналу и другим категориям сельчан). В небольших городах и районных центрах многие жители также имели личное подсобное хозяйство, выращивали картофель, овощи, а иногда домашний скот и птицу. Для жителей крупных городов роль личного подсобного хозяйства играли садовые и огородные участки, где выращивались овощи, ягоды и фрукты, что было весьма заметным подспорьем в питании городских семей. По официальным данным государственной статистики, удельный вес доходов от личного подсобного хозяйства в совокупных доходах всего населения СССР составлял в 1980 году 7,7 процента, а в 1985 – 7,4 ¹⁰³.

По данным социологического опроса, в 1979 году в г. Кургане среди опрошенных жителей подсобное хозяйство имели 45,1 процента. Из них 27,3 процента располагали садом, 19,5 процента – огородом, а некоторые одновременно садом и огородом. Общий процент респондентов, имевших подсобное хозяйство, был 46,8, а не 45,1. Из имевших подсобное хозяйство 1,2 процента выращивали свиней, 0,7 – птицу, 0,7 – крупный рогатый скот, 0,2 – овец и коз. Главной целью ведения личного подсобного хозяйства было получение продукции для нужд семьи. Происходил также рост социальной значимости подсобного хозяйства как сферы здорового досуга, физической деятельности, любительского труда, творчества ¹⁰⁴.

81,5 процента опрошенных жителей г. Кургана ответили, что целью ведения их личного подсобного хозяйства являлось получение продукции для нужд семьи. 14,7 процента респондентов видели в работе на садовых и огородных участках форму проведения свободного времени. Ставили целью получение с личного подсобного хозяйства денежного дохода 3,9 процента участников опроса. 3,1 процента курганцев не могли обойтись без работы на земле, на природе по привычке. В основном это были бывшие сельские жители. 1,5 процента респондентов занимались подсобным хозяйством ради детей и внуков, желая угощать их свежими овощами, фруктами и ягодами ¹⁰⁵.

Некоторые из опрошенных жителей Кургана, не имевшие личного подсобного хозяйства, хотели обзавестись им. 12,1 процента респондентов желали приобрести садовый участок, 8,2 процента – огород, 0,8 процента хотели выращивать домашнюю птицу, 0,4 процента – свиней ¹⁰⁶.

В 1973-1974 и в 1983-1984 годах проводились социологические исследования о личных подсобных хозяйствах сельских жителей Курганской области, материалы которых были опубликованы в статье В. В. Никулина ¹⁰⁷. В исследуемые годы примерно 90 – 95 процентов колхозных семей и 85 – 89 процентов семей рабочих совхозов Курганской области имели огород, три – четыре процента – сад (явление для зауральского села новое), 85 и 70 процентов соответ-

ственно – крупный рогатый скот и свиней. Лишь три – четыре процента семей сельских жителей не вели подсобного хозяйства.

Цели, которые преследовал сельский житель, занимаясь подсобным хозяйством, были в основном экономическими. Это видно из табл. 39, составленной по материалам социологических исследований.

Таблица 39

Цели, которые преследовали сельские жители Курганской области в ведении личного подсобного хозяйства, % ¹⁰⁸

Цели ведения личного подсобного хозяйства	1973–1974 гг.	1983–1984 гг.
Получение дополнительного денежного дохода	10,4	12,2
Получение продукции для нужд семьи	79,6	80,8
Получение продукции для родственников в городе	2,0	4,4
По привычке	2,0	1,0
Как средство проведения свободного времени	0,2	1,2
Другие	5,8	0,4

Представляет интерес то, что значительная часть сельских жителей (свыше 10 - 12 процентов) занималась подсобным хозяйством с целью получения дополнительного денежного дохода, то есть ориентировалась на рынок, в то время как денежные доходы колхозников и рабочих совхозов возросли более чем на 20 процентов.

Данные об использовании продуктов, полученных на приусадебных участках рабочими совхозов и колхозниками Курганской области в 1973 – 1984 годах, представлены в табл. 40.

Таблица 40

Использование продуктов, полученных на приусадебных участках рабочими совхозов и колхозниками Курганской области в 1973 – 1984 гг., % ¹⁰⁹

Использование продуктов	Рабочие совхозов	Колхозники
Почти все продается	0,7	0,8
Продается более половины продукции	2,2	3,1
Продается от ¼ части до половины продукции	6,2	19,0
Продается менее ¼ части продукции	8,4	10,9
Все или почти все потребляется своей семьей	67,8	57,2
Не ответили	14,7	10,0

По мнению В. В. Никулина, с прекращением домашнего кустарного производства мебели, тканей, бытовой утвари сельский житель вынужден был все

это покупать за деньги. Однако на основании данных о продаже продукции подсобного хозяйства можно сделать вывод и о том, что личное подсобное хозяйство служило и своеобразным катализатором частнособственнических наклонностей. Кроме того, в этот период начинало возрождаться особое понятие о зажиточности, «хорошей жизни», воскресали из мертвых старые критерии. Около одной пятой сельских жителей считали зажиточной только такую семью, в которой было большое подсобное хозяйство. Ведение личного подсобного хозяйства катализовало «рыночную психологию» сельского населения, формировало семьи собственнического типа. Хотя закон стоимости и не выступал регулятором развития личного подсобного хозяйства, базой для спекулятивных настроений, но если государственный контроль был слаб или отсутствовал, то проявлялись рецидивы частнособственнических настроений именно на базе личного подсобного хозяйства. Так, например, произошло с развитием пушного звероводства, когда все домашнее производство было посвящено у части жителей выращиванию и обработке пушнины. У отдельных жителей Курганской области находилось в личном хозяйстве до 50 – 80 маток песцов. Спрос на пушнину для шитья шапок, шуб, воротников к женским зимним пальто являлся тогда на вещевых рынках Кургана и других городов огромным.

Ведение личного подсобного хозяйства преследовало не только экономические цели. Для части населения оно выступало как фактор престижности, самоутверждения. При определенном нивелировании общественного труда, особенно неквалифицированного, личное подсобное хозяйство являлось компенсирующим фактором в достижении самоутверждения. Например, для престарелых оно было сферой приложения их труда при невозможности работать из-за возраста и болезней в общественном производстве. Личное подсобное хозяйство являлось сферой приложения труда детей и подростков при их трудовом воспитании и обучении умению хозяйствовать¹¹⁰.

Функция личного подсобного хозяйства как «средства проведения свободного времени» была значима для небольшой группы людей. Она свидетельствовала об ослаблении для части сельских жителей чисто экономических интересов в домашнем производстве и переносе их в сферу любительских интересов – цветоводство, садоводство, опытничество. Это явление было характерно в основном для сельской интеллигенции, части пенсионеров и горожан, имевших дома в деревне в качестве дачных.

Ведение личного подсобного хозяйства основывалось на индивидуальном труде и требовало больших дополнительных затрат энергии, которые были лишь на 10 процентов меньше, чем труд в общественном производстве. В среднем за неделю на ведение личного подсобного хозяйства уходило летом у мужчин 8,4 часа, у женщин – почти 26 часов, зимой два и три часа соответственно¹¹¹.

Индивидуальный труд в личном подсобном хозяйстве иногда приобретал и общественный характер. Это проявлялось в помощи со стороны колхо-

зов и совхозов в ведении личного хозяйства: во вспашке земли, обеспечении транспортом, кормами. А главное, когда колхозники и рабочие совхозов по договорам брали на откорм молодняк общественного скота и потом сдавали его в колхоз (совхоз). В этом случае индивидуальный труд включался в совокупный труд через план, а его результаты – в конечные итоговые показатели общественного хозяйства.

Труд сельского жителя в индивидуальном хозяйстве объективно не мог противопоставляться труду в колхозе или совхозе. Эти формы хозяйствования всегда взаимно дополняли друг друга. К сожалению, этого не хотели понимать многие советские руководители 1930 – 1940-х годов и не понимают современные сторонники только лишь индивидуального ведения сельского хозяйства и противники любых коллективных форм хозяйствования на земле.

Труд в личном подсобном хозяйстве более универсален. Он требует не только определенных навыков, но и знаний. Часть индивидуальных хозяйств велась по-старинке, «как делали наши деды», другая часть иногда даже обгоняла по применению сельскохозяйственной науки общественное производство. Некоторые личные хозяйства опережали общественные по продуктивности скота и урожайности земледельческих культур. Но часто было и наоборот. Сама форма организации хозяйствования не всегда являлась главным фактором эффективности сельскохозяйственного производства.

Труд в личном хозяйстве был более творческим, чем такие же его виды в общественном производстве, так как требовал постоянного поиска оптимальных форм организации. Но одновременно это являлось более рутинным производством, основанным во многом на ручном труде, в котором главная нагрузка ложилась на плечи женщин.

Для небольших семей, состоящих из супружеской пары и малолетних детей, в большей степени, чем для семей, включающих три поколения, стояли дилеммы: «профессиональная деятельность женщины или семья»; «новые или традиционные обязанности в семье». Эти дилеммы принимали характер трудноразрешимых противоречий в семье собственного типа, где ориентация на большое индивидуальное хозяйство отвлекала женщину от труда в общественном производстве. Личное подсобное хозяйство было основано на половозрастном разделении труда: мужчины выполняли тяжелые физические работы, повседневные же работы, требующие больших затрат времени, выполнялись женщинами. Наметилась явная тенденция отхода молодежи от труда в личном подсобном хозяйстве.

Во время социологического исследования в Катайском районе Курганской области респондентам был задан вопрос «Как распределяются обязанности в Вашей семье?». Ответы на него отражены в табл. 41.

Таблица 41

**Распределение обязанностей в семье (по ответам респондентов
Китайского района Курганской области), % ¹¹²**

Виды работ	Муж	Жена	Дети	Другие члены семьи	Итого
Покупка продуктов	25,3	56,3	14,3	4,1	100,0
Приготовление пищи	10,4	78,5	7,7	3,4	100,0
Уборка жилых помещений	12,0	70,1	15,4	2,5	100,0
Стирка	16,9	75,0	5,2	2,9	100,0
Ремонтные работы	62,3	31,1	4,0	2,6	100,0
Воспитание детей	44,0	51,9	1,2	2,9	100,0
Работы в огороде, саду	21,7	62,1	13,2	3,0	100,0
Уход за скотом	33,7	51,1	11,4	3,8	100,0

Как видно из табл. 41, основные обязанности во всех видах домашнего труда ложились на плечи женщины, потом мужчины, а менее всего затрагивали детей и других членов семьи. В многопоколенных семьях было несколько иное распределение работ, там основные работы выполнялись старшими членами семьи. Но такие семьи не только в городе, но и в селе перестали быть обычными. Отчуждение детей от домашнего труда в связи с желанием многих родителей дать своим чадам хорошее образование порождало проблему трудового воспитания подрастающего поколения, задерживало взросление детей, иными словами, социализацию личности.

По мнению В. В. Никулина, отношение к труду в личном подсобном хозяйстве является противоречивым. В первую очередь оно определяется функциями, которые выполняет в жизни индивид. Это заинтересованность в результатах труда – дополнительный денежный доход, продукты для семьи. Значительна и заинтересованность в самом процессе труда – престиж, средство проведения свободного времени, реализация потребности в труде для престарелых членов семьи. Противоречивым это отношение делает ряд социальных последствий ведения личного подсобного хозяйства. Отрицательной стороной необходимо в первую очередь считать его непреложность, необходимость. Личное подсобное хозяйство, требуя больших затрат времени, делает отношение к нему негативным, так как оставляет мало свободного времени, тем самым обедняя личность. В то же время около половины сельских жителей хотели бы увеличить свое подсобное хозяйство, в том числе специалисты с высшим образованием (38,3 процента), средним специальным (около 49 процентов), около 80 процентов молодежи в возрасте 20 – 29 лет. Были высказаны пожелания: увеличить размер огорода – около 30 процентов, увеличить поголовье крупного рогатого скота – 20 процентов, увеличить количество свиней – 18 процентов. Наметилась тенденция превращения части личных подсобных хозяйств в хозяйства фермерского типа, имевшие по 8 – 10 коров, около десятка свиней, сотни гусей, механические доильные установки, сепарато-

ры и другую сельскохозяйственную технику. Ориентация на высокодоходное подсобное хозяйство породила новое противоречие: ослабление коллективности в труде, так как жизненный уровень людей стал мало зависеть от результата труда в общественном хозяйстве ¹¹³.

Чрезмерное увлечение личным подсобным хозяйством нередко приводило к «самоэксплуатации» личности. Человек сам лишал себя различных радостей жизни из-за отсутствия свободного времени. Нередко избыток продукции подсобного хозяйства производился для взрослых детей, живущих в городе. Если дети систематически приезжают из города и активно помогают престарелым родителям в ведении подсобного хозяйства, то ничего плохого в этом нет. Плохо, когда не дети помогают престарелым родителям, а лишь престарелые родители взрослым детям, воспитывая в молодых людях иждивенчество, паразитизм.

Затраты времени на непреложные бытовые нужды, ведение домашнего и подсобного хозяйства были весьма значительными. В 1960 – 1980-е годы публиковалось много социологических работ о бюджете времени различных категорий населения страны. Данные в них весьма приблизительные, часто даже противоречивые. Но общим является то, что затраты времени на ведение домашнего и личного подсобного хозяйства занимали, по данным большинства исследователей, примерно половину или даже больше половины всего свободного времени работавших в общественном производстве людей, не считая часов на сон. Приведем обобщенные данные об основных бытовых затратах времени рабочих крупных промышленных центров европейской части СССР, опубликованные в пятом томе фундаментального научного труда «История советского рабочего класса», вышедшего в издательстве «Наука» в 1988 году.

Таблица 42

Основные бытовые затраты времени рабочих крупных промышленных центров европейской части СССР, часов в неделю ¹¹⁴

Виды занятий	1963 г.	1965–1968 гг.	1967–1970 гг.
Домашний труд, в том числе в ЛПХ, исключая работу с детьми	21,1	19,5	18,5
Повседневная культурная жизнь в том числе досуговое потребление культуры	12,4	16,0	17,3
из нее: чтение книг, газет, журналов	9,7	11,2	14,6
телесмотрение и радиослушание	3,7	3,7	5,8
посещение кино, театра, концертов	5,1	6,2	7,5
учеба (включая каникулярное время)	0,9	1,3	1,3
самодеятельное творчество	2,6	4,0	2,3
Физкультура, спорт, охота, рыбалка, пляж	0,1	0,8	0,4
Встречи с друзьями, гости, танцы	0,7	0,7	1,6
Занятия с детьми	5,8	5,2	5,8
В том числе: уход за детьми	3,0	5,9	3,1
воспитание детей	1,9	2,9	1,5
	1,1	3,0	1,6

Данные табл. 42 показывают, что во второй половине 1960-х годов затраты городских рабочих на домашний труд имели тенденцию к некоторому сокращению, а продолжительность их повседневной культурной жизни выросла в среднем с 12 – 15 до 16 – 17 часов в неделю. Расширение досугово – информационных занятий составляло один из ведущих моментов развития всей повседневной культурной жизни в 1960 – 1970-е годы. Социологические опросы 1965 – 1970 годов показали, что регулярное чтение вошло в быт подавляющего большинства рабочих. Почти ежедневно с газетами знакомились около 90 процентов респондентов. В конце 1960-х – начале 1970-х годов около 95 процентов взрослого городского населения было охвачено различными видами чтения. Книги постоянно читали 50 – 70 процентов горожан. Число читателей библиотек в расчете на 100 человек населения страны выросло с 36 в 1965 году до 47 в 1975. Среди горожан старше 15 лет этот показатель составил в 1975 году 74 человека ¹¹⁵.

Число посещений киносеансов в расчете на одного жителя страны составляло в 1965 году 19, а в 1975 – 18, а среди горожан - 21 и 18 соответственно. Это уменьшение связано с появлением и развитием телевидения. Во второй половине 1960-х годов, когда телевизоры имели около двух третей горожан, недельные затраты времени на просмотр телевизионных передач достигали шести – семи и более часов в неделю на одного обследованного социологами горожанина. У владельцев телевизоров эти затраты доходили до 10 часов в неделю и занимали примерно столько же времени, сколько чтение, кино, театр вместе взятые. Примечательно, что число посещений профессиональных театров в расчете на 100 человек населения составляло по стране в 1965 году 44, 1975 – 46, а в городах, насчитывавших свыше 100 тысяч жителей, - 159 и 132 соответственно ¹¹⁶.

Важную статью в бюджете времени рабочих имели затраты времени на учебу. В будние дни школы рабочей и сельской молодежи работали почти ежедневно, а занятия в них продолжались не менее двух – трех часов.

Являясь в конце 1960-х – начале 1970-х годов рабочим одного из крупных машиностроительных заводов, я одновременно учился заочно в Уральском государственном университете. Затраты своего недельного времени я специально не подсчитывал, но мои рабочие дни были очень похожими друг на друга. До пяти часов вечера я обычно находился на работе. Затем после ужина и короткого отдыха уходил в областную научную библиотеку, где с семи до десяти часов вечера писал контрольные и курсовые работы, готовился к зачетам и экзаменам. В выходные и праздничные дни и в дни, когда не работала библиотека, посещал кинотеатры, областной театр драмы, областную филармонию. Участвовал в различных общественных мероприятиях, которые проводились на заводе – в работе избирательных комиссий по выборам в Советы, в дежурствах добровольной народной дружины, в лыжных и легкоатлетических профсоюзно-комсомольских кроссах, в шефской работе в школе и детдоме. В

жаркие дни лета много времени находился на пляже, читая при этом художественную литературу. Семья тогда у меня еще не было, домашним трудом, проживая в заводском общежитии, я не был обременен.

Тогда учились без отрыва от производства многие молодые люди, жившие в нашем общежитии, но далеко не все. В отличие от тех, кто учился, у многих других была проблема проведения досуга. В 1970 году одиночки и люди, жившие отдельно от семьи, составляли по стране 25 – 30 процентов городской молодежи в возрасте 15 – 29 лет. Во многих промышленных центрах от четверти до половины молодых несемейных рабочих, в том числе немало совсем юных, жило в общежитиях¹¹⁷. Борьба с пьянством и другими формами антиобщественного поведения в быту была весьма актуальной. В условиях массовой миграции из деревни в город очень много молодежи начинало самостоятельную трудовую жизнь без помощи и совета со стороны родителей. Многие юноши и девушки даже не умели рационально расходовать свою зарплату.

Сохранение пьянства было также обусловлено силой привычки, обычаев, традицией. Употребление спиртных напитков рассматривалось многими рабочими как средство снятия психологической напряженности. Примерно половина опрошенных в конце 1960-х годов жителей г. Таганрога искренне считала верхом «неприличия» при встрече не предложить водки друзьям или родственникам¹¹⁸. Аналогично думало тогда не менее половины взрослого населения страны.

В 1960 – 1970-е годы были ограничены возможности общения взрослых людей в свободное время. Принимать гостей дома являлось хлопотным, а в условиях малогабаритности большинства квартир и неудобным для детей и стариков. В городских клубных учреждениях и кинотеатрах проводились в основном лишь массовые мероприятия – киносеансы, концерты, молодежные танцы. В 1970 году взрослое население городов превышало 100 млн человек. Большим спросом пользовались в выходные и праздничные дни кафе и рестораны. А подобные предприятия общественного питания были способны тогда одновременно обслужить лишь менее 3 млн посетителей¹¹⁹. В те годы во многих крупных городах появились молодежные кафе, кафе для художественной, научной интеллигенции под соответствующими названиями – «Молодежное», «Театральное», «Спортивное» и др. Но их было крайне мало.

В книге Э.В. Клопова «Рабочий класс СССР: тенденции развития в 60–70-е годы», изданной в издательстве «Мысль» в 1985 году, содержатся данные о некоторых бытовых затратах времени рабочих и служащих СССР в 1977 и 1980 годах, об их повседневной культурной жизни. Приводим эти данные в табл. 43.

Таблица 43

Динамика некоторых бытовых затрат времени рабочих и служащих промышленности СССР в 1977 и 1980 годах (часов в неделю)¹²⁰

Основные виды бытовых затрат времени	1977 г.	1980 г.
Домашний труд (в том числе работа в ЛПХ, уход за детьми и их воспитание)	25,8	25,1
Повседневная культурная деятельность	21,9	22,5
в том числе досуговое потребление культуры	19,2	19,7
в том числе чтение	4,6	4,5
телевидение, радио	12,7	13,1
кино, театр, другие публичные зрелища	1,9	2,1
Учеба, самообразование	1,4	1,4
Любительские занятия, непрофессиональное творчество	1,3	1,4

Данные табл. 43 показывают, что среди бытовых затрат времени лидировал домашний труд. Заметного уменьшения затрат на него не происходило в течение многих лет. Так, в 1963 году на домашний труд, включая работу с детьми, у работающего горожанина уходило в неделю 24,1 часа, в 1965–1968 гг. – 25,4, в 1967–1970 гг. – 21,6, в 1977 г. – 25,8, в 1980 г. – 25,1 часа. Сравнительно небольшие затраты времени на работу с детьми в 1963 и 1967–1970 годах объясняются, возможно, составом респондентов, у многих из которых либо не было детей, либо они уже стали взрослыми.

Значительную часть бюджета свободного времени работающих занимала повседневная культурная деятельность (от 12,4 часа в неделю в 1963 году до 21,9 часа в 1977). Преобладали такие виды досугового потребления культуры, как прослушивание радио и просмотр телевизионных передач (от 5,1 часа в неделю в 1963 году до 13,1 часа в 1980). Этот вид досуга занимал у людей больше времени, чем чтение, посещение кино, театра, концертов и других публичных зрелищ вместе взятые. В отличие от многих историков и социологов мы не считаем радио и телевидение того времени ущербным по сравнению с другими видами досугового потребления культуры.

Деятельность советских СМИ, учреждений образования и культуры осуществлялась в соответствии с программными установками правящей партии. Целью этих установок являлось формирование такого духовного мира советского человека, которому были бы присущи патриотизм, трудолюбие, коллективизм, гуманизм, честность, правдивость, простота и скромность в личной и общественной жизни, взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей, интернационализм, непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству. Подчеркивалось, что «коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками». В идеале КПСС хотела ви-

деть «нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»¹²¹.

Советское телевидение хотя и относилось к средствам массовой информации, но по содержанию и качеству своих передач никогда не опускалось до так называемой «массовой культуры», худшие образцы которой в сочетании с рекламой, рассчитанной на идиотов, мы видим часто на наших телеэкранах сейчас. Все передачи советского телевидения – политические, художественные, детские и другие – основывались на фундаментальных знаниях в различных сферах познавательной деятельности человека и на лучших образцах отечественной и зарубежной литературно-художественной классики.

Из передач телевидения, где рассказывалось о событиях внутри страны и за рубежом, наиболее авторитетной являлась программа «Время». Она выходила в прямой эфир ежедневно в наиболее удобные для большинства работающих телезрителей вечерние часы. Ее смотрело практически все взрослое население страны. Эта программа вполне справедливо рассматривалась советскими людьми как официальный правительственный канал связи с населением. Очень глубокими и интересными по содержанию являлись телевизионные передачи на международные темы, которые вели профессионалы очень высокого класса, в том числе Г. Арбатов, А. Бовин, Г. Боровик, В. Зорин, Ю. Жуков и многие другие.

Постоянный и массовый интерес вызывали телевизионные передачи «От всей души» с В. Леонтьевой, «Клуб кинопутешествий» с Ю. Сенкевичем и другие. Практически не было ни одного произведения отечественной художественной прозы и драматургии, изучаемого в средней школе, по которому на телевизионном экране не показали бы фильм или спектакль («Горе от ума», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Ревизор», «Мертвые души», «Война и мир», «Тихий Дон» и другие). Очень много телевизионных программ передавалось для детей. По многим русским народным сказкам были созданы художественные, в том числе мультипликационные, телевизионные постановки. На телевизионные экраны выходили детские киножурналы «Хочу все знать», «Ералаш», передачи «Спокойной ночи, малыши», «АБВГДейка», многосерийный мультипликационный фильм «Ну, погоди!». Лучшими приключенческими фильмами для всех возрастов являлись: «Ошибка резидента», «Неуловимые мстители», «Белое солнце пустыни» и другие.

О внутреннем духовном мире советского человека, его радостях и проблемах рассказывалось в художественной форме фильмах «Москва слезам не верит», «Калина красная», «Дочки-матери», «Печки-лавочки». По-прежнему людей волновали кинокартины о Великой Отечественной войне, в том числе кинопопея «Освобождение», «В бой идут одни “старики”». Многомиллионную телевизионную аудиторию собирали многосерийные фильмы о прошлом нашей страны – «Угрюм-река», «Строговы», «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень», «Семнадцать мгновений весны», «Государственная граница»,

«Длинная дорога в дюнах», «Место встречи изменить нельзя».

В кинотеатрах и на телевизионных экранах демонстрировалась целая серия остроумных и содержательных комедий. Среди них «Свадьба в Малиновке», «Трембита», «Бриллиантовая рука», «Джентльмены удачи», «Иван Васильевич меняет профессию», которые до сих пор популярны.

Большой объем теле- и радиовещания занимали музыкальные передачи. Вызывали восхищение зрителей и слушателей трансляции концертов с участием популярных певцов К. Шульженко, Л. Зыкиной, Б. Штоколова, И. Кобзона, Н. Сличенко, Э. Пьехи, В. Толкуновой, С. Ротару, А. Пугачевой, Л. Лещенко, М. Магомаева, вокально-инструментальных ансамблей «Самоцветы», «Песняры» и многих других. Традиционными стали ежегодные телевизионные праздники песни, которые транслировались в первые дни каждого нового года и посвящались наиболее популярным песням года минувшего. Привлекали телевизионные передачи о традиционных международных фестивалях советской песни в польском городе Сопоте, в которых участвовали молодые исполнители из разных стран. Музыкальные телевизионные вечера для юношества проводил известный композитор Д. Кабалевский. Молодежные телевизионные передачи «Алло, мы ищем таланты!», «Клуб веселых и находчивых» вел А. Масляков.

Тактично, остроумно и смешно критиковал с эстрады пороки нашего общества и отдельных людей великий сатирик А. Райкин. Запомнился его телевизионный фильм «Люди и манекены». Пользовался популярностью сатирический киножурнал «Фитиль», который постоянно демонстрировался по телевидению. Легким юмором отличалась телевизионная передача «Кабачок “13 стульев”». Успешно начинали свою творческую деятельность В. Винокур и Г. Хазанов.

Таким образом, наше телевидение 1970-х – первой половины 1980-х годов было талантливым, разнообразным, высокохудожественным и высокоинтеллектуальным. Оно не приспособлялось к низменным вкусам части общества, а стремилось поднять культурный уровень широких масс населения до элитарного. Конечно, советская художественная культура, средства массовой информации были зависимы от идеологии и подвергались цензуре.

Некоторые деятели культуры не получили, по их мнению, должного признания в СССР, были обижены и даже оказались в эмиграции. Но дело здесь не только в советской общественной системе и отдельных представителях властей. Во многих творческих коллективах имелаась ненормальная морально-психологическая обстановка. Ее зачастую искусственно создавали люди эгоистичные, амбициозные, завистливые, неуживчивые. Один из ныне известных режиссеров во всех грехах обвиняет партийную организацию своего театра, хотя многие ведущие актеры сами были членами этой же партийной организации, сами шельмовали друг друга перед вышестоящими партийными органами и руководителями. Многие отечественные и зарубежные литературные

критики и искусствоведы считают, что среди произведений, которые в 1970 – 1980-е годы не пропускала советская цензура, подлинных шедевров практически нет. А зарубежное «признание» непризнанных в СССР «гениев» происходило зачастую искусственно и чисто по политическим мотивам, чтобы нанести моральный ущерб нашей стране.

В 1979 году среди жителей г. Кургана, опрошенных социологами, 87,5 процента заявили, что они смотрят телевизионные передачи часто. Из телепередач, которые чаще всего смотрели респонденты, на первом месте были названы передачи на международные темы, на втором – художественные фильмы, спектакли, рассказы, фельетоны, на третьем – передачи о событиях внутри страны. Далее шли спортивные, местные новости, передачи на бытовые темы, о науке и технике, по специальности зрителя, о современном искусстве. Примерно в таком же порядке располагались интересы радиослушателей и читателей газет. Отличие было в том, что радиослушателей и читателей газет местные новости привлекали больше, чем спортивные материалы. Читателей газет материалы по их специальности интересовали больше, чем публикации о науке и технике вообще, а статьи об искусстве – больше, чем очерки и другие материалы о современниках ¹²².

Как и в целом по стране, жители Кургана очень много читали. Многие книги и литературные журналы в считанные дни и даже часы исчезали с полок магазинов и киосков. На многие литературные журналы трудно было подписаться. Из опрошенных в 1979 году респондентов 53,7 процента читали за один год от 10 до 20 и более книг. Не читали книг 11,2 процента, остальные прочитывали за год от пяти до десяти книг. Тематика читаемой горожанами литературы была разнообразной. Часто один и тот же человек читал самые разнообразные книги, а поэтому общий процент по этому показателю не обязательно должен составлять число 100. Художественную литературу читали 93,6 процента опрошенных курганцев, приключенческую – 29,4, по своей специальности – 17,4, научно-популярную – 14,3, общественно-политическую – 13,0, техническую – 12,1, научную – 5,1 процента ¹²³.

Большим успехом у жителей г. Кургана пользовалось кино. Посещали они театр и филармонию. Клубные учреждения предприятий и организаций вели воспитательную работу среди членов трудовых коллективов. Они были центрами пропаганды политических, научных, технических знаний, передового опыта в труде. Дома культуры и клубы выступали организаторами самостоятельного творчества населения в сфере науки, техники, искусства, заботились об организации общения людей, организовывали демонстрации кинофильмов, спектакли и концерты профессиональных и самодеятельных артистов, лекции, конференции, беседы, лектории, вечера вопросов и ответов, работу народных университетов по различным отраслям знаний и культуры. По данным социологического опроса, дома культуры и клубы еженедельно посещали лишь 11,6 процента респондентов. Остальные бывали в клубных учреждениях редко, а

42,1 процента опрошенных жителей города Кургана практически не посещали их вообще. Из посещавших клубы и дома культуры 57 процентов ходили туда на просмотр кинофильмов, 61,7 – на концерты, 32,8 – на различные праздничные мероприятия, 32,6 – на собрания ¹²⁴.

Часть опрошенных жителей г. Кургана увлекалась любительскими занятиями. 35,3 процента респондентов занимались вышиванием, вязанием и шитьем. Регулярно играли в шахматы и шашки – 31,6, занимались садоводством, овощеводством и цветоводством – 25,1 процента опрошенных. Увлекались фотографией – 16,3, спортом – 9,5, музыкой – 8,8, рисованием – 5,6, столярным делом – 5,1, художественной самодеятельностью – 4,2, коллекционированием – 3,9, выпиливанием и выжиганием по дереву – 3,7, чеканкой по металлу – 2,8, лепкой и валянием – 1,4, техническим конструированием – 1,2, сочинением стихов и прозы – 1,2, киносъемкой – 0,5 процента респондентов. Часть этих любителей входила в различные объединения по интересам. К спортивным коллективам принадлежало 32,4 процента респондентов, к садоводческим – 25,3, к кружкам художественной самодеятельности – 21,1 ¹²⁵.

Существенное место в структуре досуга горожан занимало общение с природой (отдых за городом, охота, рыбалка, сбор ягод, грибов, лекарственных растений, работа на садово-огородных участках). 64,4 процента респондентов рассматривали охоту и рыбалку как отдых, 55,3 процента - как средство общения с природой, 18,3 процента - для получения продуктов питания, 10,5 процента - для встреч с друзьями. Никто из опрошенных горожан не заявил целью охоты или рыбалки продажу добытых при этом рыбы и дичи. На продажу собранных грибов и ягод ориентировались только 1,4 процента респондентов. Их собирали для получения дополнительных продуктов питания для себя и своей семьи, одновременно рассматривая это собирательство как отдых, средство общения с природой и встреч с друзьями ¹²⁶.

Время очередного отпуска лишь 35,6 процента из опрошенных проводили дома. Остальные либо ездили в гости, либо выезжали на свою дачу. Лишь 21,3 процента респондентов были на курортах, в домах отдыха, санаториях или в туристских поездках ¹²⁷. Лично я и моя семья во время отпуска дома не сидели. Уезжали чаще всего либо к моим родителям, либо к родителям жены, которые жили в деревне. Всего лишь четыре раза в 1970 – 1980-х годах были в доме отдыха и в туристской поездке.

В 1974 – 1975 годах лабораторией конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института были получены данные о досуге колхозников Курганской области. Исследование проводилось в 24 колхозах, анкетным опросом охватили 1600 работающих членов коллективных хозяйств. 48,2 процента опрошенных колхозников ежедневно работали в личном подсобном хозяйстве и по обслуживанию своей семьи от трех до пяти часов, 36,9 процента – от одного до трех часов, остальные – менее одного часа. В будние дни, особенно в период полевых работ, времени у работаю-

щих в общественном хозяйстве колхозников на отдых почти не оставалось, за исключением часов сна. В зимний период года время на досуг все же было. Подавляющее число опрошенных колхозников (71,3 процента) чаще всего проводили свой досуг за просмотром телевизионных передач. На втором месте (48,3 процента) было чтение, затем – посещение кино (37,8 процента), слушание радио (29,9 процента), хождение в гости и прием гостей (29,5 процента)¹²⁸.

В местный сельский клуб или Дом культуры часто, то есть не менее одного раза в неделю, ходила лишь молодежь. Об этом заявило 25,6 процента респондентов. Один – два раза в месяц посещали клубное учреждение 31,6 процента опрошенных колхозников. Остальные 42,8 процента респондентов ходили в сельский клуб или Дом культуры очень редко либо не ходили вообще. Посещали сельский клуб или Дом культуры с целью просмотра кинофильмов 64,7 процента опрошенных колхозников, для участия в собраниях – 63,3, просмотра концертов – 54,7, участия в праздничных мероприятиях – 44,7, слушания лекций – 25,5, смены книг в библиотеке, чтения газет и журналов – 12,4, игры в бильярд, домино – 8,3, участия в вечерах отдыха – 5,8, участия в танцах – 4,2, игры в шахматы и шашки – 3,8, участия в работе секций и кружков – 2,2 процента. Проводили свой досуг в основном на рыбалке 15,7 процента опрошенных колхозников, 2,5 были заняты учебой, спортом – 2,2, художественной самодеятельностью – 1,7. Просто отдыхали в свободное время и не занимались ничем 13,8 процента опрошенных колхозников. Таким образом, 54 процента колхозников чаще всего проводили свой досуг в гостях либо сами принимали гостей, просто отдыхали, ничего не делая, или же играли в карты, домино, лото, бильярд¹²⁹.

43,6 процента колхозников проводили свой отпуск дома, а 29,3 процента вообще отказывались от него. Во время отпуска в гости к родственникам уезжало 15,4 процента участников анкетного опроса. Лишь 3,3 процента колхозников отдыхали и лечились в санаториях, столько же на курортах, 2,3 процента – в домах отдыха, 2,8 процента побывали в туристических поездках. С изменением условий жизни, ростом потребностей колхозники стали чаще выезжать за пределы своего села в города и райцентры. За покупками выезжали 55,2 процента опрошенных сельчан, в учреждения здравоохранения – 42,6, в гости – 28,1, по делам службы, работы – 27,1, на предприятия бытового обслуживания – 10,0, в учреждения культуры и досуга – 1,7, для продажи продуктов личного подсобного хозяйства – 1,7 процента¹³⁰.

Любительским творчеством занималось мало колхозников. 4,4 процента респондентов играли на музыкальных инструментах, 4,2 процента увлекались садоводством и цветоводством, 4,0 процента занимались фотографией, 2,9 процента участвовали в художественной самодеятельности на постоянной основе. Очень многие колхозники жаловались на нехватку времени для своего культурного развития. Часть колхозников злоупотребляла спиртными напитками. Из анкетных опросов было видно, что в середине 1970-х годов в Курган-

ской области колхозников и колхозниц, которые практически не употребляли спиртных напитков или употребляли их очень редко, насчитывалось 26,7 процента. Остальные выпивали по праздникам и выходным дням, в дни получения зарплаты и по другим поводам ¹³¹.

Советский Союз был страной с высоким уровнем образования населения. В 1982 году 86 процентов занятых в народном хозяйстве людей имели высшее, полное и неполное среднее образование. Перепись населения 1979 года показала, что в СССР неграмотных в возрасте от девяти до 49 лет оказалось 0,2 процента. Это оказались в основном лица, которые не смогли учиться из-за тяжелой хронической болезни или физических недостатков. В начале 1980-х годов во многих странах мира доля неграмотных была очень велика. По данным ЮНЕСКО, в 1980 году среди населения в возрасте 15 лет и старше неграмотные составляли: в Сомали и Нигерии – 94,8, Мали – 89,9, Гамбии – 85,2, Того – 84,1, Саудовской Аравии – 83,8, Мавритании – 82,6, Непале – 82,7, Пакистане – 67,5, Марокко – 74,4, Индии – 59,7, Иране – 53,6 процента. В таких европейских странах, как Португалия, неграмотных насчитывалось 20, в Греции – 12, Испании – 7,2, Италии – 5,2 процента. В США не учились 2,4 млн детей, 7 млн с трудом умели читать, 22 процента американцев старше 17 лет были неграмотны. В странах Латинской Америки 33 млн детей из 73 млн в возрасте от 5 до 14 лет не имели возможности посещать школу. По данным ЮНЕСКО, в 1982 году в мире каждый третий взрослый человек не умел ни читать, ни писать ¹³².

В 1970-х годах в СССР перешел к всеобщему среднему образованию. На начало 1981/82 учебного года всеми видами обучения в нашей стране было охвачено более 100 млн человек, то есть каждый третий житель, не считая детей дошкольного возраста. В общеобразовательных школах училось свыше 44 млн человек, в том числе 9,5 млн в 9 – 10 (11) классах. В профессионально-технических училищах обучалось 3,7 млн человек, из них 2,2 млн одновременно получали специальность и общее среднее образование. Почти все учащиеся системы профессионально-технического образования находились на полном обеспечении государства (питание, одежда и обувь, бесплатное общежитие, стипендия). В вузах и средних специальных учебных заведениях обучалось около 10 млн человек, из них в вузах – свыше пяти миллионов студентов. Обучение в высших и средних специальных учебных заведениях СССР было бесплатным, при этом 77 процентов студентов вузов и 74 процента учащихся техникумов дневных отделений получали стипендию. Студентам вузов и учащимся средних специальных учебных заведений, которые занимались успешно без отрыва от производства, на период сдачи зачетов и экзаменов предоставлялся дополнительный учебный отпуск продолжительностью от 10 до 40 дней. Во время подготовки дипломных проектов они освобождались от работы сроком до четырех месяцев. В период дополнительных учебных отпусков им по месту работы сохранялась зарплата, но из расчета не более 100 рублей в месяц ¹³³.

По переписи населения 1979 года в СССР было учтено 139,1 млн чело-

век с высшим и средним (полным и неполным) образованием, из них 14,8 млн человек имели высшее образование, 3,2 млн – незаконченное высшее, 23,5 млн – среднее специальное, 45,1 млн – среднее общее и 52,5 млн – неполное среднее¹³⁴. Рост численности населения СССР, имеющего высшее и среднее образование, показан в табл. 44.

Таблица 44

Рост численности населения СССР, имеющего высшее и среднее образование (на 1000 жителей в возрасте 10 лет и старше)¹³⁵

Уровень образования	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1982 г.
Высшее и среднее (полное и неполное)	361	483	638	670
В том числе: высшее законченное	23	42	68	76
высшее незаконченное	11	13	15	15
среднее специальное	48	68	107	116
среднее общее	61	119	207	244
неполное среднее	218	241	241	219

Из табл. 44 следует, что в 1982 году численность населения СССР, имевшего высшее, полное и неполное среднее образование, увеличилась по сравнению с 1959 годом в 1,9 раза. При этом число лиц с высшим образованием выросло в 3,3, со средним специальным – в 2,4, со средним общим – в четыре раза, а с неполным средним образованием сохранилась практически на уровне 1959 года. Стабильность последнего показателя объясняется тем, что в состав лиц с неполным средним образованием входило очень много юношей и девушек, которые еще продолжали учебу в школе, ПТУ, техникуме для получения среднего образования.

В 1970-е годы среди трудящихся страны выросла доля лиц с высшим и средним образованием и сократилась с неполным средним и начальным. Удельный вес работников с высшим и средним образованием увеличился с 34 до 54 процентов, с неполным средним сократился с 31 до 26, а с начальным уменьшился с 25 до 16 процентов. К началу 1982 года среди всех работников физического труда лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием было 78,5 процента, среди рабочих – 80, среди колхозников – 65,5 процента. Наблюдалось некоторое различие в уровне образования городского и сельского населения, особенно среди лиц, имеющих высшее образование. В расчете на 1000 человек населения в 1982 году в городе было 104 человека с высшим образованием, а на селе – 25 человек, среди занятого населения – 139 и 48 человек соответственно. Среди сельского населения была более высокая доля лиц с начальным и ниже начального образованием. В 1982 году на 1000 человек всего сельского населения в возрасте 10 лет и старше это образование имел 471 человек (в 1,9 раза больше, чем в городе), среди занятого – 242 человека (в 2,2 раза больше, чем в городе)¹³⁶.

И в начале 1980-х годов далеко не все школьные проблемы были решены. Зарплата учителя оставалась невысокой, а требования к качеству его работы постоянно повышались. В школе все меньше стало работать мужчин и молодежи. Многие классы городских школ были переполнены, учебные занятия проходили в две смены, что сводило внеклассную воспитательную работу с детьми к минимуму. Государственного финансирования на ремонт школьных зданий, покупку мебели и оборудования почему-то хронически не хватало. Массовыми и повсеместными стали денежные поборы в пользу школы с родителей, чего не наблюдалось в 1960-е годы и ранее. Немало сельских школ размещалось в старых, ветхих зданиях, не было физкультурных залов, столовых и буфетов, учебных кабинетов. Во многих малокомплектных школах учителя не имели даже минимальной почасовой нагрузки по своему предмету на одну должностную ставку. Нередко один учитель преподавал много самых разнообразных предметов, от чего страдало качество обучения.

В сельских начальных школах РСФСР в начале 1980-х годов обучалось в среднем около 15 учеников, в восьмилетних – около 80, в средних – немногим более 280 человек. Это в шесть, четыре и три раза меньше, чем в городских школах. В связи с закрытием малокомплектных школ село стали покидать родители учеников ¹³⁷.

Во многих социологических исследованиях затраты времени родителей на работу с детьми либо не учитывались вообще, либо были намного занижены. Конечно же, по нашему мнению, на воспитание детей уходило у родителей не три и даже не пять часов в неделю, а намного больше. Уже на то, чтобы отвести ребенка в детсад и забрать его оттуда ежедневно требовалось затратить не менее одного – двух часов. Для того чтобы проверить у школьника младших классов выполнение домашних заданий и оказать хотя бы небольшую помощь, родителям требовалось ежедневно затратить не менее одного – двух часов. Школьные программы усложнились, многие новые учебники стали писать непонятным для детей наукообразным языком, излишне перегружать информацией.

Большие трудности испытывали молодые родители с воспитанием детей дошкольного возраста. Детскими дошкольными учреждениями охватывалось в 1960 году лишь 13 процентов, в 1970 г. – 37, в 1980 г. – 54, в 1985 г. – 58 процентов детей соответствующего возраста. Остальных детей воспитывали либо бабушки, либо матери, которые вынуждены были временно не работать в общественном производстве. Значительная часть детских дошкольных учреждений содержалась за счет промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Так, число дошкольных учреждений в сельской местности РСФСР увеличилось за 1966 – 1983 годы на 11,2 тыс. За это же время вдвое возросла численность детей, охваченных детскими садами и яслями. В 1983 году в постоянных дошкольных учреждениях сел РСФСР воспитывалось около двух миллионов детей. Две трети детских дошкольных учреждений российского села содержались в начале 1980-х годов за счет колхозов и совхозов ¹³⁸.

Жизнь советского человека, ее психологическая комфортность зависела не только от материального благополучия. Постоянно возрастали духовные потребности людей. Руководство СССР это понимало и прилагало огромные усилия для того, чтобы массовые настроения населения были пронизаны оптимизмом и не выходили из-под контроля властных структур. XXIII съезд КПСС обязал партийные организации серьезно улучшить массово-политическую работу среди населения, глубоко и доходчиво разъяснять политику партии, не уходить от острых проблем, «вести борьбу против аполитичности, частнособственнических пережитков и мещанских настроений, против проявлений нигилистического отношения к идеалам и завоеваниям социализма». Ставилась задача, чтобы пропагандистом и агитатором был каждый коммунист и комсомолец, каждый руководитель, начиная с партийного и кончая начальником предприятия коммунального хозяйства и бытового обслуживания¹³⁹.

Многочисленная армия идеологических кадров охватывала своим влиянием всю массу советского населения и в то же время стремилась дойти до каждого человека. Процесс воспитания людей был непрерывным и действовал всюду – на работе, в учебном заведении, дома, на улице. В начале 1970-х годов разовый тираж советских газет составлял около 140 млн, а журналов – более 150 млн экземпляров. 70 процентов населения СССР было охвачено телевидением, а радиопередачи слушала вся страна¹⁴⁰.

Люди были недовольны работой многих чиновников, различных управленческих структур. Но массовых антисоветских, антисоциалистических настроений в стране не наблюдалось. Многие слушали передачи зарубежных радиостанций о наших диссидентах, о внешней политике СССР и других стран, но серьезного влияния эти передачи на умы и сердца большинства советских людей не оказывали. Часть населения сожалела о том, что определенные враждебные нашей стране круги втянули прекрасного физика-ядерщика А. Сахарова в политику. А. Солженицына многие считали тогда просто обиженным человеком, которому пытался помочь Н.С. Хрущев, а при Л.И. Брежнев к нему отнеслись равнодушно, а затем и враждебно. К китайскому радио на русском языке, в передачах которого часто превалировали высказывания из «цитатника Мао», вообще мало кто относился всерьез. Даже западные специалисты-советологи не считали советских диссидентов подлинными выразителями настроений широких народных масс СССР, а лишь использовали их в «холодной войне», пытаясь нанести моральный вред нашей стране.

Сейчас много пишут о том, что эпоха Л. И. Брежнева – это эпоха «неосталинизма», эпоха отхода от частичной либерализации общества, начавшейся при Н. С. Хрущеве. Это не совсем так. Свертывание многих либеральных акций началось еще при Хрущеве. Гонения на инакомыслящих, в том числе и тех, кто пытался бороться за «истинный», «марксистско-ленинский» социализм, доходили до заключения этих людей в лагеря и тюрьмы. При Хрущеве было закрыто более половины храмов Русской православной церкви, про-

должалась борьба с так называемыми «буржуазными националистами» в республиках СССР.

Действительно, в период правления Н.С. Хрущева, особенно после XX – XXII съездов правящей партии, о деятельности И.В. Сталина практически не было сказано ни одного доброго слова, за исключением того, что имелось в известном постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий»: «Находясь длительный период на посту генерального секретаря ЦК партии, И.В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов... В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность... Советские люди знали Сталина как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма»¹⁴¹.

В отчетном докладе ЦК партии XXIV съезду КПСС Л.И. Брежнев так определил свое отношение к сталинизму: «Кое-кто пытался свести многообразие сегодняшней советской действительности к проблемам, которые бесповоротно отодвинуты в прошлое в результате работы, проделанной партией по преодолению последствий культа личности. Другая крайность - это попытки обелить явления прошлого, которые партия подвергла решительной и принципиальной критике, законсервировать представления и взгляды, идущие вразрез с тем новым, творческим, что партия внесла в свою практическую и теоретическую деятельность в последние годы. По существу же и в том, и в другом случае имели место попытки умалить значение того, что уже сделано партией и народом, отвлечь внимание от проблем сегодняшней жизни, от конструктивного курса партии и созидательных дел советских людей»¹⁴².

В 1979 году в связи со 100-летием со дня рождения И. В. Сталина коммунистическая газета «Правда» опубликовала большую редакционную статью, которая лишь повторяла основные положения постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий». В тот год на ветровых стеклах многих автомобилей водители по собственной инициативе помещали портреты Сталина. Власти к этому отнеслись спокойно, нейтрально. В художественных произведениях 1970 – 1980-х годов, особенно о Великой Отечественной войне, образ Сталина был в основном положительным. Не замалчивались и сталинские репрессии 1930-х годов. Тот, кто говорит о «культе личности» Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, в принципе не понимает, что культ личности – это явление иррациональное и почти религиозное. Культ личности Сталина являлся реальностью, а культов личности Хрущева и Брежнева не было и не могло быть. Попытки возвеличивания Хрущева и Брежнева не переросли в культ. Для этого в стране уже не было условий.

Несмотря на многие проблемы, недостатки, несправедливости, советский человек все же чувствовал себя спокойно, оставался уверен в завтрашнем дне. Его трудно было уволить с работы по инициативе администрации, лишить жилья. Выпускникам вузов, техникумов, профтехучилищ гарантирова-

лось трудоустройство по специальности. Молодые дипломированные специалисты ставились в льготную очередь на получение квартиры. Очень многим молодым семьям предоставлялись отдельные комнаты в семейных общежитиях. Большинство повседневных проблем, связанных с трудом и бытом людей, рассматривалось на уровне трудового коллектива. Многие вопросы повседневности решались через обкомы, горкомы, райкомы правящей партии. Нехватками качественных продуктов питания, одежды и обуви люди были недовольны, но до массовых протестов дело не доходило, так как многие дефицитные товары имелись на рынках или в других регионах страны.

Высказывать критические замечания в адрес руководителей страны, области, города, предприятия, учреждения люди опасались. Это могло повредить карьере, отодвинуть на неопределенное время квартирную очередь, лишиться премии, повлечь другие неприятности. Общество было насыщено информаторами различных властных структур. Такие информаторы («стукачи») имелись практически в каждом трудовом коллективе. Часть населения была подвержена таким негативным явлениям, как стяжательство, взяточничество, тушевание, клевета, пьянство. Ради карьеры некоторые лица использовали самые низменные методы – шельмование своих коллег по работе, вранье, наушничество, подхалимаж и т. п. От всего этого часто страдали честные, порядочные, трудолюбивые и талантливые люди, а интриганы, к сожалению, нередко ходили в любимчиках у начальства, получая от него различные материальные и моральные подачки.

Большинство современных исследователей определяет период правления Л. И. Брежнева как «застойный» и «кризисный». С этим современным идеологическим штампом нельзя согласиться в полной мере. Первое десятилетие брежневского правления было в основном временем успешного экономического и социального развития страны, заметного улучшения повседневной жизни подавляющего большинства советских людей. В 1980 году один из виднейших американских советологов Северин Бялер писал: «Я вижу 60-е и 70-е годы как очень благоприятный период в советской истории. Вполне возможно, что будущие историки скажут, что это был величайший, лучший период в их истории. Это было общество, которое впервые оказалось способным дать одновременно пушки и масло, слегка повысить жизненный уровень и достичь военного паритета с Западом. У них было много проблем, но ни одна из них не развилась в системный кризис. Следовательно, это был в целом исключительно успешный период в их истории. И это был не короткий период. Брежнев занимал свой пост дольше, чем Рузвельт. Это целая эра»¹⁴³. Правда, в годы горбачевской перестройки многие ее идеологи и «прорабы» объявили советскую статистику о развитии страны «ложной». А где гарантия, что «статистика» этих обвинителей правдивая? В 1986 – 1999 годах я и моя семья жили материально хуже, чем в начале 1980-х годов. Были нехватки предметов народного потребления, мясных продуктов. Но ведь в годы перестройки стало еще хуже.

Главную причину застойных явлений в экономике СССР, которые явно проявились в конце 1970-х – начале 1980-х годов, М. С. Горбачев и его окружение видели в том, что наша экономика не была своевременно переведена на интенсивные методы развития, активное использование в народном хозяйстве достижений научно-технического прогресса. В результате народное хозяйство, располагающее огромными ресурсами, натолкнулось на их нехватку. Образовался разрыв между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием¹⁴⁴.

М. С. Горбачев отмечал, что «в последние годы жизни и деятельности Л.И. Брежнева поиск путей дальнейшего продвижения вперед во многом сдерживала приверженность привычным формулам и схемам, не отражавшим новых реальностей. Усилился разрыв между словом и делом. Нарастали негативные процессы в экономике, создавшие, по существу, предкризисную ситуацию. Возникли многие аномальные явления в социальной и духовно-нравственной сфере, которые искажали, деформировали принципы социальной справедливости, подрывали в народе веру в нее, порождали социальное отчуждение и аморализм в разных его формах. Растущее расхождение между высокими принципами социализма и повседневной реальностью жизни стало нетерпимым»¹⁴⁵.

Разрыв между словом и делом – характерная черта деятельности многих номенклатурных работников периода брежневского правления. Лекторы и агитаторы предпочитали уклоняться от лекций и докладов о внутренних проблемах страны и больше любили в своих выступлениях международную тематику. И это не случайно. По словам одного из противников административно-командной коррумпированной советской системы, содержание официальной пропаганды и агитации и повседневная жизнь находились в глубоком противоречии: «Можно ли сказать, что в прежние (доперестроечные. – М. Ф.) времена массовое сознание, пропитанное победительной ложью, было гармоничным и комфортным? Нет. Тогда противоречие носило иной характер: два информативных слоя – повседневно-бытовой и общеидеологический – мерительно не совпадали»¹⁴⁶. Философское разъяснение этому явлению дал на страницах журнала «Огонек» в 1988 году В. Карпов: «Два мира уживались в нашем сознании. Мир повседневных реальностей давал практические ориентиры, мир показного благополучия – надежду на улучшения, на более достойную жизнь в будущем. Сочетанием двух миров усугублялось двоемыслие»¹⁴⁷.

Примечания

1. Свободная мысль. - 1996. - № 10. - С. 114.
2. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 14. Д. 64. Л. 35 – 36; Оп. 15. Д. 90. Л. 2.
3. Там же. Оп. 296. Д. 220. Л. 136, 139.
4. Там же. Л. 137, 138, 139, 140, 141.
5. Геллер М., Некрич А. История России. 1917 – 1995: В 4 т. Т. 2. Утопия у власти. Кн. 2. Мировая империя. – М.: Изд – во «МИК»; Изд – во «Агар», 1996. - С. 207 – 208.
6. Материалы XXIII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1966. - С. 49.

7. Там же.
8. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971. - С. 34.
9. Материалы XXIII съезда КПСС... С. 44; Материалы XXIV съезда КПСС... - С. 32.
10. Материалы XXIV съезда КПСС... С. 35.
11. Там же. С. 36.
12. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. - С. 163.
13. Там же. С. 36, 163, 164.
14. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1982. - С. 47, 100, 102, 133, 134.
15. Там же. С. 48.
16. Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986. - С. 22, 225, 226.
17. Там же. С. 22, 224.
18. Там же. С. 23, 224, 226.
19. Социальное развитие рабочего класса... С. 280.
20. Там же. С. 147, 150.
21. Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг. – М.: Наука, 1979. - С. 133 – 135; История Урала с древнейших времен... С. 436.
22. Клопов Э. В. Рабочий класс СССР: Тенденции развития в 60 – 70-е годы. – М.: Мысль, 1985. - С. 113; Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 280.
23. Шохин А. Н. Социальные проблемы перестройки. – Экономика, 1989. - С. 209.
24. Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Советская деревня: труд, быт, досуг. – М.: Рос-сельхозиздат, 1986. - С. 87.
25. Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. - С. 76 – 77; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. – М.: Политиздат, 1976. - С. 110.
26. Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 150.
27. Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг. С. 136 – 137; История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 192.
28. Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг. ...- С. 142.
29. Там же. С. 145.
30. Симуш П. И. Указ. соч. С. 110; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1987. - С. 431, 435.
31. Там же. С. 111, 114.
32. Народное хозяйство СССР за 70 лет... -С. 431.
33. Там же. С. 431, 435.
34. Материалы XXIV съезда КПСС... С. 34; Материалы XXV съезда КПСС... С. 37.
35. Материалы XXVII съезда КПСС... С. 30 – 31.
36. Симуш П. И. Облик хозяина земли. Новейшие и традиционные черты. – М.: Мысль, 1987. - С. 144; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 79 – 80.
37. Васин С. А., Лиходей В. Г. Мера всех вещей: Размышления политэкономов. – Киев: Политиздат Украины, 1990. - С. 144, 145, 147 – 148.
38. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 644.
39. Кара- Мурза С. Г. Указ. соч. С. 428.
40. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 149 – 150.
41. Там же. С. 151.
42. Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 180.
43. Белоусов Р. А. Экономическая история: XX век. Книга V. Драматический кризис в конце столетия. – М.: ИздАТ, 2006. - С. 118.
44. Шохин А. Н. Указ. соч. - С. 166 – 167.

45. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 644.
46. Шохин А. Н. Указ. соч. С. 168.
47. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 469.
48. Подсчитано по данным: Народное хозяйство СССР за 70 лет... - С. 469; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 152.
49. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. - С. 151.
50. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 472; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. - С. 155.
51. Подсчитано по тем же данным.
52. Федоров В. А. Некоторые стороны быта жителей Кургана в 70-е годы XX века // Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. - С. 178.
53. Таблица составлена по данным: Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. - С. 156; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 83; Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 473.
54. Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. - С. 144, 148; Симуш П. И. Указ. соч. - С. 57, 58.
55. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник. – М.: Госкомиздат, 1987. - С. 245, 249.
56. Симуш П. И. Указ. соч. С. 58; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. - С. 148.
57. Таблица составлена по данным: Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. - С. 83; Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 472, 473.
58. Зезина М. Р. Автомобиль «Жигули» на советском потребительском рынке // История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки, проблемы, современность: Материалы II Всероссийской научной конференции. 26 – 27 октября 2005 г. / Отв. ред. Р. Г. Пихоя. – Тольятти: Изд-во ОАО «АВТОВАЗ», 2005. - С. 65.
59. Нюренберг В. В. Массовая автомобилизация и становление городского общества в СССР // Там же. - С. 252; Федоров В. А. Указ. соч. - С. 178.
60. Зезина М. Р. Указ. соч. - С. 80, 81.
61. Там же. - С. 81.
62. Там же.
63. Сигельбаум Л. Г. Автомобили, автомобили и еще раз автомобили: сделка с дьяволом в эпоху Брежнева // Там же. - С. 245 – 246.
64. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 508.
65. Там же. С. 516.
66. Там же. С. 9, 517.
67. Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг.... С. 160.
68. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 521.
69. Федоров В. А. Указ. соч. С. 178.
70. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 207.
71. Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 174 – 175; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 163.
72. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. - С. 164.
73. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 644.
74. Материалы XXIII съезда КПСС... С. 58.
75. Народное хозяйство СССР в 1990 году: Статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1991. - С. 67, 242; История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5...

- С. 225; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 209; Население СССР... С. 8, 69.
76. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 225, 226, 229.
77. Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 129.
78. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 468.
79. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 250; Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 246; Правда. - 1981. - 24 февраля.
80. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 672.
81. Население СССР... С. 70.
82. Материалы XXVI съезда КПСС... С. 61; Население СССР... С. 70 – 72.
83. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 227.
84. Население СССР... С. 73.
85. Там же. С. 82 – 83.
86. Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 209; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 137.
87. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 138.
88. Население СССР... С. 55; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 125 – 126; Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 246 – 247.
89. Подсчитано по данным: Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 431, 439; Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 47; Население СССР... С. 78.
90. Подсчитано по данным: Население СССР... С. 81.
91. Население СССР... С. 96.
92. Там же.
93. Там же. С. 55.
94. Правда. - 1989. - 29 апреля; Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 67; Население СССР... С. 8.
95. Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг... С. 145.
96. Там же. С. 144.
97. Суслов И. Ф. Указ. соч. С. 206; Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 435; Население СССР... С. 91; Материалы XXIV съезда КПСС... С. 43.
98. Суслов И. Ф. Указ. соч. С. 211.
99. Население СССР... С. 19; Суслов И. Ф. Указ. соч. С. 211 – 212.
100. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 115.
101. Там же. С. 166, 174.
102. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 115; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 79; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства... С. 106.
103. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 115.
104. Федоров В. А. Указ. соч. С. 178.
105. Там же.
106. Там же.
107. Никулин В. В. Зауральское село. Личное подсобное хозяйство 70 – 80-х гг. (по материалам социологических исследований) // Земля курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского гос. пед. ин-та, 1992. - С. 95 – 101.
108. Там же. С. 96.
109. Там же. С. 97.
110. Там же. С. 97, 98.

111. Там же. С. 99.
112. Там же. С. 100.
113. Там же. С. 100, 101.
114. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 217.
115. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 218, 221; Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 285.
116. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 221 – 222; Социальное развитие рабочего класса СССР... С. 285.
117. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 5... С. 223 – 224.
118. Там же.
119. Там же.
120. Клопов Э. В. Указ. соч. С. 265.
121. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1973. – С. 119 – 121.
122. Федоров В. А. Досуг жителей Кургана в 70-е годы XX века // Зырянские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 79 – 80.
123. Там же. С. 80.
124. Там же.
125. Там же. С. 81.
126. Там же.
127. Там же.
128. Федоров В. А. Культура досуга колхозников Зауралья. 70-е годы XX века // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Вып. 6. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 50, 51, 53.
129. Там же. С. 51, 52, 53.
130. Там же. С. 53, 54.
131. Там же. С. 55, 56.
132. Население СССР... С. 102, 106, 107.
133. Там же. С. 109 – 113.
134. Там же. С. Там же. С. 113 – 114.
135. Там же. С. 115.
136. Там же. С. 116, 120, 121.
137. Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 184 – 185.
138. Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 9; Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В. Указ. соч. С. 186.
139. Материалы XXIII съезда КПСС... С. 199.
140. Материалы XXIV съезда КПСС... С. 90.
141. КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 118, 120.
142. Материалы XXIV съезда КПСС... С. 88.
143. Геллер М. История России. 1917 – 1995. Т. 3. Кн. 3. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. – М.: Изд-во «МИК»; Изд-во «Агар», 1996. – С. 99.
144. Материалы XXVII съезда КПСС... С. 23.
145. Горбачев М. С. Указ. соч. С. 29.
146. Миф о застое. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 4.
147. Огонек. – 1988. – № 31. – С. 15.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕЛОВЕК В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985 – 1991)

Для середины 1980-х годов была характерна частая сменяемость первых руководителей правящей в СССР партии. В ноябре 1982 года умер Л. И. Брежнев. Во главе партии и государства встал Ю.В. Андропов, который выступал за обновление советской общественной системы, за ее очищение от видимых пороков. Он призвал общественность глубже и критически изучить состояние советского общества, предлагал ослабить централизованное планирование и распределение, изменить ценообразование на уровне регионов и предприятий. Ю. В. Андропов приступил к бескомпромиссной борьбе с коррупцией, включая высшее звено партийно-государственного аппарата. Многие высокопоставленные чиновники министерств и регионов лишились постов за коррупционную деятельность, за сращивание с дельцами «теневой экономики», в которой по неполным данным было занято около 15 млн человек. Большое внимание уделялось укреплению трудовой дисциплины на каждом рабочем месте, охране общественного порядка по месту жительства граждан. Путем огромных усилий удалось чуть-чуть улучшить положение в экономике страны. В 1983 году национальный доход увеличился на 3,1 процента, промышленное производство выросло на четыре процента, сельскохозяйственное – на шесть процентов¹. Однако по многим показателям (выработка электроэнергии, добыча нефти, выплавка стали, производство автомобилей) темпы роста снижались. Укрепление трудовой дисциплины улучшило положение в экономике очень незначительно. Экономика страны нуждалась в серьезных структурных изменениях.

В период правления К.У. Черненко (февраль 1984 – март 1985 г.) борьба с коррупцией перестала задевать даже средний уровень партийно-государственного аппарата, спустившись в народные массы. На словах курс на спасение и очищение системы продолжался, но его осуществление проходило очень вяло.

В марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 54-летний М.С. Горбачев. Простые люди в своем большинстве благожелательно отнеслись к новому, относительно молодому по возрасту руководителю правящей партии. Импонировали его происхождение из крестьянской среды, хорошее образование (юридическое и сельскохозяйственное экономическое), знание проблем сельской жизни, умение грамотно и без бумажки выступать перед людьми, простота в общении и многое другое.

М.С. Горбачев признал, что советское общество находилось к началу его правления в состоянии застоя или стагнации (как поначалу он стыдливо называл это состояние). Причины негативных явлений в нашей стране он видел не

в социалистическом строе, а в «деформациях» социализма, связанных с именами И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева и других руководителей СССР.

В апреле 1985 года на Пленуме ЦК КПСС был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития страны. Основным звеном этого ускорения называлась научно-техническая революция, прежде всего, в машиностроении. Ведь научно-технический прогресс развивался у нас в основном лишь в военной промышленности. Внедрение технических новшеств тормозилось неповоротливостью хозяйственного механизма в условиях административно-командной системы управления. В 1980-е годы вручную работали примерно 40 процентов рабочих промышленности, 60 процентов строителей и 75 процентов работников сельского хозяйства. В 1985 году в США действовало 1,5 млн новейших электронно-вычислительных машин и 17 млн персональных компьютеров, а в СССР насчитывалось лишь несколько десятков тысяч аналогичных машин в основном устаревших конструкций. Советская экономика, за исключением отраслей военно-промышленного комплекса, весьма медленно использовала достижения научно-технического прогресса. В середине 1980-х годов промышленность отвергала до 80 процентов новых апробированных технических решений и изобретений ².

М.С. Горбачев призывал тружеников города и деревни активизировать в целях ускорения социально-экономического развития страны так называемый человеческий фактор, эффективно использовать основные производственные фонды, осуществлять механизацию и автоматизацию производства силами местных рационализаторов. С целью повышения качества продукции вводилась дополнительная контролирующая инстанция – госприемка. До этого аналогичный контроль осуществлялся только за выпуском военной продукции. Госприемка, введенная с 1 января 1987 года на одной трети всех предприятий страны, выявила в тот год лишь 15 – 18 процентов бракованной продукции, хотя низкое качество было присуще очень многим изделиям ³. В октябре 1989 года госприемку отменили, а качество продукции стало зависеть от потребительского спроса. Капиталовложения в машиностроение, импортные закупки для него, не дав реальной отдачи, привели только к еще большему перенапряжению бюджета, создав бюджетный дефицит. СССР настолько отстал на научно-техническом уровне производства от ведущих стран Запада, что поправить положение методом частичного «латания дыр» в принципе было уже невозможно. Ситуацию в экономике осложнили землетрясение в Армении и авария на Чернобыльской атомной электростанции.

Составляющими концепции «ускорения» являлись также антиалкогольная кампания, борьба с нетрудовыми доходами, школьная реформа, введение нового закона о трудовых коллективах. Антиалкогольное законодательство не способствовало заметному уменьшению в стране пьянства, но обострило ситуацию на потребительском рынке и нанесло ущерб государственному бюджету. Появились огромные очереди за спиртными напитками, на которые при-

шлось вводить талоны. Из продажи стали исчезать сахар, спиртосодержащие медицинские препараты, парфюмерные и моющие средства. В течение трех лет (1985 – 1988) поступления в государственную казну от продажи спиртных напитков сократились на 37 млрд рублей. Школьная реформа, одной из главных задач которой являлась компьютеризация учебного процесса, не могла быть осуществлена за короткое время из-за отсутствия необходимого количества компьютеров. Борьба с нетрудовыми доходами на деле свелась к наступлению местных властей на личные подсобные хозяйства. Реально она задела слой людей, вырастивших и продававших на рынках свою продукцию, в то время как воротили «теневой экономики», связанные с коррумпированной частью государственного аппарата, по-прежнему процветали. Закон о трудовых коллективах, наделявший их правом выбора руководящих работников, «справедливого» регулирования заработной платы и определения цены выпускаемой продукции, способствовал «коллективному эгоизму» работников предприятий. Трудовые коллективы стали выбирать себе удобных и покладистых начальников, стремились не столько к улучшению своей работы, сколько к повышению цены на выпускаемую продукцию и увеличению заработной платы любыми средствами ⁴.

За 1985 – 1986 годы темпы прироста производительности труда в промышленности и строительстве превысили среднегодовые показатели одиннадцатой пятилетки (1981 – 1985) в 1,3 раза, на железнодорожном транспорте – втрое. Выросли капиталовложения в развитие социальной сферы. Однако главную экономическую и социальную проблему решить не удалось. Дефицит на потребительском рынке еще более возрос. На рубеже 1986 – 1987 годов М.С. Горбачев признал неудачу избранной стратегии «ускорения». Однако он отказался признать собственные просчеты и возложил всю ответственность на консерваторов, партийно-государственную бюрократию, в целом на «механизм торможения», который и должен был быть устранен. В 1987 – 1988 годах М.С. Горбачев и его ближайшее окружение сделали попытку замены командно-административной системы моделью демократического социализма. Если раньше предполагалось, что советский социализм в основе здоров и нужно только «ускорить» его развитие, то теперь презумпция невиновности с советской социалистической (командно-административной) модели была снята и в ней обнаружили серьезные пороки, подлежащие устранению. В связи с этим лозунг «ускорение» сняли, а главными стали лозунги «перестройка», «гласность» и «демократизация» ⁵.

На словах М.С. Горбачев выступал за марксистско-ленинскую демократическую модель социализма, а в действительности взял курс на внедрение в советское общество моделей и механизмов, получивших классическое воплощение в западных странах. В советскую идеологию были включены такие принципы, как гражданское общество, правовое государство, парламентаризм, разделение властей, естественные и неотъемлемые права человека, кото-

рые характеризовались Марксом и Лениным именно как буржуазные. Правда, Горбачев и его окружение стали называть эти ценности общечеловеческими⁶.

Чтобы идеологически, психологически подготовить население страны к вестернизации процесса отечественной модернизации, надо было максимально критически осветить советскую модель социализма. Сделать это методом сравнения периода правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева с периодом нахождения у власти М.С. Горбачева новому лидеру было невыгодно. Жизнь народа даже по сравнению с «застойным» периодом не улучшалась. Поэтому М.С. Горбачев и его окружение организовали так называемую гласность о теневых сторонах более ранней советской истории. Подобное уже было в хрущевскую «оттепель». В период горбачевской перестройки очернительство советского прошлого принимает целенаправленный, крупномасштабный характер. Инициаторами и вдохновителями этого процесса являлись члены политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев и другие.

Доклад М.С. Горбачева, посвященный 70-летию Октябрьской революции, фактически дал зеленый свет критике советского прошлого. Ведущими журналами и газетами в проведении кампании гласности являлись «Московские новости», «Огонек», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Новый мир» и другие. Введение для органов печати хозрасчета, самоокупаемости побуждало редакторов к публикации сенсационных разоблачений пороков советской жизни, рассказов о советском прошлом. Тиражи газет и журналов возросли фантастически. Еженедельник «Аргументы и факты» имел в 1985 году тираж 1,4 млн экземпляров, в 1989 г. – 20,4 млн, в 1990 г. – свыше 30 млн экземпляров. Газета «Комсомольская правда» выходила в 1985 году тиражом 13,2 млн экземпляров, а в 1990 г. – более 21 млн. В 1990 году газета «Труд» имела тираж 20 млн экземпляров, «Известия» - 9,5 млн, «Пионерская правда» - 8,2 млн, «Правда» - 6,8 млн, «Сельская жизнь» - 5,9 млн, «Советский спорт» - 4,8 млн, «Литературная газета» - 4,2 млн. Среди журналов наиболее высокими тиражами обладали «Работница» - 23,6 млн экземпляров, «Крестьянка» - 21,4 млн, «Здоровье» - 17,6 млн, «Человек и закон» - 8,9 млн, «Веселые картинки» - 8,1 млн, «Мурзилка» - 4,7 млн, «Огонек» - 4,4 млн, «Смена» - 3,2 млн, «Роман-газета» - 3,1 млн, «Юность» - 2,9 млн, «Семья и школа» - 2,9 млн, «Ровесник» - 2,9 млн, «Вокруг света» - 2,7 млн⁷.

Критически стали рассматриваться многие события советской истории, подробно освещалась работа комиссии политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930 – 1950-х годов. Были опубликованы: доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях», материалы о так называемых «ленинградском деле», «деле врачей», «деле Еврейского антифашистского комитета», было отменено постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Новую оценку получил договор 1939 года между Германией и СССР о ненападении и документы, которые были подписаны в связи с этим договором.

Побудительными факторами к критике и переосмыслению отечественной истории и современной советской действительности являлись материалы публицистики, в первую очередь экономической. Значительным был вклад в «революцию умов» литературных критиков, публицистов и экономистов Н. Шмелева, О. Лациса, Г. Попова, А. Ципко, Ю. Черниченко и других. Благодаря им от критики частных деформаций социализма, сталинизма как явления, «механизма торможения» в 1987 – 1988 годах стали распространяться идеи о том, что виновата во всех кризисных явлениях в целом система организации советского общества, что корни этой системы лежат не в сталинизме, а в марксистско-ленинской доктрине⁸.

На советского читателя обрушился поток «сенсационных» цифр о теневых сторонах экономики СССР. Статистические данные, факты, приводимые в печати, в том числе и в газете «Правда», убеждали значительную часть населения в том, что мы жили очень плохо, что в стране происходит системный кризис, а единственный выход из него – горбачевская перестройка. О достоверности информации мало кто тогда задумывался.

В годы перестройки было опубликовано много художественных произведений, которые рассматривали острые проблемы современности. Появились повести В. Распутина «Пожар», В. Астафьева «Печальный детектив», в которых поднимались проблемы советской глубинки. В «Плахе» Ч. Айтматов впервые рассказал о проблемах наркомании, которая раньше считалась лишь уделом заграницы. В «Белых одеждах» В. Дудинцева и «Зубре» Д. Гранина повествовалось о судьбах ученых в условиях сталинского режима. В «Детях Арбата» А. Рыбаков показал повседневную жизнь московской молодежи 1930-х годов. Был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, в котором освещается труд и быт советских заключенных в 1920 – 1940-е годы.

Советские читатели смогли познакомиться с работами отечественных литераторов 1920 – 1930-х и более поздних годов, которые долгие годы были под запретом («Мы» Е. Замятина, «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка, романы А. Платонова «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море», Б. Пастернака «Доктор Живаго»). Стали публиковаться труды российских философов – Н. Бердяева, В. Соловьева, П. Сорокина, В. Лосского, А. Лосева и других.

В годы перестройки появились художественные фильмы о сталинском режиме – «Покаяние», «Завтра была война», «Холодное лето пятьдесят третьего», «Власть соловецкая». По-новому трактовали наше прошлое пьесы М. Шатрова «Брестский мир», «Дальше... Дальше... Дальше...». Перестроечными идеями были пропитаны телевизионные передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо». Вызывали интерес прямые трансляции заседаний XIX всесоюзной конференции КПСС, съездов народных депутатов СССР и РСФСР.

Общество оказалось во многом не подготовленным к стремительной и радикальной переоценке ценностей. Гласность способствовала столкновению различных групповых убеждений и интересов, формированию у многих лю-

дей впечатления беспробудности их существования, обреченности, неуверенности в завтрашнем дне.

В 1988 году был проведен всесоюзный социологический опрос «Гласность и демократизация. Общественное мнение о перестройке и ее влиянии на политическую жизнь страны». В опросе участвовало около четырех тысяч трудящихся, проживавших в различных регионах страны и представлявших все основные социальные группы населения, а также свыше 400 работников местных партийных и советских органов. 80 процентов из них считали, что необходимо и дальше развивать в обществе гласность и плюрализм мнений. 51 процент респондентов заявили о том, что для них потребность в гласности, откровенности, безбоязненном выражении своих позиций по любому вопросу является столь же необходимой, как потребность в повышении материального благосостояния. 25 процентов участников социологического опроса с настороженностью, отрицанием или колебанием отнеслись к политическому обновлению общества, курс на которое взяла летом 1988 года XIX всесоюзная конференция КПСС.

За годы перестройки массовое сознание значительно политизировалось. Если в начале 1980-х годов высокий интерес к внутривнутриполитическим событиям проявляли лишь 40 – 50 процентов трудящихся, то в 1988 году – 80 процентов. Вместе с тем 70 процентов респондентов были не удовлетворены объемом информации о деятельности ЦК КПСС, 66 процентов – о работе Верховного Совета СССР, 73 процента – о Комитете народного контроля СССР. 34 процента трудящихся считало, что меры по расширению гласности и демократизации являлись недостаточно действенными.

Несмотря на рост критических публикаций в средствах массовой информации, социологическое исследование показало, что в жизни общества еще сохранялись «зоны вне критики». В декабре 1988 года уверенных в том, что «зон» и лиц, находящихся вне критики, нет, было лишь девять процентов на уровне страны в целом, 14 процентов – на уровне городов или районов, 35 процентов – в трудовых коллективах. В целом в обществе медленно изживался «синдром страха», боязнь критиковать руководящие органы и лица. 45 процентов респондентов считали, что случаи выражения лести, восхвалений, угодничества в адрес хозяйственных руководителей трудовых коллективов встречались еще довольно часто⁹.

В условиях свободы слова определенные политические силы, захватившие средства массовой информации, стали использовать эту свободу не в интересах большинства населения, а во вред ему. Значительная часть СМИ, деятелей художественной культуры сознательно дестабилизировала обстановку в стране, спекулировала на социально-экономических трудностях, стремилась вбить клин между народами, чтобы развалить Советский Союз. Об этом свидетельствуют многочисленные письма в ЦК КПСС как членов правящей партии, так и беспартийных. Участники пленума Муромцевского райкома

КПСС Омской области в обращении к населению говорили: «Со сцен театров, с кино- и видеоэкранов нередко пропагандируются жестокость, порнография, моральная распущенность, эгоцентризм и т. п. Отдельные средства массовой информации выступают не как организующая и консолидирующая сила советского общества, а, наоборот, дестабилизируют обстановку и развращают людей». Из коллективного письма преподавателей Загорского художественно-промышленного техникума игрушки (Московская область): «В последние годы из средств массовой информации исчезла тема труда, патриотизма, интернационализма, подвига молодежи в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны, послевоенного возрождения, в наши дни. В итоге возник еще один дефицит – дефицит патриотизма. От этого и возникает нежелание работать, учиться»¹⁰.

В. А. Мельников из г. Горького справедливо упрекал в попытках морального разложения молодежи отдельных работников кино: «Было время, когда дети в своих играх подражали героям кино. На их благородстве, патриотизме воспитывались люди. Песни из кинофильмов расходились по всей стране, вдохновляли народ. Любовь к Родине – вот что должно быть главным в тематике советского кино. К сожалению, в настоящее время работники киноискусства не желают ставить фильмы на эти темы. Это считается немодным. Мода стала такая – плюю в свой колодец. Рассуждают, видимо, так: лучше сделать что-то вульгарное, ибо в этом случае есть шанс попасть на заграничный фестиваль. Вот и снимают всякий маразм». А. С. Насонов из г. Тольятти писал в 1990 году: «В последние два – три года многие средства массовой информации ведут хорошо организованную и скоординированную войну против стабильности в стране, избрав для этого давно испытанный метод шельмования, оглупления русских, изображая их сталинистами, консерваторами, шовинистами, расистами, способными на крайние меры в силу якобы своего характера и низкой политической культуры. Цель, кажется, ясна – изолировать Россию, русских от процесса перестройки, чтобы легче добиваться развала нашего Союза»¹¹.

Подвергал сомнению содержание идеологической деятельности СМИ житель Иркутской области М. И. Трепузов: «Где, в какой еще стране мира самоочернительство достигало такой степени? Почему под видом оздоровления общества мы оплевываем себя? Ведь если человеку внушать, что он туп и ленив, что он прожил напрасно десятилетия, что неумение работать – в характере русских, что все беды исходят от партаппарата, коммунистов, будет ли такой человек заинтересован в улучшении жизни окружающих, будет ли он хорошо работать? Нет, каждый будет стараться урвать побольше лишь для себя. Особенно отвратительным цветом расцвели сегодня потуги распространения неприязни к русскому народу, ведется осмеяние его патриотизма, чувства национального достоинства. Почему все это не осуждается официально? Пропагандируются вещизм, потребительство, эгоизм, порнография, очерняется армия. Стали обычным явлением наркомания, проституция. Нужна ли такая пе-

рестройка, когда человек человеку становится врагом, когда разваливается экономика, растет преступность и падает мораль? Что-то надо делать!»¹².

В условиях дальнейшего ухудшения в стране экономической ситуации лавирование М. С. Горбачева между «демократами» и коммунистами вызвало раздражение у большинства. «Демократы» осуждали его за нерешительность и непоследовательность в проведении экономических реформ, а ортодоксальные коммунисты – за «предательство дела социализма» и «буржуазное перерождение». Если в декабре 1989 года деятельность Горбачева поддерживали 52 процента участников социологического опроса, то в октябре 1990 – 21 процент. На IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 года) Н.И. Рыжков заявил о том, что перестройка в том виде, в котором она замышлялась в 1985 году, потерпела поражение¹³.

Правда, уже в 1987 – 1988 годах перестройка шла полным ходом совсем по-другому, чем она замышлялась в 1985 году. Новая идеология и стратегия реформ были впервые изложены Горбачевым в 1987 году на январском Пленуме ЦК КПСС. Кульминацией нового реформаторского курса явилась XIX всесоюзная конференция КПСС, состоявшаяся летом 1988 года. На ней приняли решение о политической реформе в стране, суть которой состояла в уступке со стороны ряда членов политбюро ЦК КПСС во главе с Горбачевым части своей власти антикоммунистическим силам.

С 1 января 1988 года вступил в силу Закон о государственном предприятии (объединении). Он был направлен на замену прежнего административного социализма новым хозрасчетным (рыночным). Речь шла о переводе предприятий на самофинансирование, самоокупаемость и самоуправление. Директивный государственный план заменялся государственным заказом. Предприятия получили право даже выходить на внешний рынок, развивать совместную с иностранными фирмами деятельность. Этот закон не способствовал коренному перелому в производстве товаров народного потребления, но открыл производителям путь к необоснованному повышению цен на выпускаемую продукцию. Большинство же предприятий предпочитали работать на государственный заказ, иметь гарантированное централизованное снабжение и сбыт готовой продукции. Для перехода на рыночные отношения в стране не была создана необходимая инфраструктура из товарно-сырьевых бирж, банков и других составляющих, которые бы позволили наладить механизм закупок сырья и сбыта продукции, предоставления кредитов и размещения инвестиций. Дестабилизирующему положению в финансовой сфере способствовал и необоснованный перелив денежных средств из безналичного в наличный оборот, чего не было в доперестроечный период.

Поощрение правительством кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности привело лишь к незначительному росту производства товаров народного потребления. Кооператоры и частники стали скупать у государства сырье и продукцию и перепродавать все это втридорога. Законы о

государственном предприятии, о кооперативах, об индивидуальной трудовой деятельности открыли пути для легализации «теневого экономики». По скромным и очень приблизительным оценкам, еще «хилый» тогда частный сектор «отмывал» до 90 млрд «грязных, криминальных» рублей в год¹⁴. На январь 1988 года в СССР насчитывалось 14 тысяч кооперативов, в них работало 150 тысяч человек; в июле 1990 года кооперативов насчитывалось уже 210 тысяч и 5,2 млн человек работающих в них¹⁵. Эти кооперативы, порожденные бестоварьем, во многом дискредитировали себя. В них царил дух наживы, причем не за счет производства, а за счет перепродажи по более высоким ценам товаров, скупленных у государства. Само понятие «кооперация» приобрело в массовом сознании негативный оттенок.

Из беседы М.С. Горбачева с рабочими ленинградского объединения «Ижорский завод» 11 июля 1989 года: «*Голос*. Кооператоры перекупкой занимаются, спекуляцией. *Горбачев*. Другое дело – кооперативы, которые скупают государственные продукты питания, да и некоторые промышленные товары. Маечку какую-то взял, какой-то цветочек нарисовал, и уже цена повысилась. *Голос*. Девяносто процентов таких кооперативов. *Горбачев*. Передать на места вопросы регулирования всей жизни кооперативов – какие кооперативы иметь, какие не иметь, какие налоги устанавливать для них – передать эти вопросы на рассмотрение местных органов. (*Шум в зале*). *Горбачев*. Я так понимаю, что товарищи ставят под сомнение возможность решить вопрос таким образом? *Голоса*. Да! *Горбачев*. Нет доверия к местным органам? *Голоса*. Да!»¹⁶.

Из писем в ЦК КПСС. «Деятельность кооперативов способствует дезорганизации потребительского рынка. Кооператоры скупают по розничным государственным ценам ходовые товары и затем перепродают их по более высоким». (Алехнович К. М., г. Свердловск). «В Москве вместо того, чтобы поднимать уровень государственной торговли и службы быта, закрывают магазины, столовые, даже учреждения культуры, а их помещения передают кооперативам. Раньше на всех углах торговали пирожками по 10 коп., а сейчас их продают только частники по цене в два – три раза дороже» (Колобанов П.И., г. Москва). «Возросли розничные цены на все и вся, организована спекулятивная перепродажа государственных товаров в кооперативах, введены так называемые договорные цены, которые по карману только ворам и грабителям, дефицитом стала даже зубная щетка, с прилавков магазинов исчезли импортные товары. Получается, что “достоинства” перестройки – в бурном росте цен, дефицита, в сплошных очередях и давках». (Тарасов Л. Н., г. Свердловск)¹⁸.

Выступая на Пленуме ЦК КПСС (декабрь 1989 года), сборщица микросхем Ленинградского научно-производственного объединения «Позитрон» Т.И. Снеткова говорила: «Набирает силу “теневая экономика”. На ниве кооперации нашли прибежище спекулянты. Понимаю, что тема несбалансированности рынка уже набилась оскомину. Но удивляет, что выступления в прессе экономистов настойчиво убеждают рабочих людей, что заработком, как у меня, в 280

рублей, мы очень давим на рынок товаров и услуг. И в этом они видят основную причину его катастрофического положения. Сложная обстановка в стране намеренно усугубляется определенными кругами, и четыре года такой деятельности не прошли даром»¹⁹.

Необоснованно повышая цены на дефицитные товары, руководители кооперативов платили своим работникам из числа родственников и друзей очень высокую зарплату. В результате многие высококвалифицированные специалисты уходили с государственных предприятий в кооперативы. Об этом писали в 1989 году в Москву руководители Рижского вагоностроительного завода: «За последнее время резко возрос отток квалифицированных кадров с нашего предприятия в кооперативы. В 1988 году ушло 193 человека, за пять месяцев текущего года – еще 117 человек. При общей численности работающих – 4757 человек дефицит кадров составляет более 300 работников. Завод при любых формах организации труда не способен выдержать конкуренцию в вопросах оплаты труда. Положение, при котором производительность труда в кооперативах в два – три раза ниже, чем на государственных предприятиях, а оплата труда в два – три раза выше, является недопустимым. Нужны экстренные меры, так как отток рабочей силы с завода поставит под угрозу выпуск электро- и дизель-поездов пригородного сообщения, единственным изготовителем которых он является». Из коллективного письма в ЦК КПСС московских строителей: «Объединение “Главмосстрой” испытывает дефицит рабочих кадров, которые уходят в кооперативы, где месячная зарплата рабочих составляет 600 – 1000 рублей. При одинаковом объеме выполненных работ труд кооператора там оплачивается в два – три раза выше»²⁰.

В годы перестройки продолжался рост заработной платы рабочих и служащих, а также оплаты труда колхозников в общественном производстве. Об этом свидетельствуют данные табл. 45.

Бросается в глаза то, что наиболее высокая зарплата в стране была в 1990 году у служащих строительства, промышленности, сельского хозяйства, у научных работников и аппарата органов управления. В условиях начавшейся экономической свободы многие руководители предприятий и учреждений сами устанавливали для себя и своего ближайшего окружения высокую зарплату. Самую низкую зарплату в стране по-прежнему получали работники здравоохранения, народного образования, культуры. Рядовые ИТР и служащие оставались в категории низкооплачиваемых работников с зарплатой немногим выше 150 рублей в месяц. Сельская учительница писала в газету: «Я не могу пойти в школу в этом году, потому что мне стыдно появляться перед детьми три года подряд в одном и том же платье, а купить мне его просто негде и не на что»²².

Таблица 45

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих и оплата труда колхозников в общественном производстве (руб.)²¹

Категории работников	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Рабочие и служащие всего народного хозяйства	190,1	195,6	202,9	219,8	240,4	274,6
Рабочие и служащие промышленности	210,6	215,7	221,9	240,8	263,7	296,2
Рабочие промышленности	208,5	213,3	219,2	235,0	255,4	285,6
Служащие промышленности	220,6	226,8	234,0	267,3	301,0	343,5
Рабочие и служащие сельского хозяйства	183,2	194,0	200,1	211,5	234,5	278,9
Рабочие сельского хозяйства	178,9	188,5	193,4	206,0	229,9	272,6
Служащие сельского хозяйства	222,2	242,7	258,0	258,8	277,5	332,2
Рабочие и служащие строительства	236,6	244,6	257,2	288,9	316,9	351,4
Рабочие строительства	242,8	250,5	260,2	282,0	305,0	339,7
Служащие строительства	225,0	232,8	254,1	306,8	344,1	392,3
Рабочие и служащие транспорта	220,3	228,1	239,4	260,1	278,7	314,2
Работники здравоохранения, физкультуры и социального обеспечения	132,8	134,9	143,3	152,5	163,3	185,4
Народное образование	150,0	155,7	165,6	171,4	175,5	190,7
Культура	117,3	118,1	121,6	128,2	136,2	165,9
Искусство	145,3	147,8	151,0	155,1	165,9	198,6
Наука	202,4	208,2	217,4	248,4	303,1	338,4
Аппарат органов управления	168,8	176,6	187,8	203,9	235,4	338,1
Оплата труда колхозников	153,4	163,0	170,2	181,8	200,8	241,1

Из табл. 45 видно, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих повысилась со 190,1 руб. в 1985 году до 219,8 руб. в 1988 (в 1,15 раза). За это же время средние розничные цены в государственной торговле и магазинах потребительской кооперации увеличились: на мясо – в 1,04, колбасные изделия – в 1,15, консервы мясные – в 1,14, хлеб и хлебобулочные изделия – в 1,26, водку и ликеро-водочные изделия – в 1,81 раза. Цены на рыбу, яйца и сахар остались неизменными, на рыбные консервы, растительное масло, кондитерские изделия снизились, а на животное масло, сыр, чай, крупы, макароны, картофель и овощи выросли весьма незначительно. Произошло снижение цен на хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани, обувь, ковры. Телевизоры цветного изображения и холодильники подорожали в 1,1 раза, а телевизоры черно-белого изображения и стиральные машины стали дешевле²³.

Однако несмотря на вроде бы благополучную официальную статистику, в Москву шел возрастающий поток писем трудящихся с жалобами на все бо-

лее усиливающийся рост розничных цен и тарифов в стране, который вызывал крайне болезненную реакцию населения. С 1984 года до конца 1988 года розничные цены официально повышались только на хлеб и алкогольные напитки. Но скрытый рост цен продолжался. Из пятилетки в пятилетку увеличивалась доля ценового фактора в приросте товарооборота. В девятой пятилетке (1971 – 1975) она составляла 30 процентов, в десятой (1976 – 1980) – 47 процентов, в одиннадцатой (1981 – 1985) – 55 процентов. Под давлением неудовлетворенного спроса часто устанавливались более высокие цены на новые товары, не соответствующие их качеству. Из года в год повышались цены на импортные товары. Поскольку удельный вес импорта в рыночных фондах по ряду товаров был значительным, то изменение цен на импортные товары отражалось на общем уровне цен по соответствующим группам товаров. В 1988 году удельный вес импорта по швейным изделиям составлял 25 процентов, а по обуви и трикотажу – 35 – 37 процентов. Применительно к более высоким ценам на импортные товары нередко утверждались розничные цены на новые изделия отечественного производства с учетом не их качества, а спроса населения.

Предприятиям легкой промышленности были выданы напряженные задания по прибыли и объему поставок в розничных ценах. Им разрешили самим устанавливать розничные цены с надбавками до 30 процентов на изделия-новинки (с индексом «Н»), а также по согласованию с торговлей – договорные цены (без ограничения размеров надбавок и объемов выпуска) на особо модные товары.

Доля этих более дорогих товаров постоянно увеличивалась. В 1987 году при общем росте производства изделий легкой промышленности на три процента объем товаров, реализуемых по договорным ценам, увеличился почти в три раза. Доля изделий с индексом «Н» и особо модных товаров в общем объеме производства возросла с 26 процентов в 1986 году до 30 в 1987 году и 38 процентов в январе – июне 1988 года. При этом удельный вес особо модных товаров увеличился за полтора года почти в пять раз и составлял примерно 10 процентов. В договорных ценах предусматривались надбавки в среднем на 30 процентов, а по ряду изделий – 50 процентов и выше. Имели место факты установления высоких договорных цен на изделия низкого качества, которые не отличались ни новизной, ни оригинальностью исполнения.

Пенсионеры и работники с низкими и средними доходами расценивали рост цен как снижение жизненного уровня. А таких людей в СССР насчитывалось около 60 процентов. Средняя розничная цена женского зимнего пальто в 1987 году составила 259 рублей против 181 рубля в 1980 году. В Москве практически отсутствовали в продаже женские зимние пальто дешевле 300 рублей. Московские швейные объединения «Салют» и «Вымпел» перешли на выпуск пальто по договорным ценам в размере 450 – 600 рублей, а на отдельные их виды – 650 рублей и выше.

По данным Госкомстата СССР, в 1987 году сократилось по сравнению

с 1980 годом производство в натуральном выражении ряда товаров массового спроса: шерстяных тканей, пальто, плащей, брюк, женского бельевого трикотажа, радиоприемников, холодильников, школьных тетрадей. На ряде предприятий сокращение объемов производства в натуре достигало 20 – 25 процентов и более. Рентабельность товаров, реализуемых по договорным ценам, в три раза была выше средней сложившейся и превышала 60 процентов к себестоимости. По шелковым тканям она достигала 81 процента, по бельевому трикотажу – 97 процентов, по чулочно-носочным изделиям – 104 процента к себестоимости. В результате за счет надбавок к розничным ценам на предприятиях легкой промышленности СССР в первом полугодии 1988 года было получено более половины всего прироста прибыли.

В условиях товарного дефицита процесс «вымывания» из ассортимента недорогих изделий принял массовый характер. Это особенно сказывалось на ассортименте товаров для детей, молодежи и лиц старшего возраста. Из 49 видов швейных, трикотажных изделий и обуви для детей, молодежи и лиц старшего возраста по ценовым группам в первом полугодии 1988 года не были достигнуты намеченные объемы производства более чем по трети наименований, а по половине таких товаров выпуск даже снизился по сравнению с соответствующим периодом 1987 года. Производство пальто ценой до 100 рублей, костюмов ценой до 80 рублей для лиц старшего возраста и курток для молодежи ценой до 40 рублей сократилось за один год более чем в два раза, курток для лиц старшего возраста ценой до 40 рублей – более чем в три раза, сапожек для мальчиков и девочек ценой до 20 рублей – на одну треть. В торговле появилось много товаров для детей с розничными ценами на 25 – 40 процентов выше действующих, а в отдельных случаях и в два раза. Харьковская меховая фабрика реализовывала детские шубки из овчины по договорной цене 62 рубля вместо действовавшей тогда розничной цены 30 рублей.

Происходил прямой и скрытый рост цен на продукты питания. Он шел по нескольким каналам. Во-первых, ухудшалось качество ряда важнейших продуктов (колбасы, сосисок, пельменей и других мясных продуктов, сыра и сливочного масла, кондитерских изделий и чая) за счет разных добавок, ненужных потребителям, при сохранении на них действующего уровня розничных цен. Много было жалоб на низкое качество новых сортов хлеба, реализуемых по более высоким розничным ценам. Во-вторых, увеличивалась доля и расширялся ассортимент товаров, реализуемых населению по ценам кооперативной торговли, в том числе и из государственных ресурсов. По данным Госкомстата СССР, доля мяса и мясных продуктов, проданных по ценам кооперативной торговли, которые были в 2 – 2,5 раза выше государственных, в 1987 году составила 12 процентов, в том числе из государственных ресурсов – 4,4 процента. Удельный вес колбасных изделий - 21 процент и 8,6 процента соответственно. Фактически во многих регионах удельный вес мясных продуктов, реализуемых по ценам кооперативов, был значительно выше. Расширя-

лась продажа по ценам потребкооперации молочных продуктов, плодоовощной продукции. В-третьих, начался рост розничных цен на картофель, овощи и фрукты после отмены предельных цен, установленных правительствами союзных республик. По данным Госкомстата СССР, в 1987 году индекс розничных цен по отношению к 1985 году составил: на картофель - 116, на овощи - 112, на фрукты - 103. Способствовало повышению цен предоставление прав на их утверждение агропромам на местах. Так, например, в Москве, начиная с 1987 года, помидоры и огурцы закрытого грунта стали продаваться с ноября по июль по цене 3 руб. вместо 2 руб. 50 коп. за килограмм, ранняя черешня - по цене 3 руб. вместо 1 руб. 80 коп. за килограмм, персики - 3-4 руб. вместо 2 руб. 50 коп. за килограмм. В 1987 году во многих городах впервые была повышена в два раза (с 10 до 20 коп. за килограмм) розничная цена на поздний картофель.

Государственная торговля и потребительская кооперация не оказывали существенного влияния на уровень цен колхозного рынка путем расширения продажи продукции по более низким ценам. Цены на рынках, которые стабилизировались в 1982 - 1986 годах на высоком уровне, с 1987 года снова стали расти на 6 - 7 и более процентов в расчете на год. В июле 1988 года средние цены на рынках составляли: на говядину - 5 руб. 20 коп. за килограмм, на свинину - 4 руб. 70 коп. за килограмм, на молоко - 76 коп. за литр, на мясо животное - 7 руб. 70 коп. за килограмм. Во многих регионах они были в 1,5 - 2 раза выше.

Острую критику населения вызывал высокий уровень цен на товары и услуги кооперативов и лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, которые использовали при этом относительно дешевые государственные ресурсы. Например, шашлыки из государственного мяса весом 100 граммов стоили в Москве 2 руб. 50 коп., а в Ростове - 5 - 6 рублей. В два - три раза дороже продавались кооперативами и «индивидуалами» сигареты, безалкогольные напитки, шоколадные конфеты, мороженое. Массовый характер приобрели факты скупки в розничной государственной торговле дефицитных товаров, нанесения на них модных эмблем и рисунков и продажи таких товаров по явно завышенным ценам. Так, майки, футболки с различной символикой продавались по цене в пять - восемь раз выше государственной.

Кооперативные предприятия общественного питания часто не дополняли государственные, они образовывались в двух случаях из трех за счет ликвидации государственных. При проверках органами ведомственного и общественного контроля вскрывались факты завышения утвержденных цен и тарифов в каждом девятом предприятии розничной торговли, шестом предприятии общественного питания, пятом предприятии бытового обслуживания и коммунального хозяйства. Серьезных санкций к нарушителям почти не применялось, количество нарушений не снижалось, их причины не ликвидировались. Массовыми оставались факты прямого обсчета покупателей, отпуска товаров неполным весом и мерой²⁴.

Розничные цены в государственной торговле и в магазинах потребительской кооперации росли в период перестройки ежегодно. Индекс этих цен на все товары по отношению к 1985 году (1985 = 100) составил: в 1986 году – 102, в 1987 году – 103, в 1988 году – 104, в 1989 году – 106, в 1990 году – 111. В 1990 году индексы цен на продовольственные товары были по отношению к 1985 году 115, на непродовольственные – 108, на алкогольные напитки – 145²⁵. Особенно стремительно росли цены на сельскохозяйственные продукты на колхозных внедеревенских рынках (табл. 46).

Таблица 46

Индексы цен на сельскохозяйственные продукты на колхозных внедеревенских рынках в 1990 году, в % к 1980, 1985 и 1989 гг.²⁶

Сельскохозяйственные продукты	к 1980 г.	к 1985 г.	к 1989 г.
Все продукты	148,5	134,6	121,5
Зерновые (зерно, мука, крупа)	136,0	127,9	132,1
Картофель	170,7	166,0	116,3
Овощи	122,6	111,6	118,2
Фрукты	148,3	135,5	118,0
Мясо и сало	188,0	144,7	130,9
Молоко и молочные продукты	132,0	113,8	109,3
Яйца	113,3	122,4	135,8

Даже официальная государственная статистика периода перестройки показывает, что рост рыночных цен на продукты питания составил в 1990 году по сравнению с 1980 48,5, на картофель – 70,7, на мясо и сало – 88 процентов. За последние годы перестройки цены росли более стремительно, чем в 1985 – 1986 годах.

Дороговизна вызывала недовольство значительной части населения, которая была лишена возможности покупать товары по государственным ценам. Эта часть населения выступала за доступ людей к более дешевым товарам в государственных магазинах путем распределения товаров по талонам. Так, Э. Г. Филиппович (Московская область) писал в ЦК КПСС: «Предлагаю определенное количество мяса и других продуктов питания, необходимых для жизни каждого человека, распределять по талонам по существующим розничным ценам при сохранении государственной дотации. Сверх установленного минимума каждый может купить дополнительное количество продуктов питания по рыночным ценам. Такой порядок их продажи сделает более справедливым распределение государственных дотаций, повысит заинтересованность колхозов и совхозов в производстве сверхплановой продукции, исключит возможности для наживы кооператоров на дефицитном продовольственном сырье». Большинство граждан СССР были обеспокоены падением жизненного уровня, о чем свидетельствовали многочисленные письма в ЦК КПСС. Житель Са-

ратовской области И.Ф. Харлаев писал: «Никто из делегатов (XIX всесоюзной конференции КПСС 1988 г. – М. Ф.) откровенно не сказал о тенденции снижения жизненного уровня некоторых категорий населения. Кроме хлеба, молока, сахара и некоторых других продуктов питания, все очень дорого. Цены растут постоянно, но объяснений на этот счет никто не дает. Мы с женой получаем пенсию 160 рублей. Жить на эти деньги становится все труднее». Москвич В. В. Кулешов: «В выступлениях руководителей постоянно подчеркивается, что перестройка осуществляется в интересах народа. Но почему же тогда цены растут быстрее, чем зарплата? Возьмем, к примеру, бюджет моей семьи. Я и жена – инженеры, получаем 150 и 140 рублей. У нас две дочери. Если вычтешь подоходный налог, квартплату (22 рубля за две комнаты в коммунальной квартире), стоимость обучения старшей дочери в музыкальной школе (28 рублей), то получается на остальные расходы 190 рублей. Это не жизнь, а существование. У жены нет зимних вещей – пальто, сапожек, шапки. Стоят они соответственно 400, 150, 300 рублей. Жена еще молодая и, естественно, хочет быть хорошо одетой. Но разве это возможно на 190 рублей?». Москвички М.Б. Волошина, А.В. Степановская и Н.М. Тарасова в своем коллективном письме писали: «Мы просим задуматься над положением инженеров, техников, работников культуры, служащих, студентов, пенсионеров и многих других людей, доходы которых не превышают 100 – 130 рублей в месяц. Что же с ними будет после повышения цен? Реформа цен зарежет их без ножа. Нам кажется, интересы этих людей, которые, по-видимому, составляют не менее половины населения страны, не учитываются в должной мере потому, что экономисты и управленцы оперируют средними цифрами». Люди с возмущением воспринимали прикрытие роста цен словами «договорные цены». Жительница г. Челябинска З. Абасова писала в Москву: «С чувством горечи и боли, с возмущением пишу это письмо. В нашем рабочем городе все продуктовые магазины переехали на торговлю по так называемым договорным ценам. Объясните, кто с кем договорился о том, чтобы килограмм свеклы и моркови продавать в таких магазинах по рублю. Мы вынуждены покупать мясо на базаре по 6 руб. за килограмм и то лишь по праздникам. Такой гонкой цен народ озлоблен. Остановите гонку цен! Жить простым людям стало невыносимо тяжело. Даже после войны мы жили лучше»²⁷.

В 1990 году социально-экономическая ситуация в стране ухудшилась. Кризисные явления продолжали нарастать, охватывая все сферы экономики, особенно денежное обращение. Рост денежных доходов населения существенно превышал динамику производства товаров и услуг. За один год инфляция выросла на 19 процентов. Денежные доходы населения увеличились на 16,9 процента при плановых расчетах на год 7,1 процента. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих увеличилась с 240,4 рубля в 1989 году до 274,6 рубля в 1990, а оплата труда колхозников – с 200,8 до 241,1 рубля. При этом среднемесячная зарплата в кооперативах составила в 1990 году 417 рублей. Доход

на одного члена семьи рабочего и служащего в месяц был в среднем 179 рублей, колхозника – 147 рублей. Примерно половина населения страны имела гораздо меньшие доходы. Только пенсионеров насчитывалось в СССР около 60 млн человек (каждый пятый житель страны). Средний размер пенсии составлял 88,7 рубля, причем примерно каждый третий пенсионер по возрасту получал минимальную пенсию в размере до 70 рублей в месяц.

За 1990 год расходы семей рабочих и служащих на покупку продуктов питания возросли на девять процентов, что однозначно свидетельствовало о снижении жизненного уровня этих категорий населения. При росте денежных доходов населения производство продуктов питания и предметов народного потребления росло незначительно или не росло вообще. За 1990 год производство продуктов питания увеличилось менее чем на один процент, а население страны выросло за это же время на полтора миллиона человек. Нехватка сырья, несвоевременные его поставки, сокращение поступлений по импорту и другие причины привели к тому, что по многим товарам, которые пользовались массовым спросом, было допущено сокращение производства. К таким товарам относились лезвия для безопасных бритв, школьные тетради, резиновая обувь, хозяйственное мыло, папиросы и сигареты, зубная паста, спички. Сократилось производство обуви, трикотажа, тканей, особенно обуви и одежды для детей. За 1990 год на 8 – 18 процентов уменьшилось производство для молодежи трикотажных изделий, платьев; на 21 – 28 процентов – пальто, полупальто, обуви, костюмов. Ажиотажный спрос приобрел устойчивый характер. Если в 1989 году из 276 предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения 243 продавались с перебоями или отсутствовали в продаже, то к концу 1990 года сложился дефицит практически на все товары народного потребления²⁸.

Население считало виновниками кризиса на потребительском рынке управленцев-бюрократов и криминальные структуры страны. Ленинградка Н.Н. Голенева писала в ЦК КПСС: «Болит душа за перестройку. Какие-то невидимые силы все задуманное переиначивают, создают искусственный дефицит и обвиняют в этом перестройку. Им выгодны спекуляция, дефицит, плохая продукция. Чем больше беспорядка в стране, тем легче скрывать им свои корыстные интересы, а порой и преступные действия». Жительница г. Челябинска Е.М. Мищенко: «Дышим отравленным воздухом, питаемся плохо. В магазинах, даже по талонам, трудно купить мясо, колбасу, рыбу. Хлеб – крайне низкого качества. Снабжение промтоварами неудовлетворительное. Нет стиральных порошков, зубной пасты, мыла, кремов, пудры, женских и детских колготок, не хватает трикотажных изделий больших размеров, валенок, сапог, никакой удобной обуви. Невозможно купить детское платье, женские и мужские швейные изделия сносного качества. Вслед за уютными постепенно исчезают с прилавков другие бытовые товары. Список их можно продолжать до бесконечности». Рабочий А.Г. Татарин из Свердловской области: «Не могу по-

нять, что у нас происходит. Говорим о перестройке, об улучшении бытовых и материальных условий жизни советского народа, а на деле все хуже и хуже. Уже целый год в продаже отсутствуют холодильники, телевизоры, стиральные и швейные машины, выстраиваются очереди за сахаром, конфетами. Но это же было и во времена застоя, которые мы осудили и осуждаем. Так почему все повторяется?». Москвичи Егоровы сообщали в ЦК КПСС: «Доставать, а не покупать приходится почти все – от конфет до телевизора. Усиливающийся тотальный дефицит унижает, оскорбляет людей, терпение которых уникально, но не бесконечно. Что происходит? Ведь заводы и фабрики работают. Трудности перехода на новый хозяйственный механизм? Но без них наша экономика никогда не обходилась. Значит, нужно говорить о саботаже экономической реформы со стороны бюрократических структур управления. Такое мнение высказывают многие»²⁹.

Дефицит товаров был одной из главных причин дальнейшего повышения цен в 1990 году. По данным официальной государственной статистики, розничные цены на товары народного потребления возросли за 1990 год на 5,3 процента. Государственные цены на эти товары увеличились на 4,3, цены потребительской кооперации – на 8,7, колхозного рынка – на 28,7 процента. Так, цены колхозного рынка на картофель повысились на 28, на овощи – на 33, на фрукты – на 30, на мясо – на 42, на яйца – на 39 процентов. Цены на товары кооперативов и «индивидуалов» были в 1,7 – 2 раза выше государственных. Цены так называемого черного рынка превышали цены государственной торговли на мотоциклы в 2,1, на телевизоры – в 2,5, на швейные машины – в 2,8, на электроутюги – в 5,6, на легковые автомобили – в 3 – 5, на медикаменты – в 19 раз. Прирост товарооборота в государственной торговле на 15,7 процента произошел на одну треть за счет роста цен³⁰.

Экономисты обращали внимание на существенный разрыв между дифференциацией населения СССР по получаемым денежным доходам и не соответствующей ей дифференциацией имущественной, по потреблению. Так, по уровню денежных доходов население распределялось следующим образом: низкодоходные – 61,6 процента, среднедоходные – 31,3, высокодоходные – 7,1 процента населения. Вместе с тем по уровню потребления, то есть по имущественному статусу дифференциация выглядела иначе. «Бедные» составляли 86,5 процента всех семей, «богатые» – всего лишь 2,3 процента (причем лишь у 0,7 процента из них доходы и имущество имели законные источники), среднеобеспеченные – 11,2 процента (половина из них была обязана своим достатком дефициту). Подобный разрыв доходной денежной и имущественной дифференциации населения свидетельствовал о высокой доле нетрудовых доходов и потребления. По официальным данным, душевой доход до 75 рублей в месяц в 1988 году имели 15,3 процента населения страны, доход до 50 рублей в месяц – 2,9 процента, а 8,8 процента населения СССР «не дотягивали» от зарплаты до зарплаты. У 24,2 процента советских людей зарплаты хва-

тало лишь на самые необходимые расходы. К ним относились инвалиды, пенсионеры, матери-одиночки, студенты, определенная часть низкооплачиваемых групп, а также безработные, которых насчитывалось в СССР на начало 1991 года два миллиона человек.

Резкое снижение уровня материальной обеспеченности населения и расширение слоя малообеспеченных произошло в связи с реформой розничных цен, начатой официально в стране с апреля 1991 года. Первоначально предполагалось, что общий уровень розничных цен повысится примерно на 60 процентов. При этом на ряд товаров, определяющих жизненный уровень населения, государство должно было установить твердые, предельные розничные цены. Реформа намечала определенные меры по социальной защите населения: выплату компенсаций, дополнительные льготы по натуральному обеспечению особо малоимущим группам, повышение зарплаты при одновременном уменьшении налогов от прибыли предприятий.

На практике же произошло удорожание жизни населения примерно в два – три раза. Компенсационные мероприятия покрывали лишь 20 – 30 процентов повышения розничных цен. В ряде регионов были подняты более высокие потолки цен в государственных магазинах. Причем речь шла о важнейших товарах: хлебе, муке, мясных, молочных, рыбных продуктах. Разнобой в ценах наблюдался повсеместно. Очень резко подорожала стоимость общественного питания. Услугами общепита ежедневно пользовались 140 млн человек. Это были в основном рядовые рабочие и служащие. Реформа цен в общепите нанесла сильнейший удар по их семейному бюджету. Если раньше общепит позволял большинству семей экономить домашние продукты, то теперь обед в столовой становился непозволительной роскошью. В среднем он стал стоить четыре рубля, за короткое время подорожал примерно в четыре раза. Сильно выросла цена на полуфабрикаты. В результате 50 процентов рабочих и служащих перестали пользоваться услугами столовых, буфетов, кафе. 80 процентов учащихся отказались от завтраков и обедов в учебных заведениях. В связи со значительным повышением цен в рабочих столовых в ряде регионов страны усилилось социальное напряжение, кое-где дело дошло до забастовок. В целом же повышение розничных цен не привело к нормализации потребительского рынка ³¹.

В вопросах обеспечения населения СССР продуктами питания весьма расходились данные официальной государственной статистики с массовым общественным мнением, а значит, и с реальной действительностью. Это прослеживается по данным табл. 47.

Таблица 47

Потребление продуктов питания на душу населения СССР в 1990 году, степень соответствия питания рациональным нормам и удельный вес опрошенных из 30 тысяч человек, указавших, что они потребляют продукты в достаточном количестве ³²

Продукты питания, кг	Рациональная норма, кг	Потреблялось, кг	Степень соответствия рациональной норме, %	Удельный вес опрошенных, указавших, что потребляют продукты в достаточном количестве, %
Мясо и мясные продукты *	82	67 / 59	81,9 / 71,9	18,9
Молоко и молочные продукты	405	358	88,4	56,3
Рыба и рыбные продукты	18,2	16,5	90,7	21,6
Овощи, бахчевые	146	92	63,0	28,3
Фрукты, ягоды	114	36	31,6	менее 28,3
Растительное масло	9,1	10,2	112,0	нет данных
Яйца, штук	292	258	88,3	нет данных
Сахар	40	44,9	112,2	48,4
Картофель	97	100	103,1	77,2
Хлеб, хлебные продукты	110	133	120,1	97,7

Примечание: * В числителе – мясные продукты, включая сало и субпродукты, в знаменателе – мясо без сала и субпродуктов.

Данные табл. 47 показывают, что в 1990 году каждый житель СССР в среднем потреблял свыше рациональной нормы питания хлеба, сахара, растительного масла и картофеля. Близки были советские люди к рациональным нормам потребления рыбы, молока, яиц. Существенное различие с рациональными нормами питания наблюдалось в потреблении мясных продуктов (примерно 70 – 80 процентов от нормы). Из 30 тысяч опрошенных жителей страны лишь 18,9 процента считали, что они потребляли мяса и мясных продуктов в достаточном количестве. Даже по тем продуктам, по которым среднедушевое потребление превосходило рациональные нормы потребления (хлеб, сахар, картофель), многие респонденты заявили, что они потребляли этих продуктов недостаточно. Большие расхождения данных социологического опроса с государственной статистикой прослеживаются по потреблению молока и рыбы.

Мы не склонны в отличие от некоторых исследователей безапелляционно считать государственную статистику ложной. Расхождение статистических данных с реальностью и общественным мнением было вызвано, на наш

взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, многих продуктов производилось недостаточно. Во-вторых, не все категории населения имели равные возможности доступа к покупке продуктов питания, особенно по относительно дешевым государственным ценам. В-третьих, снабжение продовольствием населения разных городов и регионов страны очень отличалось. В-четвертых, значительная часть продуктов, поступающих в государственную торговлю, припрятывалась торговыми работниками в целях спекуляции через кооперативы и рынки, а также для реализации дефицитных продуктов среди своих родственников, друзей и «нужных» людей. В-пятых, СМИ и наличие очередей создали в обществе устойчивый стереотип о том, что «мы недоедаем».

О том, что государственная статистика во многом не отражала реальности, написано много. Но ведь зачастую и «общественное мнение» не отражало в полной мере эту реальность. Идеологам горбачевской перестройки удалось создать в массовом обыденном сознании «голод на образы», используя при этом западные психологические технологии. В 1988 году молока и молочных продуктов в среднем по СССР потребляли 356 кг в год на человека (в США – 260), но при социологическом опросе 44 процента респондентов ответили, что потребляют молока недостаточно. Более того, в Армении, где «демократии» велась особенно сильная антисоветская пропаганда, 62 процента населения были недовольны уровнем потребления молока. А между тем его подалось там в 1989 году 480 кг на человека. В 1987 году потребление в СССР сахара составило 47,2 кг в год на человека, что превышало оптимальную медицинскую норму на 7,2 кг. В США тогда приходилось 28 кг сахара на человека. Но 52 процента опрошенных советских людей считали, что едят слишком мало сахара, а в Грузии недовольных было даже 67 процентов. Иные пенсионеры говорят сегодня о том, что «мы очень плохо жили в СССР, но не знали об этом». Им это объяснили «добрые» люди³³.

В 1989 году 74 процентов опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов». Аналогично ответили 52 процента опрошенных лиц из различных социальных категорий населения. В этом ответе была выражена именно потребность в образе, в витрине. Эти люди в основном неплохо питались, на столе у них имелись мясо и масло. Им нужны были знаки, даже символы. «Прилавки, полные продуктов» являются важным символом благополучия, изобилия, свободы – в любой момент захочу и куплю. Зачастую продукты отсутствовали лишь на витрине, а не на обеденном столе граждан. Полупустые прилавки магазинов создавали устойчивый образ дефицита. Был голод на образы товаров. И сегодня множество граждан, уже реально недоедая, не хотят возвращаться в советское прошлое с его голодом на образы³⁴.

Многочисленные письма с обращениями граждан к руководству страны, материалы проверок контролирующих органов убедительно свидетельствуют о том, что дефицит продуктов питания создавался во многом искусственно и

людьми, которые не хотели перемен, действуя по принципу «чем хуже, тем лучше», и теми, кто желал перемен, но видел себя в недалеком будущем успешным бизнесменом, правдами и неправдами накапливая для этого первоначальный капитал. Простой народ страдал от тех и от других. Особенно люди болезненно воспринимали ситуации, когда часть партийно-государственной номенклатуры пошла на союз с криминальными структурами в накоплении первоначального капитала.

Вот некоторые факты припрятывания дефицитных продуктов и злоупотреблений в торговле и общественном питании в 1988 году. В магазине № 3 Автозаводского района г. Куйбышева припрятали: сыр «Российский» - 667 кг, масло «Крестьянское» - 1480 кг, горбуша соленая – 232 кг, дефицитные рыбные консервы – 864 банки. В магазине № 128 Индустриального района г. Ижевска одновременно отпустили одному частному лицу 720 банок растворимого кофе. В магазине № 13 Первомайского района г. Ижевска были припрятаны кондитерские изделия на сумму свыше 3 тыс. рублей. В ноябре 1988 года группа профсоюзных контролеров проверила работу 63 продовольственных магазинов г. Харькова. В 44 из них были выявлены нарушения правил торговли и различные злоупотребления – реализация продуктов без документов, завышение цен, обвесы и обсчеты покупателей, припрятывание продуктов. В универсаме № 3 обнаружили спрятанными 2024 кг конфет, в универсаме № 15 – 710 кг конфет, 522 кг сыра «Российского» и другие продукты. Из письма Э.Ф. Шкардюка (Московская область): «Необходимо срочно прекратить безобразия, которые творятся сейчас с продажей сахара. Иначе как провокацией, направленной на то, чтобы вызвать недовольство населения, это не назовешь. Началась спекуляция сахаром. Работники торговли продают его мешками с черного хода. Тем, кто полностью отдает себя работе, в очередях стоять некогда». Инженер из г. Калуги Г.П. Альшиц писал: «Мясо мы едим, но за ним приходится ездить в Москву, выстаивать там долгие очереди, тратить уйму времени, сил и нервов». Москвич В. М. Фомин наивно полагал, что, «пользуясь привилегированным снабжением, руководящие работники просто не знают всей остроты продовольственной проблемы»³⁵.

Письма о неудовлетворительном продовольственном снабжении населения шли в 1988 году из самых разных регионов страны. Н.А. Шубков из г. Куйбышева: «Положение со снабжением населения продовольствием не улучшается. Частники заламывают баснословные цены на овощи, а в государственной торговле их крайне мало. Когда это было, чтобы на рынке килограмм картофеля продавался зимой дороже, чем в магазине десяток куриных яиц или килограмм венгерских яблок?». Коллективное письмо из г. Краматорска Донецкой области: «Все меньше и меньше необходимых продуктов питания появляется на прилавках магазинов нашего города. В последнее время исчезли из торговли мясо, рыба, крупы, макаронные изделия. О сырах, твороге и конфетах уже не говорим. Молоко и сметана бывают лишь утром. Когда возвращаешься

с работы, свободно можно купить только хлеб, рыбные консервы “Ставрида” и “Минтай” да зеленовато-розового цвета колбасу. В горькоме партии нам разъяснили, что город обеспечивается мясом на 65 процентов, и то оно распределяется в общепит и на крупные предприятия города». Коллективное письмо из г. Усть-Илимска Иркутской области: «За последние два года снабжение населения города продовольствием резко ухудшилось. Молока в магазин завозят столько, что его успевают продать за 20 минут. Наши дети давно не видят ни творога, ни сметаны. В магазинах задолго до конца месяца вывешивают объявление: лимит на мясопродукты исчерпан. Поэтому у нас на руках остается много не реализованных талонов». В.Г. Мамонтов из г. Омска: «Почему жители Москвы, Ленинграда и ряда других городов европейской части страны должны покупать продукты питания по государственной цене, а мы, сибиряки, только в коопторге по ценам в два – три раза выше государственных (масло сливочное – 9 руб. 60 коп., мясо – 3 руб. 50 коп., колбасы – 5 – 8 руб. за килограмм)?»³⁶.

Вопросами обеспечения населения страны продовольствием, организации торговли продуктами питания, их качества занимались ЦК КПСС, Комитет народного контроля СССР, другие властные структуры. В 1988 году структурами Комитета народного контроля в РСФСР было проверено свыше 60 тыс. магазинов, складов, баз и холодильников, 850 железнодорожных станций и контейнерных площадок. Раскрылись многочисленные факты припрятывания имеющихся продовольственных товаров. В Смоленской области в торговых предприятиях было обнаружено и направлено для продажи населению свыше 14 тыс. банок мясных консервов, около 1,5 тыс. банок растворимого кофе, 3,5 тонны кондитерских изделий. Аналогичные факты нарушений правил торговли имелись в Марийской АССР, Москве, Свердловской области, Краснодарском крае и в других регионах. Во многих случаях перебои в продаже продуктов питания допускались из-за несвоевременной доставки продовольствия в торговую сеть. Должностные лица, виновные в нераспорядительности, плохой организации торговли, срывах поставок товаров, привлекались к ответственности. Так, в РСФСР к ответственности привлечлись 1649 должностных лиц. По результатам проверок было направлено 2445 информации в партийные и 2307 в советские органы. Вместе с тем председатель Комитета народного контроля СССР С. Манякин информировал М. С. Горбачева о том, что положение дел со снабжением населения продуктами питания оставалось в начале 1989 года сложным, запасов продовольственных товаров в торговой сети имелось намного ниже нормативов, допускались перебои в их продаже³⁷.

В июне 1989 года Комитет народного контроля СССР доложил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о низком качестве колбасных изделий. В 1988 году органами Госстандарта СССР была забракована каждая третья тонна из проверенного объема продукции. Резко сократилось производство вареных колбас высших сортов, таких, как докторская, русская, любительская. 40 процентов мясокомбинатов страны находились в аварийном состоянии. Поло-

вина холодильных камер из-за неисправностей была выведена из технологического процесса. Значительно выросла и достигла в среднем 70 процентов в общем объеме переработка жирного говяжьего и свиного мяса. В колбасные изделия закладывалось от 25 до 62 процентов мороженого мяса длительного хранения, а также тощего и даже условно-годного. Более миллиона тонн вареных колбас и изделий первого и второго сортов вырабатывалось с применением белковых добавок растительного и животного происхождения. Из-за недостатка ароматизаторов и пищевых красителей колбасные изделия были нейтральны по вкусу и запаху, что придавало несвойственный колбасе вкус и вызывало многочисленные жалобы населения. Вопреки требованиям ГОСТов допускались дальние перевозки вареных колбас. В результате много продукции поступало к покупателю с истекшим сроком хранения³⁸.

За девять месяцев 1989 года на внутренний рынок СССР было недопоставлено около 497 тыс. т рыбной продукции. Между тем руководство Министерства рыбного хозяйства СССР выдало различным организациям 260 лицензий на право реализации за рубежом свыше 430 тыс. т рыбопродуктов. В результате из внутренних рыночных фондов было изъято свыше 185 тыс. т рыбной продукции. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и Совет Министров СССР наложили на ряд руководителей Министерства рыбного хозяйства, Министерства торговли СССР и Роспотребсоюза взыскания за грубые нарушения государственной дисциплины, приведшие к срыву заданий на поставки рыбной продукции населению, и бесконтрольную выдачу лицензий на право реализации рыбных продуктов за рубежом³⁹.

В августе 1990 года секретариат ЦК КПСС принял постановление «Об усилении политической напряженности в связи с ухудшением обеспечения населения продовольственными и другими товарами». Отмечалось, что правительство СССР, разработав и обнародовав программу производства товаров народного потребления на 1990 год, не подкрепило ее материальными ресурсами, экономическими стимулами, организаторской работой. В результате за семь месяцев 1990 года темпы прироста производства товаров народного потребления в целом по стране были ниже в два раза, а по выпуску продовольственных товаров – в пять раз, чем предусматривалось. Усилились проявления местничества. Под видом борьбы за улучшение экологической среды закрывались предприятия, выпускавшие предметы народного потребления и лекарственные препараты. При росте денежных доходов на 13,2 процента производство продовольственных товаров увеличилось на 1,6 процента. Несмотря на хороший урожай и закупки зерна за границей, в ряде регионов была введена талонная система реализации хлебобулочных, макаронных изделий и крупы. В сельских районах многих областей потребление хлеба в среднем на каждого жителя достигало 390 – 455 кг, тогда как в целом по РСФСР на одного жителя приходилось 120 кг в год. Значительная часть хлеба и круп скупалась на корм домашнему скоту и птице.

В 1990 году в Центральном музее революции СССР открылась необычная выставка документов эпохи перестройки. Среди них экспонировались талоны на мясо и колбасу. Сельская учительница А. С. Мальцева из Пермской области прислала в ЦК КПСС свои неотоваренные талоны на хлеб. Она писала: «Муки нет, кондитерских изделий нет, хлеб – вот она, карточка, по которой мне хлеб выдать не могут, так как надо на село привезти 1400 булок, а привозят где-то 500 – 800». Инвалид М. В. Любимов из Ивановской области писал в ЦК КПСС: «В настоящее время жизнь стала невыносимой. В магазинах ничего нет, пустые полки, живем на картошке и овощах со своего участка, на макаронах и молоке. Положение с продовольствием неуклонно ухудшается. Правда, в последние месяцы 1990 года стали появляться колбаса и жирная свинина по цене соответственно 9 руб. 30 коп. и 3 руб. 60 коп. Что это, переход на свободные рыночные отношения? Но с моей пенсией в 130 рублей и пенсией супруги в 80 рублей вряд ли придется покупать колбасу и мясо».

Действительно, в большинстве регионов страны снижалась продажа населению мяса за счет государственных ресурсов. Крупные города плохо снабжались молочными продуктами и овощами. Из-за дефицита папирос и сигарет в некоторых регионах имели место так называемые «табачные бунты». Основные причины напряженности в обеспечении населения продовольствием и другими товарами народного потребления секретариат ЦК КПСС видел в непродуманности и непоследовательности мер, принимаемых на правительственном уровне, неисполнительности руководителей и специалистов, пассивности хозяйственных работников. Но абсолютно ничего не говорилось о сознательном срыве поставок в государственную торговлю продукции дельцами «теневого экономики»⁴⁰.

На самом высоком уровне публично не упоминалось о том, что практически повсеместно значительная часть дефицитных продуктов питания распределялась по закрытым каналам. Так, в г. Рязани на дачах обкома КПСС и облисполкома за первое полугодие 1988 года было реализовано 394 кг лососевой икры, более 6 тыс. банок крабов, шпрот, печени трески, 565 кг осетровых и 880 кг свиных балыков, более 0,5 тонны буженины, 68 кг индийского чая, 165 кг кофе. Все это составляло от 56 до 100 процентов данных товаров, выделенных всем районным продовольственным магазинам Рязанской области⁴¹.

Сравнительные данные о потреблении продуктов питания на душу населения СССР, РСФСР и некоторых областей Урала приводим в табл. 48.

Из табл. 48 видно, что среднестатистический житель РСФСР потреблял в 1990 году больше мясных, молочных продуктов, яиц и сахара, чем в среднем житель СССР. В Курганской области на душу населения потреблялось намного больше мясных и молочных продуктов, чем в среднем по СССР, РСФСР, Свердловской и Челябинской областям. В 1990 году на встрече представителей республик и областей Урала отмечалось, что душевое потребление мясных продуктов питания в регионе не превышало 70 – 80 процентов к расчетной медицинской норме и было значительно ниже, чем в среднем по РСФСР, в 1,3 –

1,5 раза ниже Москвы и Ленинграда. По потреблению мяса Пермская область занимала 50-е место из 73 областей и республик РСФСР, Курганская – 49-е, Удмуртия и Башкирия – 40-е и 50-е, Челябинская и Свердловская области – 21-е и 22-е места соответственно. На Урале, как и в других регионах страны, вводились талоны на продажу колбасы, молока, сахара, табака, водки и других товаров. Талонные нормы распределения продуктов часто были намного ниже рациональных норм питания. Дефициты во многом порождались искусственно злоупотреблениями в торговле и чиновниками-руководителями. Это обстоятельство особенно усиливало социальную напряженность ⁴³.

Таблица 48

Сравнительные данные о потреблении продуктов питания на душу населения СССР, РСФСР и некоторых областей Урала в 1990 году, кг ⁴²

Продукты питания	СССР	РСФСР	Курганская обл.	Свердловская обл.	Челябинская обл.	Рациональная норма потребления
Мясо и мясные продукты *	67	75	80	69	70	82
Молоко и молочные продукты	358	386	416	387	367	405
Яйца, штук	258	297	292	325	292	292
Хлеб и хлебные продукты	133	119	118	101	118	110
Овощи и бахчевые	92	89	83	74	76	146
Картофель	100	106	117	96	94	97
Сахар	44,9	47	44	48	45	40
Растительное масло	10,2	10,2	10,0	10,4	11,0	9,1

Примечание: * Вместе с салом и субпродуктами.

Из табл. 48 видно, что среднестатистический житель РСФСР потреблял в 1990 году больше мясных, молочных продуктов, яиц и сахара, чем в среднем житель СССР. В Курганской области на душу населения потреблялось намного больше мясных и молочных продуктов, чем в среднем по СССР, РСФСР, Свердловской и Челябинской областям. В 1990 году на встрече представителей республик и областей Урала отмечалось, что душевое потребление мясных продуктов питания в регионе не превышало 70 – 80 процентов к расчетной медицинской норме и было значительно ниже, чем в среднем по РСФСР, в 1,3 – 1,5 раза ниже Москвы и Ленинграда. По потреблению мяса Пермская область занимала 50-е место из 73 областей и республик РСФСР, Курганская – 49-е, Удмуртия и Башкирия – 40-е и 50-е, Челябинская и Свердловская области – 21-е

и 22-е места соответственно. На Урале, как и в других регионах страны, вводились талоны на продажу колбасы, молока, сахара, табака, водки и других товаров. Талонные нормы распределения продуктов часто были намного ниже рациональных норм питания. Дефициты во многом порождались искусственно злоупотреблениями в торговле и чиновниками-руководителями. Это обстоятельство особенно усиливало социальную напряженность ⁴³.

Потребление продуктов питания в СССР и в отдельных странах Запада в 1985 – 1990 годах на душу населения показано в табл. 49.

Таблица 49

**Потребление продуктов питания в отдельных странах
в 1989 году (на душу населения, кг) ⁴⁴**

Продукты питания	СССР ¹	США	ФРГ	Великобритания	Франция	Рациональная норма
Мясо и мясные продукты ²	59	113	93	70	94	82
Молоко и молочные продукты	358	263	359	313	412	405
Масло животное	7,4	2,0	7,4	3,8	8,5	н. д.
Рыба и рыбопродукты	16,5	12,2	7,2	12,3 ³	13,2 ⁵	18,2
Сахар	45	28	33	40 ⁴	34 ⁴	40
Масло растительное	10,2	22,9	14,6	19,2 ⁴	17,7 ⁴	9,1
Овощи и бахчевые	92	117	83	89 ⁴	124 ⁴	146
Фрукты и ягоды свежие	36	94	148	93 ⁴	66 ⁴	114
Яйца, штук	258	229	253	193	257 ⁴	292
Картофель	100	57	75	101 ⁴	79 ⁴	97
Хлеб и хлебные продукты	133	100	77	90 ⁴	84 ⁴	110

¹ 1990 год; ² Без сала и субпродуктов; ³ 1987 год; ⁴ 1988 год; ⁵ 1985 год.

Вышеприведенные данные потребления продуктов питания в СССР и других странах (США, ФРГ, Великобритания, Франция), сопоставление их с рациональными нормами питания свидетельствуют о том, что в годы перестройки советский человек питался не так уж плохо. Отставание от рациональных норм и стран Запада имело место в потреблении мясных продуктов, фруктов и ягод. Правда, мы убеждены в том, что советская государственная статистика давала заниженные данные о потреблении населением фруктов и ягод. Учитывалась в основном лишь та продукция, которая проходила через торговую сеть. В отличие от многих других стран в СССР было весьма распространено собирательство дикорастущих ягод и грибов. Много выращивалось фруктов и ягод в садоводческих кооперативах, продукция которых учитывалась не в полной мере. В 1989 году к садоводческим товариществам принадлежало 17 процентов всех семей СССР, главным образом городских. В 1990 – 1991 годах почти все желающие горожане получили землю для ведения коллективного садоводства и ого-

родничества. В результате уже в начале 1990-х годов потребление населением овощей значительно увеличилось⁴⁵.

Трудности на продовольственном рынке во многом осложнялись тем, что он в значительной мере попал под контроль криминальных структур, которые уже не удовлетворялись коммерческими интересами, а использовали трудности в снабжении населения для дестабилизации обстановки в стране и захвата политической власти. Перестройка создала для этого необходимые условия и постепенно превращалась в «катастрофику» и «криминальную революцию». Продолжали усугублять положение в экономике кооперативы. Горбачевская политика в области кооперативного движения превратила их в канал перекачивания государственных товарных ресурсов в кооперативную сферу, узаконила растаскивание трудовых и материальных ресурсов, но не решила ту задачу, ради которой создавались кооперативы – насытить рынок товарами и услугами. Это убедительно доказывают статистические данные по Курганской области. Из 242 млн руб. кооперативной продукции населению было реализовано в 1990 году, включая услуги, лишь на 18 млн руб. – в среднем 16 руб. на человека. Из 933 действующих кооперативов лишь 118 занимались производством товаров народного потребления. В структуре распределяемого дохода кооперативов 83 процента направлялось на оплату труда и лишь 13 процентов – в фонд развития производства⁴⁶.

Ажиотажный спрос наблюдался и на непродовольственные предметы народного потребления. Обычным было явление, когда человек пристраивался к длинной очереди и только потом спрашивал: «Что дают?». По своему личному печальному опыту люди знали, что в длинных очередях стоят за дефицитным товаром, а дефицитом стало почти все.

Динамика потребления отдельных непродовольственных товаров на душу населения СССР представлена в табл. 50.

Таблица 50

Потребление отдельных непродовольственных товаров на душу населения СССР⁴⁷

Виды товаров	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Ткани, кв. м	37,1	37,8	37,8	38,1	38,1	38,5
В том числе						
хлопчатобумажные	25,9	26,4	26,4	26,5	26,6	26,9
шерстяные	2,4	2,6	2,7	2,6	2,5	2,6
шелковые	6,8	6,7	6,5	6,6	6,6	6,6
нетканые	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6
нетканые материалы	0,5	0,6	0,7	0,8	0,8	0,8
Верхний трикотаж, штук	2,1	2,3	2,6	2,4	7,4	7,4
Бельевой трикотаж, штук	4,7	4,6	4,7	5,1	н. д.	н. д.
Чулки и носки, пар	7,2	7,8	7,8	8,2	8,2	8,7
Кожаная, текстильная и комбинированная обувь, пар	3,2	3,4	3,3	3,3	3,3	3,3

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что за годы перестройки потребление товаров, связанных с обеспечением населения одеждой и обувью, росло, но этот рост был незначительным и не удовлетворял потребительский спрос. Этот рост необходимо было минимум удвоить, так как потребности советского человека далеко не соответствовали рациональным нормам потребления. Об этом свидетельствуют данные табл. 51.

Таблица 51

**Степень соответствия потребления тканей, одежды и обуви
рациональным нормам в СССР, % ⁴⁸**

Вид товара	1985 г.	1988 г.	1990 г.
Ткани: хлопчатобумажные	83,0	84,9	86,2
шелковые	66,6	64,7	64,7
шерстяные	57,1	61,9	61,9
льняные	34,0	36,4	36,4
Бельевой трикотаж	50,0	54,2	н. д.
Верхний трикотаж	52,5	60,0	185,0
Обувь	88,8	92,2	92,2

Из табл. 51 видно, что, несмотря на некоторое улучшение в обеспечении населения СССР тканями, трикотажными изделиями и обувью, их не хватало. Только лишь потребление верхнего трикотажа составляло в 1990 году 185 процентов рациональной нормы. Очевидно, что такой рост был связан и с тем, что еще в доперестроечное время в стране существовали подпольные трикотажные предприятия «теневого» сектора экономики, которые в годы перестройки вышли из подполья и превратились в легальные кооперативы и мастерские лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью.

О нехватке самых необходимых в повседневной жизни предметов, о низком качестве многих товаров народного потребления свидетельствовала многочисленная почта со всех концов Советского Союза. В письме из г. Житомира говорилось: «В одной из газет прочитали: “Нехватка и качество товаров, необходимых для жизни, измотали души и самых неприхотливых”. Лучше не скажешь об обстановке в нашем городе. Полки магазинов не пустуют, но люди эти товары не берут. В Житомире две обувные фабрики. Видели ли бы вы, что они выпускают. Ни молодые, ни пожилые не хотят покупать их продукцию». Письмо из г. Киева: «Что ни надень из импорта, даже если не обладаешь хорошим вкусом, не ошибешься – будешь выглядеть современно. Большинство наших товаров не выдерживают сравнения с зарубежными. Потому и существует дефицит хорошей одежды и обуви». Москвич А. П. Степанов: «Похоже, что легкая промышленность и торговля забыли пожилых людей, которым все труднее становится купить одежду и обувь. Особенно мало выпускается дешевых товаров» ⁴⁹.

В коллективном письме в Москву из г. Александрова Владимирской области сообщалось: «В нашем городе исчезли с прилавков хозяйственное и туалетное мыло, стиральный порошок. В феврале 1989 года получили по месту жительства талоны на моющие средства. Горисполком установил следующую норму: 450 г хозяйственного, 300 г туалетного мыла и 1 кг 750 г стирального порошка на одного человека на полгода. Ребятам до одного года выделили 1 кг 200 г детского мыла на шесть месяцев. А после года? Как при таком количестве моющих средств содержать себя и детей в чистоте?». Ю.В. Никитин писал в ЦК КПСС: «У нас в Вышнем Волочке Калининской области как-то незаметно к концу 1989 года исчезли носки. На наше предприятие приходили “отцы” города, в том числе и директор торга. Я ему задаю вопрос, что называется, в лоб: “Что, мужики теперь должны носить обувь на босу ногу?”. В ответ директор торга пожал плечами и привел статистические данные о выпуске носков в стране. Но ведь статистику на ноги не наденешь». Шахтер В.В. Черняк из Донбасса спрашивал: «Где, в какой еще стране в наше время человек стоит в очереди пять – шесть лет за стиральной или швейной машиной, холодильником, пылесосом, другой бытовой техникой? Задумайтесь над решением простой задачи: на шахте в очередь на приобретение стиральных машин записано 574 человека. За год нашему коллективу выделили всего 39 штук. Спрашивается, через сколько лет получит стиральную машину последний в очереди? Заводы по выпуску бытовой техники никто не закрывал. Более того, к ее выпуску подключилась оборонная промышленность, но в магазинах бытовой техники не видно»⁵⁰.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов люди чувствовали, что перестройка зашла в тупик, что введение элементов рыночной экономики в советское общество не улучшало ситуацию на потребительском рынке, не вело к повышению уровня благосостояния большинства населения. Группа ученых-экономистов в своем письме к делегатам XXVIII съезда КПСС писала в июле 1990 года: «В наших современных условиях рынок – это тормоз научно-технического прогресса, непреодолимый барьер для осуществления структурной перестройки и социальных преобразований, столь необходимых сегодня нашему обществу. Рыночный путь обрекает большинство населения на многие десятилетия убогого существования, не сравнимого по своему уровню даже с годами “застоя”. Чтобы оздоровить народное хозяйство, необходимо принять ряд мер против теневой экономики, отсасывающей огромные народно-хозяйственные ресурсы и дестабилизирующей ситуацию в стране»⁵¹.

В.А. Афонин из г. Новочеркаска Ростовской области сомневался в правильности экономического курса руководства страны: «На XXVII съезде КПСС были приняты решения об увеличении производительности труда к 2000 году в 2,3 – 2,5 раза. Но после съезда главное внимание уделялось перестройке не экономики, а надстроечных структур. Результат не заставил себя ждать: снижается производство продукции, полки магазинов пустеют. Думаю, такая ситуа-

ция не возникла бы, если бы главное внимание было уделено развитию науки и техники, снижению себестоимости продукции, рациональной организации труда». Из письма В. Дымченко (г. Харьков): «Народ воспрянул духом с началом перестройки. Но, как теперь видно, надежды наши не оправдались. Жизнь простых людей сейчас стала трудной до невозможности. На базаре все втридорога. В магазинах промышленных товаров нет, невозможно купить даже носки, трусы, майку, постельное белье. Что, перестали работать фабрики и заводы? Работники торговли прячут товары в подсобках, обвешивают, обсчитывают людей»⁵².

Случаи припрятывания товаров были массовыми, о чем свидетельствуют материалы оперативных групп рабочего контроля советских профсоюзов, которые вскрыли в 1988 году многочисленные факты припрятывания дефицитных товаров и других нарушений правил торговли. В магазине № 196 г. Воронежа обнаружили припрятанную модельную обувь на 10 тыс. рублей. В том же городе в магазине № 91 «Мода» было укрыто от реализации товаров более чем на 7,5 тыс. рублей. В ЦУМе г. Орла найдены припрятанные дефицитные ковровые и меховые изделия на 10 тыс. рублей. В магазине № 1 отдела рабочего снабжения Мосгазпроводстроя г. Пензы обнаружилось скрытые от продажи хозяйственное мыло, стиральный порошок, махровые полотенца. В магазине № 10 совхоза «Заря» Пензенской области от покупателей прятали одеколор, шампунь, женские и детские колготки. На складе промтоварного магазина г. Тюмени было обнаружено 1920 женских и 900 детских колготок. На складах Сосновоборской торговой базы Красноярского края найдены припрятанные для продажи по знакомству мебель, ткани, обувь, одежда, кофе и другие дефицитные товары на сумму более 500 тыс. рублей. В ряде хозяйственных магазинов Ставропольского края рабочие контролеры обнаружили оцинкованную сталь, антифриз и облицовочную плитку. Работниками управления рабочего снабжения «Удмуртлес» из резерва товаров, предназначенных для работников отрасли, было скрыто от рядовых покупателей и продано по знакомству трикотажных, швейных изделий и других товаров на сумму свыше 200 тыс. рублей⁵³.

В магазине № 54 Шумерлинского района Чувашской АССР при наличии на складе не имелось в продаже трикотажных изделий, галантереи, обуви, импортных мужских рубашек, в магазине «Радуга» - шерстяной пряжи. В магазине «Ландыш» для новобрачных были припрятаны товары повышенного спроса на 7 тыс. рублей. В г. Чебоксары в магазине № 22 «Волна», минуя кассу, продали 160 пар сапожек на сумму 9520 рублей. Контролерами харьковского завода имени Малышева в трех закрепленных за ними для контроля магазинах были выявлены товары на сумму более 6 тыс. рублей, скрытые от реализации, - зубная паста, стиральный порошок, зонты, женская и мужская обувь. На промтоварной базе отдела рабочего снабжения производственного объединения «Селидовуголь» Донецкой области припрятали холодильники «Минск», «Ока»,

термосы, импортная обувь на сумму 3,4 тыс. рублей. Членами оперативной рабочей группы по контролю за работой предприятий сферы услуг Молдавского совпрофа были выявлены припрятанными в районном универмаге г. Котовска дефицитные и ходовые товары (обувь и ткани) на сумму более 4 тыс. рублей. На центральных складах райпотребсоюза г. Болниса (Грузинская ССР) хранились не распределенные по магазинам импортные товары на сумму свыше 26 тыс. рублей⁵⁴.

Конечно, рабочими контролерами проверялись лишь обычные магазины, которые работали с массовым потребителем. На торговые базы и в спецраспределители, где отоваривалась партийно-государственная и хозяйственная номенклатура, общественные контролеры не допускались.

В годы перестройки в обеспеченности населения товарами культурно-бытового назначения длительного пользования происходил застой. Данные государственной статистики нередко включали в себя телевизоры, холодильники, стиральные и швейные машины, приобретенные населением еще в 1960 – 1970-е годы. Значительная часть этой техники уже вышла из строя, но продолжала числиться в статистических отчетах. Далеко не каждый советский человек имел возможность купить дорогостоящую импортную бытовую технику, а отечественные изделия были не всегда качественными. В 1987 году до истечения гарантийного срока был отремонтирован каждый четвертый телевизор, каждый седьмой магнитофон. В результате доля расходов населения на ремонт бытовой техники в общем объеме услуг возросла с 8,6 процента в 1980 году до 10,1 процента в 1987⁵⁵.

Степень соответствия обеспеченности населения СССР некоторыми товарами культурно-бытового назначения рациональным нормам приводим в табл. 52.

Таблица 52

Степень соответствия обеспеченности населения СССР некоторыми товарами культурно-бытового назначения рациональным нормам (на 100 семей, %) ⁵⁶

Вид товара	Рациональная норма обеспеченности, штук	1965 г.	1985 г.	1988 г.	1990 г.
Радиоприемники	148	40	65	65	65
Телевизоры	125	19	78	82	86
Магнитофоны	40	5	92	115	137
Холодильники	110	10	83	84	84
Стиральные машины	82	26	85	84	91
Швейные машины	82	63	79	76	74
Пылесосы	58	12	67	76	83

Из табл. 52 видно, что значительные успехи в обеспечении населения предметами культурно-бытового назначения длительного пользования были

достигнуты в основном до 1985 года, а затем насыщение рынка этими товарами существенно замедлилось. «Застой» в этом процессе начался, главным образом, в годы горбачевской перестройки. В 1965 году только 10 процентов советских семей имели холодильник, в 1985 – 83 процента. Затем до 1990 года этот показатель вырос лишь на один процент. В 1965 году на каждые 100 семей имелось 19 телевизоров, в 1985 – 78, в 1990 – 86. По обеспеченности населения радиоприемниками в годы перестройки вообще роста не наблюдалось, а по количеству швейных машин на 100 семей произошло даже существенное снижение (с 79 до 74). Бытовая техника, приобретенная в 1960 – 1970-е годы, выходила из строя, происходило ее старение. Появилась техника нового поколения – телевизоры цветного изображения, стиральные машины с центрифугами для сушки белья, радиоприемные устройства на транзисторах вместо электроламп и многое другое. Спрос на новую бытовую технику не удовлетворялся, несмотря на то, что цены на нее были высокими и постоянно продолжали расти. В 1985 году средняя цена телевизора цветного изображения составляла 644 рубля, а в 1990 – 790 рублей, холодильника - 288 и 342, стиральной машины – 94 и 101 рубль соответственно ⁵⁷.

В годы перестройки несколько увеличилось количество транспортных средств в расчете на 100 семей СССР (табл. 53).

Таблица 53

Обеспеченность населения СССР личными транспортными средствами (штук на 100 семей) ⁵⁸

Категории населения, годы	Легковые Автомобили	Мотоциклы и мотороллеры	Велосипеды и мопеды
Все население			
1985 г.	15	14	55
1990 г.	19	20	59
-----	-----	-----	-----
Городское население			
1985 г.	14	8	44
1990 г.	19	12	47
-----	-----	-----	-----
Сельское население			
1985 г.	15	27	79
1990 г.	20	37	87

Данные табл. 53 показывают, что в 1990 году примерно каждая пятая советская семья имела легковой автомобиль. Кроме того, 20 процентов семей обладали мотоциклом или мотороллером, а 59 из каждых 100 семей - велосипедом или мопедом. В сельской местности процент обеспеченности населения личным транспортом был выше, особенно такими видами передвижных средств, как мотоциклы, мотороллеры, велосипеды и мопеды. Это связано с тем, что нужда в этих транспортных средствах являлась в сельской местно-

сти более острой. Да и цены на них были уже вполне приемлемы для многих сельских жителей. В 1990 году средняя цена на мотоциклы и мотороллеры составляла примерно 1027 рублей, а на велосипеды и мопеды – 91 рубль. Средняя цена на легковые автомобили была 8430 рублей⁵⁹. Но потребность населения в автомобилях не удовлетворялась ни в городе, ни в сельской местности. Из табл. 53 видно, что по обеспеченности этим дорогостоящим видом транспорта село даже немного обгоняло город.

На XXVII съезде КПСС была поставлена задача: обеспечить к 2000 году каждую семью отдельной квартирой или домом. Для этого планировалось построить в 1986 – 1990 годах дома общей площадью 565 – 570 млн квадратных метров. Кроме того, в 1991 – 1995 годах по расчетам Госплана СССР надо было ввести в эксплуатацию еще 900 млн, а в 1996 – 2000 годах – более 1 млрд квадратных метров жилья⁶⁰.

В 1986 – 1990 годах планы по строительству жилья в основном выполнялись. Построены жилые дома общей площадью 630,4 млн квадратных метров, что было больше на 78,2 млн квадратных метров, введенных в эксплуатацию в предыдущем пятилетии, и на 60 – 65 млн квадратных метров больше, чем планировалось построить во второй половине 1980-х годов. К началу 1986 года в среднем на одного городского жителя страны приходилось 14,3 квадратных метра общей жилой площади, а к началу 1991 – 15,5 квадратных метра⁶¹.

Жилищная проблема по-прежнему оставалась острой, т. к. количество создаваемых семей росло во многих регионах страны быстрее строительства жилья. Шло ускоренное старение жилого фонда. Только в России 330 млн квадратных метров жилья нуждалось в 1990 году в неотложном ремонте. Из 650 тыс. кв. м коммунальных сетей, обслуживающих жилье РСФСР, 300 тыс. находились в ветхом состоянии, а 50 тыс. – в аварийном⁶².

На начало 1989 года в СССР в квартирных очередях числилось около 14 млн городских семей. Это означало, что эти семьи проживали в жилищных условиях, которые не соответствовали минимальной санитарной норме в 9 кв. м жилой площади на одного человека. Причем каждая шестая из этих семей стояла в квартирной очереди более 10 лет. Свыше 6 млн семей проживали в коммунальных квартирах, общежитиях или арендовали помещения у частных лиц. В то же время 14 млн семей имели излишние размеры жилой площади. В отдельных трехкомнатных квартирах проживало 1,5 млн одиночек или семей из двух человек, тогда как свыше 1 млн семей, состоящих из четырех и более человек, имели однокомнатные квартиры⁶³.

С 1989 года темпы жилищного строительства в СССР замедлились. В 1985 году было введено в действие 113 млн квадратных метров жилой площади, в 1986 – 119,8 млн, в 1987 – 131,4 млн, в 1988 – 132,3 млн, в 1989 – 128,9 млн, в 1990 – 118 млн. Основная причина замедления жилищного строительства в 1989 – 1990 годах – острый недостаток строительных материалов и нехватка кредитных ресурсов, особенно государственных⁶⁴.

Руководство СССР понимало, что решить традиционными методами задачу обеспечения к 2000 году каждой семьи отдельной квартирой или индивидуальным домом трудно. Был взят курс на постепенный переход от принципа преимущественного распределения жилья, построенного за счет государственных капитальных вложений, к принципу его «зарабатывания» трудовыми коллективами и отдельными гражданами при сохранении государственного обеспечения жильем населения с низкими доходами. Высказывались предложения о том, чтобы государство строило бесплатные квартиры только для обеспечения жильем семей, проживающих на жилой площади меньше 9 кв. м на одного человека, в коммунальных квартирах, ветхих домах без необходимого уровня инженерного оборудования. Все остальное жилье должно было строиться за счет граждан без всяких ограничений⁶⁵.

Норма в 9 кв. м жилплощади на человека была установлена в 1981 году решением Верховного Совета СССР и определялась Основами жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. Специалисты считали, что нормы получения жилья в СССР являлись крайне низкими. Минимальной нормой они называли обеспеченность в 12 – 13 кв. м жилой площади на человека или 20 – 21 кв. м общей площади. Это норма здорового жилища, а достаточная - 28 кв. м общей площади жилья на человека. Если считать это нормой, то потребности населения СССР к началу 1990-х годов при обеспеченности в 15,5 кв. м общей жилой площади на человека удовлетворялись в среднем на 55 процентов⁶⁶.

Особенно людей возмущали нарушения социальной справедливости в распределении жилья и вопиющее отставание в обеспеченности многих семей жилой площадью от среднестатистических показателей по стране и отдельным регионам. Например, в 1990 году в Красноярском крае на одного жителя приходилось 15,1 кв. м общей жилой площади, а в сельских районах проживания народностей Севера – 2,5 – 3 кв. м. Дежурная по железнодорожному поезду Н.И. Харевич (Белоруссия) писала в Москву: «В 26-метровой комнате казармы живем впятером. В очереди на получение квартиры числюсь 17 лет. В течение шести лет моя очередь первая. Дома строят, а меня обходят». Супруги Шарифуллины из города Набережные Челны писали в ЦК КПСС: «У нас четверо детей. Имеем комнату площадью 16 квадратных метров в двухкомнатной квартире. На заводе двигателей КамАЗа работаем более 10 лет. Ни завод, ни горисполком не хотят нам помочь в решении жилищного вопроса». В коллективном письме жен и матерей шахтеров из города Краснодона Ворошиловградской области говорилось: «Наши шахтерские семьи проживают в построенных до войны бараках по улице Володарского. Они находятся в аварийном состоянии: трескаются стены, проваливаются полы, проседают потолки, текут крыши, неисправны печи. Только один час в сутки подается вода. С просьбами о переселении из непригодных для проживания бараков мы неоднократно обращались по месту работы наших мужей и сыновей, в Краснодонский го-

рисполком, но там только обещают, а мер не принимают. Сейчас много говорят о перестройке, о благах для народа. А где они?». 95 работников автотранспортного предприятия г. Лангепас Нижневартовского района Тюменской области сообщали в ЦК КПСС: «За последние полтора года наше предприятие не получило ни одного квадратного метра жилья. Большинство рабочих живет в вагончиках-балках, общежитиях. По этой причине на предприятии не хватает специалистов, водителей, ремонтных рабочих. И нет никакой надежды на улучшение, так как нефтяники, которых мы обслуживаем транспортом, требуют, чтобы предприятие покупало у них квартиры. Но тех фондов, которыми мы располагаем, для этого крайне недостаточно»⁶⁷.

В ноябре 1989 года Комитет партийного контроля при ЦК КПСС изучил работу руководящих органов и отдельных лиц по письмам и заявлениям трудящихся Запорожской области. Было установлено, что за 1987 – 1989 годы очередь на получение квартир возросла здесь на 17 процентов и составляла 120 тыс. семей, среди которых имелось много семей инвалидов и участников Великой Отечественной войны, многодетных семей. Однако количество квартир, вводимых ежегодно в эксплуатацию, оставалось примерно на одном уровне. Законное возмущение граждан вызывали нарушения в распределении жилья. В 1986 – 1989 годах прокуратурой области и облсовпрофом было установлено около 300 нарушений жилищного законодательства, 200 жалоб по этому вопросу поступило в ЦК КПСС. Заместитель председателя Токмакского горисполкома С. П. Тюрин незаконно получил на четырех членов семьи четырехкомнатную квартиру. Ранее проживавшие в ней жильцы в обход установленных правил также получили отдельные благоустроенные квартиры. По указанию С. П. Тюрина допускались и другие нарушения жилищного законодательства, прописки граждан. С. П. Тюрин был исключен из партии и освобожден от занимаемой должности только после того, как его задержали за рулем служебного автомобиля в нетрезвом состоянии. На заседании КПК при ЦК КПСС член Верховного Совета СССР, горновой комбината «Запорожсталь» А.В. Гриб сказал: «Меня буквально потрясло, когда прибежала ко мне женщина, машину даже наняла, говорит: “Поедьте, посмотрите, как я живу, а какой особняк построил себе один из наших местных руководителей”. Посмотрел, действительно у нее хатка вся разрушенная, перекособоченная, а детишки рядом с хаткой в сарайчике, в хлеву, вместе с домашними животными на каких-то подстилочках приютились. А она говорит: “Ни от кого не могу добиться никакой помощи”»⁶⁸.

По данным переписи населения 1989 года, распределение семей СССР по типам занимаемых жилых помещений выглядело следующим образом (табл. 54).

Таблица 54

Распределение семей СССР по типам занимаемых жилых помещений
в 1989 году, % ⁶⁹

Тип жилого помещения	Всего	В городских поселениях	В сельской местности
Всего семей	100,0	100,0	100,0
В том числе: проживали: в отдельной квартире	52,9	66,6	23,8
в индивидуальном доме	33,2	16,7	68,3
в общей коммунальной квартире	4,8	6,3	1,4
в части индивидуального дома	3,3	3,1	3,8
в общежитии	3,4	4,3	0,6
в других жилых помещениях	0,3	0,3	0,3
снимали жилье у отдельных лиц	0,9	1,1	0,7
Не указали тип занимаемого жилья	1,2	1,6	1,1

Из табл. 54 видно, что две трети городских семей СССР проживали в отдельных квартирах. В очень плохих жилищных условиях находились более 10 процентов горожан страны. Индивидуальные дома, в которых проживало 16,7 процента городских и 68,3 процента сельских семей, были очень разными по размерам, степени износа и благоустройству. В 1989 году семьи, проживавшие в помещениях, оборудованных центральным отоплением, в городских поселениях составляли 77, а в сельской местности – 19 процентов, водопроводом – 82 и 22, канализацией – 75 и 14, горячим водоснабжением – 63 и 7, ванной или душем – 70 и 12 процентов соответственно. Правда, у многих сельчан имелись собственные бани, неучтенные государственной статистикой. По оборудованию газом (включая баллонный) или напольной электрической плитой жилье городских и сельских семей имело близкое сходство: в таких помещениях в городах проживало 90 процентов семей, а на селе – 81 процент ⁷⁰.

Повседневной проблемой людей оставались охрана их здоровья, своевременное и качественное получение медицинской помощи. С 1985 по 1990 год численность врачей увеличилась в СССР с 1170 тыс. до 1279 тыс. человек, количество среднего медицинского персонала – с 3159 тыс. до 3420 тыс. человек, больничных коек – с 3608 тыс. до 3832 тыс. штук. Если в 1981 – 1985 годах в СССР открылось новых больниц на 318 тыс. коек, то в 1986 – 1990 годах – на 337 тыс. В 1986 – 1990 годах были построены поликлиники на 945 тыс. посещений в смену, тогда как в предыдущем пятилетии – на 710 тыс. ⁷¹

Однако в целом советское здравоохранение оказалось в годы перестройки в кризисе. По данным А.Н. Шохина, 62 процента опрошенных жителей оценивали в конце 1980-х годов состояние медицинского обслуживания неудовлетворительно. Среди работников науки и вузов таких респондентов было 75 процентов, среди работников торговли – 80, среди творческой интеллигенции – 90 процентов. Существовала дифференциация различных социальных групп населения в доступе к бесплатному качественному медицинскому об-

служиванию. Люди с более высокими доходами получали, как правило, бесплатное медицинское обслуживание более высокого качества. Не случайно, что 52 процента руководителей и военнослужащих оценивали уровень медицинского обслуживания высоко. 60 процентов опрошенных женщин отметили, что им приходилось оплачивать медицинские услуги нелегально. Больше всех таких было среди работников торговли и сферы обслуживания. Реже остальных нелегальной оплатой медицинских услуг занимались руководители, военнослужащие и сами медицинские работники ⁷².

Министр здравоохранения СССР Е.И. Чазов говорил на XIX всесоюзной конференции КПСС: «Мы с гордостью говорили о нашей системе охраны здоровья народа. Но молчали о том, что по уровню детской смертности находились на 50-м месте в мире, после Маврикии и Барбадоса. Мы с гордостью говорили, что у нас больше, чем в любой другой стране мира, врачей, больниц, но молчали, что по средней продолжительности предстоящей жизни занимаем 32-е место в мире». Далее министр отмечал, что по уровню отчислений доли валового национального продукта на охрану здоровья народа мы находились где-то в середине седьмого десятка из 126 стран мира. Из года в год здравоохранение недополучало даже фонда заработной платы ⁷³.

Собрание представителей лечебно-профилактических учреждений Москвы обратилось в 1990 году в ЦК КПСС с письмом, в котором говорилось: «Катастрофическое положение здравоохранения в стране общеизвестно. Больных людей ждут унижающие человеческое достоинство очереди в поликлиниках, для госпитализации в стационары. В лечебно-профилактических учреждениях отсутствует современная лечебно-диагностическая аппаратура, а та, что имеется, пришла в негодность. Лекарственное обеспечение аптек и стационаров не выдерживает никакой критики. Нехватка среднего персонала усугубляется большой текучестью этих кадров из-за нищенской зарплаты. Например, средняя зарплата медицинских работников составляет 60 – 65 процентов от средней зарплаты в производственных отраслях, что примерно в 8 – 10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах. Отсутствие санитарок вынуждает медсестер заниматься даже уборкой туалетов. Профессия медика уже давно перестала быть престижной. В условиях нарастающей инфляции низкая зарплата заставляет их трудиться по 10 – 12 часов в сутки». Далее в письме предлагалось ликвидировать государственную монополию в здравоохранении, разрешить деятельность медицинских кооперативов, осуществить переход на принципы страховой медицины ⁷⁴.

По данным Госкомстата СССР, более 70 процентов опрошенных советских семей высказывали неудовлетворенность работой амбулаторно-поликлинических учреждений из-за имевшихся здесь больших очередей и ограничений в записи на прием к врачам – специалистам. Анализ показал, что затраты времени в очередях на прием к врачу составили в 1988 году от 30 минут до одного часа в летнее и до двух и более часов в осенне-зимнее время ⁷⁵.

Недостатки в обеспечении лекарственными средствами населения и медицинских учреждений являлись настолько серьезными, что политбюро ЦК КПСС вынуждено было принимать об этом в ноябре 1989 года специальное постановление. В 1986 – 1988 годах среднегодовые темпы прироста поставок лекарственных средств здравоохранению снизились до 4,3 процента против 5,7 процента в 1981 – 1985 годах. Потребности населения и медицинских учреждений в лекарствах за счет отечественного производства удовлетворялись лишь наполовину, а с учетом импорта – на три четверти. По наиболее важным группам препаратов для лечения сердечно-сосудистых заболеваний отечественная промышленность обеспечивала спрос лишь на 30 процентов, онкологических – на 43 процента, психоневрологических – на 30 процентов, по гормональным и противодиабетическим таблетированным препаратам – на 15 процентов. Потребление лекарственных средств на душу населения в СССР было в два – три раза ниже уровня развитых капиталистических стран. Существенно сократился выпуск медикаментов на ряде заводов по экологическим причинам. В 1989 году была ограничена или прекращена деятельность 14 производственных мощностей по изготовлению лекарств на сумму более 200 млн рублей. Государственные и хозяйственные руководители подверглись мощному прессингу со стороны борцов за экологическую безопасность населения. Вместо перестройки на экологически чистые безотходные технологические процессы стали закрываться заводы медицинских препаратов, прекратился выпуск многих лекарственных средств ⁷⁶.

Со всех концов страны в Москву шли сообщения о неблагоприятной экологической ситуации в регионах, о тяжелых последствиях аварии на Чернобыльской АЭС, загрязнении водоемов и воздушного бассейна отходами промышленных предприятий, хищнической вырубке лесов. Но нередко под видом борьбы за чистоту природной среды шло лоббирование чисто коммерческих интересов определенных групп «новых русских» и зарубежного бизнеса. Закрытие экологически грязных производств вместо их модернизации нередко приводило к массовой безработице, а иногда и к вынужденной миграции больших групп населения.

В условиях кризиса здравоохранения в сложном положении оказались пожилые люди, инвалиды. Из письма А.М. Мальковой (поселок Салтыковка Балашихинского района Московской области): «Мне очень больно об этом писать. Никогда не писала жалоб и не думала, что доживу до этого. Я – ветеран Великой Отечественной войны, инвалид труда, трудовой стаж – 48 лет. Отдала фронту и работе свое здоровье, живу за счет лечения в больнице и вызовов “скорой помощи”. А теперь и помочь мне некому. Во время очередного тяжелейшего приступа позвонила в Балашихинскую “скорую”. Отвечают: “Когда будет врач, не знаю. Работать некому. Все врачи ушли в кооператив”. Как нам, пенсионерам, быть дальше?» ⁷⁷.

Не выполнялись планы строительства домов-интернатов для престаре-

лых и инвалидов. В 1988 году было введено в эксплуатацию этих учреждений всего на 10,1 тыс. мест (60,4 процента к плану). За 1986 – 1988 годы пятилетний план выполнили лишь на 27,6 процента, недодали к плану объектов более чем на 14 тыс. мест. Большинство домов-интернатов было переуплотнено, а очередь нуждающихся составляла в 1989 году 39,4 тыс. человек. Многие пожилые люди, имеющие хронические заболевания, из-за недостатка мест в домах-интернатах вынуждены были находиться в лечебных учреждениях системы здравоохранения. Почти 200 тыс. одиноких престарелых и нетрудоспособных граждан, нуждающихся в различных видах социальных услуг, их не получали. Слабо развивалась сеть специализированных лечебно-профилактических учреждений для престарелых и инвалидов. Органами здравоохранения не было обеспечено проведение диспансеризации пенсионеров. Местными советскими органами не везде соблюдался порядок прикрепления ветеранов, награжденных орденами и медалями СССР за труд и безупречную воинскую службу в годы Великой Отечественной войны, к поликлиникам по прежнему месту их работы независимо от срока выхода на пенсию ⁷⁸.

Важным показателем уровня жизни населения, охраны здоровья является средняя продолжительность жизни людей. В СССР в 1958 – 1959 годах она составляла 69 лет, в 1968 – 1971 гг. – 70, в 1979 – 1980 гг. – 67,7, в 1982 – 1983 гг. – 68,2, в 1984 г. – 67,7, в 1985 г. – 68,4, в 1986 г. – 69,6, в 1987 г. – 69,8, в 1988 г. – 69,5, в 1989 г. – 69,5, в 1990 г. – 69,3 года. Таким образом, в годы перестройки по средней продолжительности жизни населения СССР не удалось выйти даже на уровень 1968 – 1971 годов. С 1988 года наблюдалась тенденция к снижению средней продолжительности жизни советского человека ⁷⁹.

В годы перестройки повышался уровень образования советских людей. Если в 1979 году на 1000 человек населения СССР имелось 75 лиц с высшим образованием, то в 1989 году – 108, со средним специальным – 119 и 182, с общим средним – 229 и 305 соответственно. При переписи населения 1989 года было учтено 4,3 млн неграмотных в возрасте 15 лет и старше, что составляло два процента от численности всех людей этой возрастной группы. 84 процента среди неграмотных составляли лица старше 60 лет ⁸⁰.

В 1981 – 1985 годах в СССР введены в действие новые школьные здания на 5233 тыс. ученических мест, в 1986 – 1990 гг. – на 7030 тыс. мест. В 1981 – 1985 годах было построено дошкольных учреждений на 2856 тыс. мест, в 1986 – 1990 гг. – на 2946 тыс. Однако с 1988 – 1989 годов темпы строительства школьных и дошкольных учреждений замедлились, что отрицательно сказывалось на обучении и воспитании детей. В 1988 году дошкольными учреждениями было охвачено 58 процентов детей соответствующего возраста, а в 1990 г. – 55 процентов. Полтора миллиона детей не имели возможности посещать детские сады. 30 процентов общеобразовательных школ работали в две смены, а семь процентов – в три. Половина всех школ страны не имела центрального отопления, водопровода, канализации. По числу студентов вузов на 10 тысяч

жителей СССР переместился за десять лет (1978 – 1988) с девятого на 23-е место в мире. При средней зарплате в промышленности в 264 руб. и в среднем по стране в 240 руб. учитель получал 155 руб., а работая на полутора ставках – 204 руб. в месяц. Доля расходов на народное образование в национальном доходе страны на протяжении многих лет практически не увеличивалась⁸¹.

Школьники были излишне перегружены учебой, второстепенной информацией. Это отрицательно влияло на их здоровье. По данным Минздрава СССР, 53 процента школьников не являлись абсолютно здоровыми. За время обучения количество здоровых детей уменьшалось в три – четыре раза⁸².

В последние годы существования СССР резко сократился выпуск учебников. Из «благих побуждений» была совершена ошибка: пошли на бесплатный учебник в школе и на передачу его из класса в класс, от поколения к поколению, убрав тем самым учебник из дома. А он в доме был крайне необходим. Ученик лишился возможности обновить в памяти учебный материал за предыдущие годы своего обучения, а значит, хорошо усвоить новые знания.

Под видом деполитизации народного образования школа была втянута в политику еще в большей степени, чем это происходило раньше. Имела место безнравственная политическая манипуляция детьми. В сложном положении оказались преподаватели гуманитарных дисциплин, которые больше других были связаны с идеологией. Школьники и учителя часто сталкивались с такой проблемой: средства массовой информации говорили одно, а в школьных учебниках они читали совершенно иное. Началась борьба оппозиционных антикоммунистических сил за то, чтобы прекратить преподавание в учебных заведениях истории КПСС, научного коммунизма. На одном из собраний в Уральском государственном университете даже обсуждался вопрос о том, чтобы лишить ученых степеней и званий тех, кто защитил диссертации по проблемам марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, истории КПСС. Отдельные философы активно выступали за ликвидацию курса истории КПСС, но за сохранение своего предмета, забывая при этом, что сами они совсем недавно преподавали не Закон Божий, не философию вообще, а марксистско-ленинскую философию. Громче всех объявляли себя антикоммунистами именно те, кто совсем недавно заседали в парткомах, были секретарями партийных коммунистических организаций, ходили в любимчиках горкомов и обкомов КПСС. К концу 1980-х годов оказались почти исключенными из учебного процесса вузов курсы истории КПСС, научного коммунизма, марксистско-ленинской философии и политэкономии. Вводились новые учебные курсы – «Социально-политическая история XX века», «Россия и мир», «История мировых цивилизаций», «Философия», «Экономика», «Политология», «Культурология» и другие.

В трудном положении оказались учреждения культуры. Среднемесячная зарплата работников культуры была самой низкой среди всех категорий рабочих, служащих, а также колхозников. В 1985 году она составляла лишь 61

процент от средней по народному хозяйству страны, а в 1990 г. – 60 процентов. В 1986 – 1990 годах введены в действие новые здания клубов и домов культуры на 1572 тыс. мест, тогда как в 1981 – 1985 гг. – на 1112 тыс. мест. За годы перестройки были построены кинотеатры на 163 тыс. мест (на одну тысячу мест больше чем в предыдущем пятилетии). Однако в конце 1980-х годов темпы строительства культурно-просветительных учреждений стали заметно снижаться. Сокращалось количество киноустановок. В 1985 году в стране работало 152,2 тыс. киноустановок с платным показом сеансов, а в 1990 г. – 140,7 тыс. В 1985 году число посещений киносеансов в среднем на одного жителя СССР составляло 15, а в 1990 г. – 10. В 1990 году в 1,5 тыс. (4,0 %) сельских населенных пунктов с числом жителей 500 человек и более кинофильмы не демонстрировались ни разу⁸³.

Информацию о жизни страны и регионов население получало в основном по радио и телевидению. В 1990 году на территории СССР телевидение велось на 54 языках, в том числе на 50 языках народов СССР, а радиовещание – на 78 и 71 языке соответственно. С 1990 года, когда в стране фактически складывалось двоевластие в лице союзных и республиканских государственных органов, этот процесс оказал влияние и на содержание передач радио и телевидения: значительная часть работников электронных СМИ перешла в оппозицию к КПСС и союзным властным структурам.

Обострившаяся борьба за общественное мнение и ценностные ориентации людей породила ожесточенную схватку за периодическую печать, теле- и радиоканалы, выдвинула СМИ на первое место среди средств идеологического воздействия на массы людей, на каждого человека. Социологические исследования показали, что 85 процентов респондентов Курганской области называли главными источниками информации телевидение и радио. В 1990 году был создан молодежный канал на Курганском телевидении, который демонстрировал в основном третьесортные зарубежные фильмы и музыкальные программы. Многие телезрители остались недовольны тем, что, по их мнению, этот канал пропагандировал жестокость, пошлость и порнографию. В ответ населению навязывались дискуссии о том, что можно называть жестокостью и порнографией, а что нет⁸⁴.

Объем вещания радио и телевидения в целом и по видам передач в 1990 году представлен в табл. 55. Из всех видов теле- и радиопередач преобладали художественные и общественно-политические. Большинство передач радио и телевидения были идеологизированы, хотя ведущие этих передач часто на словах выступали за деидеологизацию СМИ, называли свои каналы независимыми. Новым было то, что к электронным средствам массовой информации получили доступ политические силы, находившиеся в оппозиции к КПСС и руководству СССР.

Объем вещания радио и телевидения СССР по видам передач в 1990 году (в среднесуточном исчислении; часов)⁸⁵

Виды передач	Телевидение	Радио
Объем вещания – всего		
В том числе по видам передач: информационные	514,8	1404,6
общественно-политические	68,7	292,1
спортивные	155,9	314,2
учебные	19,2	14,0
художественные	20,7	3,1
прочие	212,9	685,8
Из общего объема вещания – передачи для детей и молодежи	37,4	95,4
	58,2	102,0

В годы перестройки кардинально изменилось положение в обществе религии и церкви. На рубеже 1980 – 1990-х годов религиозность советских людей резко повысилась. Системный кризис общества, неуверенность людей в завтрашнем дне, афганская и чернобыльская трагедии приводили многих к Богу и церкви. Критическому пересмотру подверглось отношение советских властей к религии и церкви в прежние годы. Не только как церковный, а как все-народный праздник отмечалось в 1988 году 1000-летие Крещения Руси. Оживлению церковной жизни, религиозному буму на рубеже 1980 – 1990-х годов способствовали подготовка и принятие принципиально нового законодательства СССР и РСФСР о религиозных организациях. В октябре 1990 года было принято два закона – Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». Они впервые в советской истории признавали за религиозными организациями право юридического лица.

В годы перестройки резко увеличилось число приходов Русской православной церкви. По данным Д. В. Поспеловского, в 1988 году в СССР было 6893 прихода Русской православной церкви, а к концу 1991 – примерно 13 тысяч. В РСФСР в 1988 году имелось 2062 прихода РПЦ, а к концу 1991 – примерно 4200. Однако только две трети приходов имели молитвенное помещение. Катастрофически не хватало священников. Поэтому в стране стало открываться много духовных семинарий и училищ⁸⁶.

Значительно увеличилось количество верующих. За три года (1988 – 1990) на территории Курганской области было крещено свыше 25 тысяч человек. Это намного больше, чем за все 1960 – 1970-е годы вместе взятые. Более одной трети умерших жителей этой области отпевались в 1988 – 1990 годах православными священниками⁸⁷. Наблюдался приток в церковь студентов и интеллигенции. Правда, для части этих людей, называвших себя верующими

ми, вера в Бога еще не являлась глубоким внутренним убеждением, а была данью моде.

Системный кризис общества способствовал росту преступности, распространению среди населения алкоголизма, наркомании (табл. 56).

Таблица 56

**Заболееваемость населения СССР алкоголизмом и наркоманией
(на 100 тыс. чел.)⁸⁸**

Заболееваемость населения	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Число алкоголиков на учете в медицинских учреждениях	1617	1622	1633	1603	1494	1423
Число наркоманов на учете в медицинских учреждениях	14,9	17,1	21,6	24,3	25,5	27,1

Данные табл. 56 показывают лишь тех больных алкоголизмом и наркоманией, которые были зарегистрированы в медицинских учреждениях. Фактическое количество таких больных значительно превышало официальные данные. По данным государственной статистики, прослеживается сокращение числа больных алкоголизмом и рост количества наркоманов.

После небольшого снижения уровня преступности в 1986 – 1987 годах в последующие годы перестройки она вновь стала расти. Это видно из табл. 57.

Данные табл. 57 показывают, что за 1985 – 1990 годы количество зарегистрированных преступлений увеличилось в стране с 2080 тыс. до 2786,6 тыс. Причем этот рост произошел главным образом в 1989 – 1990 годах, когда многие процессы в СССР стали неуправляемы. Рост преступности происходил по всем видам за исключением хулиганства, мелких хищений государственного или общественного имущества. Усилилась так называемая «корыстная» преступность. Хулиганство не сулило преступнику никаких материальных выгод, а на мелкие хищения в государственном и общественном секторах экономики в условиях начавшегося хаоса мало обращалось внимания.

В 1990 году было зарегистрировано почти 2,8 млн преступлений, т. е. на 13,2 процента больше предыдущего года. Каждое седьмое преступление являлось тяжким, каждое третье оставалось нераскрытым. Более половины всех регистрируемых в стране преступлений являлись корыстными. В 1990 году было зарегистрировано 4,7 тыс. случаев взяточничества, 1,8 тыс. случаев получения незаконного вознаграждения в сфере обслуживания, 24,3 тыс. нарушений правил торговли, 11 тыс. случаев приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем⁹⁰.

Таблица 57

Число зарегистрированных в СССР преступлений (тыс.)⁸⁹

Виды преступлений	1985г.	1986г.	1987г.	1988г.	1989г.	1990г.
Всего зарегистрировано преступлений	2080,0	1987,3	1798,5	1867,2	2461,7	2786,6
В том числе хищения государственного и общественного имущества	317,3	269,9	254,6	280,3	388,8	480,8
мелкие хищения государственного и общественного имущества	61,7	51,3	46,5	36,4	38,9	42,0
Преступления против личной собственности граждан:						
кража	453,9	394,3	401,6	548,5	845,2	979,1
грабеж и разбой	67,2	50,5	52,2	76,4	127,8	144,8
спекуляция	38,2	41,0	43,4	45,2	45,1	51,7
обман покупателей	27,7	35,6	38,2	39,0	42,3	40,1
самогонварение	2,7	6,2	9,8	8,2	5,7	4,8
Умышленное убийство или покушение на убийство	18,7	14,8	14,6	16,7	21,5	24,9
Умышленное тяжкое телесное повреждение	38,4	29,1	28,7	37,2	51,5	57,8
Изнасилование и покушение на изнасилование	19,4	18,5	16,8	17,7	21,9	22,5
Преступления с наркотиками	30,0	40,8	32,0	23,8	26,9	34,3
Хулиганство	193,9	165,4	133,1	116,0	142,0	152,4
Нарушение правил дорожного движения	120,1	122,9	116,4	129,0	151,6	155,7
Из них повлекшие тяжкие последствия	23,7	20,8	18,5	22,5	28,4	30,2

По материалам следственных органов, в 1990 году государственной и общественной собственности должностными, хозяйственными и другими преступлениями был причинен ущерб на 254,1 млн рублей. По данным МВД СССР, преступники присвоили в 1986 году 463 млн рублей, в 1987 г. – 465 млн, в 1988 г. – 493 млн, в 1989 – 674 млн, в 1990 г. – 878 млн рублей. В 1990 году было зарегистрировано 1,4 тыс. случаев хищения огнестрельного оружия и боеприпасов, что в 1,5 раза больше, чем в 1989 году⁹¹.

Свыше половины всех преступлений, совершенных в годы перестройки, приходилось на молодежь в возрасте до 30 лет, молодежная преступность составляла 74 – 86 процентов по таким видам, как кражи личного имущества, хулиганство, изнасилование, грабежи и разбой. Об этом свидетельствуют данные табл. 58.

Таблица 58

Удельный вес молодежи в возрасте до 30 лет в общей численности осужденных по видам преступлений, % ⁹²

Виды преступлений	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
По всем видам преступлений	52,1	57,4	58,9	58,1
За кражи личного имущества	75,6	76,0	75,3	74,9
За грабежи, разбой	83,5	84,7	83,6	81,2
За изнасилование и покушение на изнасилование	86,0	86,7	85,3	83,9
За хулиганство	74,2	77,0	72,2	74,1

Данные табл. 58 свидетельствуют о том, что в 1987 – 1990 годах происходил рост удельного веса молодежи в общей численности осужденных по всем видам преступлений с 52,1 до 58,1 процента. По отдельным видам преступлений, представленных в таблице, имело место весьма незначительное снижение доли молодежной преступности в общей численности осужденных. В целом же в 1990 году среди осужденных за кражи личного имущества молодежь составляла 74,9 процента, за грабежи и разбой – 81,2, за изнасилование и покушение на изнасилование – 83,9, за хулиганство – 74,1 процента.

К концу перестройки в СССР фактически образовалось двоевластие. Многие союзные республики объявили о приоритете своего законодательства по отношению к общесоюзному. Попытка ближайшего окружения М. С. Горбачева установить порядок методом введения в стране чрезвычайного положения потерпела в августе 1991 года неудачу. Распад СССР был предрешен. В декабре 1991 года Советский Союз прекратил свое существование. Наступила новая эпоха в жизни его бывших республик, в том числе и РСФСР.

Примечания

1. Правда. - 1984. - 29 января; Россия в XX веке. – М.: Просвещение, 2002. - С. 306.
2. Шмелев Н. Авансы и долги // Новый мир. - 1987. - № 6. - С. 144; Россия и мир: Учебная книга по истории: В 2 ч. Ч. 2. – М.: ВЛАДОС, 1994. - С. 270.
3. Известия. - 1987. - 16 декабря.
4. Согрин В. В. 1985 – 1995: Реалии и утопии новой России // Отечественная история. - 1995. - № 2. - С. 5.
5. Согрин В. В. Указ. соч. С. 6; Россия и мир... С. 289.
6. Согрин В. В. Указ. соч. С. 6.
7. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 1. - С. 139; № 12. - С. 64.
8. Россия и мир... С. 294.
9. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 4. - С. 105 – 108.
10. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 7. - С. 27, 28.
11. Там же. С. 28.
12. Там же. С. 29.
13. Россия и мир... С. 294.
14. Россия в XX веке... С. 314.

15. Файн Л. Е. Отечественная кооперация. Исторический опыт. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1994. - С. 4.
16. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 8. - С. 62 – 63.
17. Там же. С. 148 – 149.
18. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 11. - С. 128.
19. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 4. - С. 71.
20. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 11. - С. 131 – 132; 1990. - № 9. - С. 41.
21. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 5, 39.
22. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 11. - С. 18.
23. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 168, 169.
24. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 1. - С. 62 – 67.
25. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 166.
26. Там же. С. 174.
27. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 3. - С. 88, 89, 90; № 11. - С. 128.
28. СССР в цифрах в 1990 году: Краткий статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1991. - С. 5, 10 – 17; Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 10. - С. 49.
29. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 80, 81.
30. СССР в цифрах в 1990 году... С. 13, 14, 17.
31. Разуваева Н. Н. Социально-политическое положение рабочих СССР во второй половине 80-х – начале 90-х годов. – М.: Изд-во МГУ, 1992. - С. 79 – 82.
32. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 147 – 148; Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 140 – 141.
33. Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 427.
34. Там же. С. 439 – 440.
35. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 1. - С. 77, 78, 174.
36. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 2. - С. 167.
37. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 3. - С. 69, 70.
38. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 7. - С. 101, 102.
39. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 12. - С. 28, 29, 30.
40. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 7. - С. 21; № 9. - С. 132; № 10. - С. 13 – 19.
41. Разуваева Н. Н. Указ. соч. С. 78.
42. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 140; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 147 – 148; Уровень жизни населения Уральского федерального округа: проблемы оценки и анализа: Аналитическая работа. – Курган: Изд-во ККГС, 2004. - С. 184 – 186.
43. История Урала с древнейших времен... С. 454.
44. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 670 – 671.
45. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 8. - С. 37.
46. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 361. Д. 173. Л. 3 – 24.
47. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 142.
48. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 152; Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 142.
49. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 1. - С. 178; № 8. - С. 150.
50. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 8. - С. 150; 1990. - № 2. - С. 130; № 9. - С. 41.
51. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 9. - С. 67, 68, 69.
52. Там же. С. 39.
53. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 1. - С. 77.

54. Там же. С. 77, 78.
55. Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 157.
56. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 142, 143; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 156.
57. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 169.
58. Там же. С. 142, 143.
59. Там же. С. 169.
60. Материалы XXVII съезда КПСС... С. 48, 313; Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 3. - С. 8.
61. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 175, 188.
62. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 3. - С. 7, 14.
63. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 3. - С. 7; № 7. - С. 138, 140.
64. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 5; Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 3. - С. 8.
65. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 3. - С. 14, 20.
66. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 3. - С. 14; Васин С. А., Лиходей В. Г. Указ. соч. С. 163, 171, 172.
67. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 1. - С. 175, 176; № 11. - С. 133, 134; 1990. - № 2. - С. 131; № 4. С. 11.
68. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 12. - С. 30.
69. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 185.
70. Там же.
71. Там же. С. 195, 242.
72. Шохин А. Н. Указ. соч. С. 200 – 201.
73. XIX Всесоюзная конференция КПСС... Т. I ... С. 120, 123, 124.
74. Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 9. - С. 41, 42.
75. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 2. - С. 36.
76. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 12. - С. 7 – 10.
77. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 11. - С. 134 – 135.
78. Известия ЦК КПСС. - 1989. - № 7. - С. 14 – 17.
79. Население СССР... С. 68; Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 409; Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 94.
80. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 209.
81. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 195, 211; XIX Всесоюзная конференция КПСС... Т. II ... С. 48 – 51; Известия ЦК КПСС. - 1990. - № 11. - С. 12 – 19.
82. XIX Всесоюзная конференция КПСС... Т. II... С. 50 – 51.
83. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 5, 195, 234.
84. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 361. Д. 173. Л. 3 – 24.
85. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 241.
86. Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 409.
87. ГАКО. Ф. Р – 2443. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6; Диалог (Курган). - 1990. - № 5 – 6. - С. 59.
88. Народное хозяйство СССР в 1990 году... С. 250.
89. Там же. С. 278.
90. Там же. С. 280.
91. Там же. С. 280, 281.
92. Там же. С. 282.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После окончания Великой Отечественной войны надежды большинства советских людей на заметное улучшение повседневной жизни не оправдались. В первые послевоенные годы люди существовали на минимальном уровне биогенных потребностей, скудно питались, бедно одевались, испытывали нужду в самом необходимом.

Миновала опасность быть убитым на фронте или под бомбежками, но продолжалась борьба за выживание, за хлеб, за спасение от голода 1946 – 1947 годов. Экономика страны восстанавливалась и развивалась за счет перенапряжения физических и духовных сил наших соотечественников, продолжала носить мобилизационный характер. Расходы государства на удовлетворение материально-бытовых и культурных потребностей людей осуществлялись по остаточному принципу.

Переход от карточной системы распределения продовольствия и предметов народного потребления к свободной торговле, денежная реформа 1947 года, снижение розничных цен не были особенно ощутимы для благосостояния основной массы населения. Зарплата большинства рабочих и служащих оставалась невысокой, а значительная ее часть уходила на налоги и государственные займы. Оплата труда в колхозах была символической. Не случайно значительная часть населения сел, деревень, рабочих поселков, небольших и средних городов выживала в основном за счет личного подсобного хозяйства. В первые послевоенные годы уровень жизни большинства советских людей рос крайне медленно.

1945 – 1953 годы – это период апогея сталинизма, который проявлялся в откровенной недемократичности политического режима, в значительной мере державшегося на фетише обожествленного вождизма, наносившего превентивные репрессивные удары против общественных сил, способных вариативно мыслить, критически оценивать ситуации. Вся духовная жизнь страны была подчинена укреплению тоталитарного общественного строя во главе с харизматическим лидером. В массовом обыденном сознании критическое отношение к действительности сочеталось с признанием фатальной неизбежности послевоенного нищенского бытия как тяжелого наследия опустошительной войны.

После смерти И. В. Сталина новое руководство страны приняло ряд мер, направленных на улучшение материально-бытового положения населения. Был существенно ослаблен налоговый прессинг по отношению к крестьянству, взят курс на материальную заинтересованность работников в общественном производстве. Со второй половины 1950-х годов в стране развернулась «жилищная революция». Миллионы простых советских семей переселялись в отдельные благоустроенные квартиры из землянок, бараков, подвалов, коммуналок. Заметные успехи были достигнуты в народном образовании, здравоохранении. Значительно выросла средняя продолжительность жизни советских людей.

Однако степень соответствия обеспеченности советских людей рациональным нормам обеспеченности ценными продуктами питания (мясом, молоком, яйцами, фруктами), а также непродовольственными товарами оставалась весьма низкой. К началу 1960-х годов средняя жилплощадь на одного советского жителя лишь приближалась к минимальной санитарной норме, а многие люди еще не имели и этого.

Период правления Н.С. Хрущева – это время серьезных перемен в массовом сознании, время надежд на лучшее будущее. Началась политическая либерализация общества, был подвергнут критике культ личности Сталина, расформирован сталинский ГУЛАГ, активно стали проявляться обновленческие тенденции в духовной сфере. Огромное внимание уделялось воспитанию молодежи, ее подготовке к труду, самостоятельной жизни. Юноши и девушки хорошо проявили себя в освоении целинных земель, в индустриальном строительстве на Севере, Урале, в Донбассе и Сибири, в овладении знаниями, в развитии научно-технического прогресса. Они оптимистично смотрели в будущее, обладали высоким нравственным потенциалом.

Повседневную жизнь советских людей в период правления Н.С. Хрущева нельзя оценить однозначно. По сравнению с первыми послевоенными годами она значительно улучшилась в материальном отношении и стала свободней духовно. Однако и в 1950 – 1960-е годы значительная часть населения СССР еще продолжала испытывать нужду в полноценном питании, хорошей одежде и обуви, нормальных жилищных условиях. Некоторые действия лидера правящей партии и государства не находили поддержки у населения. Это его попытка ограничения в начале 1960-х годов личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих, повышение розничных цен на продукты питания без необходимых компенсационных выплат нуждающимся, неоправданные реорганизации управленческих структур, непредсказуемость импровизационных экспериментов в экономике.

Непоследовательной была политическая и духовная либерализация общества. Она имела четко определенные границы дозволенного. Ликвидация ГУЛАГа и осуждение массовых репрессий при Сталине не означали прекращения преследований людей по политическим мотивам и за их убеждения, отличные от официозных идеологических доктрин. Гонениям подверглась Русская православная церковь, которой Хрущев и его идеологи не находили места в будущем коммунистическом обществе.

Экономические реформы 1965 года в сельском хозяйстве и промышленности способствовали росту благосостояния рабочих, служащих, колхозников. Постоянно росла зарплата в индустриальной сфере, на денежную оплату труда перевели колхозников. Однако в 1970-е годы в силу ряда объективных и субъективных причин замедлились темпы экономического роста страны, что негативно сказалось на уровне жизни людей. Зарплата стала расти быстрее, чем производство высококачественных продуктов питания и добротных

непродовольственных предметов народного потребления – одежды, обуви, мебели, бытовой техники. Значительная часть промышленности работала на оборону страны, была втянута в гонку вооружений, что весьма мешало производству продукции для народного потребления.

По степени соответствия обеспеченности ценными продуктами питания, предметами народного потребления рациональным нормам СССР далеко отставал от развитых стран Запада, где стимулирование потребительского спроса и социальная защита населения являлись стратегической политикой. За счет экспорта сырьевых ресурсов СССР некоторое время удавалось частично смягчать остроту проблемы насыщения рынка товарами народного потребления. Значительная часть импорта одежды, обуви, мебели и других товаров поступала в СССР из стран Восточной Европы, входивших в Совет Экономической Взаимопомощи. Примерно со второй половины 1970-х годов проблема дефицита качественных товаров народного потребления стала в СССР хронической.

Жизненный уровень основной массы населения в период правления Л.И. Брежнева повышался медленно, а к концу 1970-х – началу 1980-х годов фактически оставался неизменным. Увеличивались денежные доходы населения, но росли и цены на качественные и дефицитные предметы народного потребления. Застой наблюдался не только в экономике в целом, но и в уровне жизни народа. Правда, этот уровень был достаточным для того, чтобы не допустить в стране массового социального взрыва.

Замысел М.С. Горбачева и его окружения улучшить ситуацию в экономике путем ускорения ее развития через научно-технический прогресс не удалось реализовать за короткое время. СССР слишком отстал от передовых стран Запада технологически, особенно в отраслях, производивших предметы народного потребления. Попытка внедрения в советскую общественную систему элементов рыночной экономики через экономическую и финансовую самостоятельность промышленных предприятий, кооперативы и индивидуальную трудовую деятельность еще больше обострила ситуацию на потребительском рынке. Начались перекачка дефицитных товаров из государственного сектора в коммерческие структуры, «отмывание» нажитого криминальным путем капитала, рост цен за счет обычной спекуляции. Затеянная в 1988 году кардинальная реформа политической системы привела к двоевластию в СССР, к неподчинению многих республик союзному руководству по многим вопросам. В результате во многом было потеряно эффективное управление страной, что привело в 1991 году к ее распаду.

В условиях постсоветской России повседневная жизнь основной массы ее жителей заметно не улучшалась. В 1990-е годы россиянам пришлось пройти через «шоковую терапию» в экономике, невыплату зарплат и пенсий, другие экономические трудности, политические потрясения и кардинальные перемены в массовом сознании. Но это уже другая история.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1953).....	7
ГЛАВА ВТОРАЯ ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН И НАДЕЖД (1953 – 1964 гг.).....	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ БЫТ И НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА (1965 – 1985 гг.).....	105
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕЛОВЕК В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985 – 1991).....	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	227

Научное издание

Федченко Михаил Николаевич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
(1945 – 1991 гг.)**

Монография

Редактор Н.Л. Попова

Подписано к печати	Формат 60*84 1/16	Бумага тип. № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 14,5	Уч.-изд. л. 14,5
Заказ №	Тираж 100	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.